

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

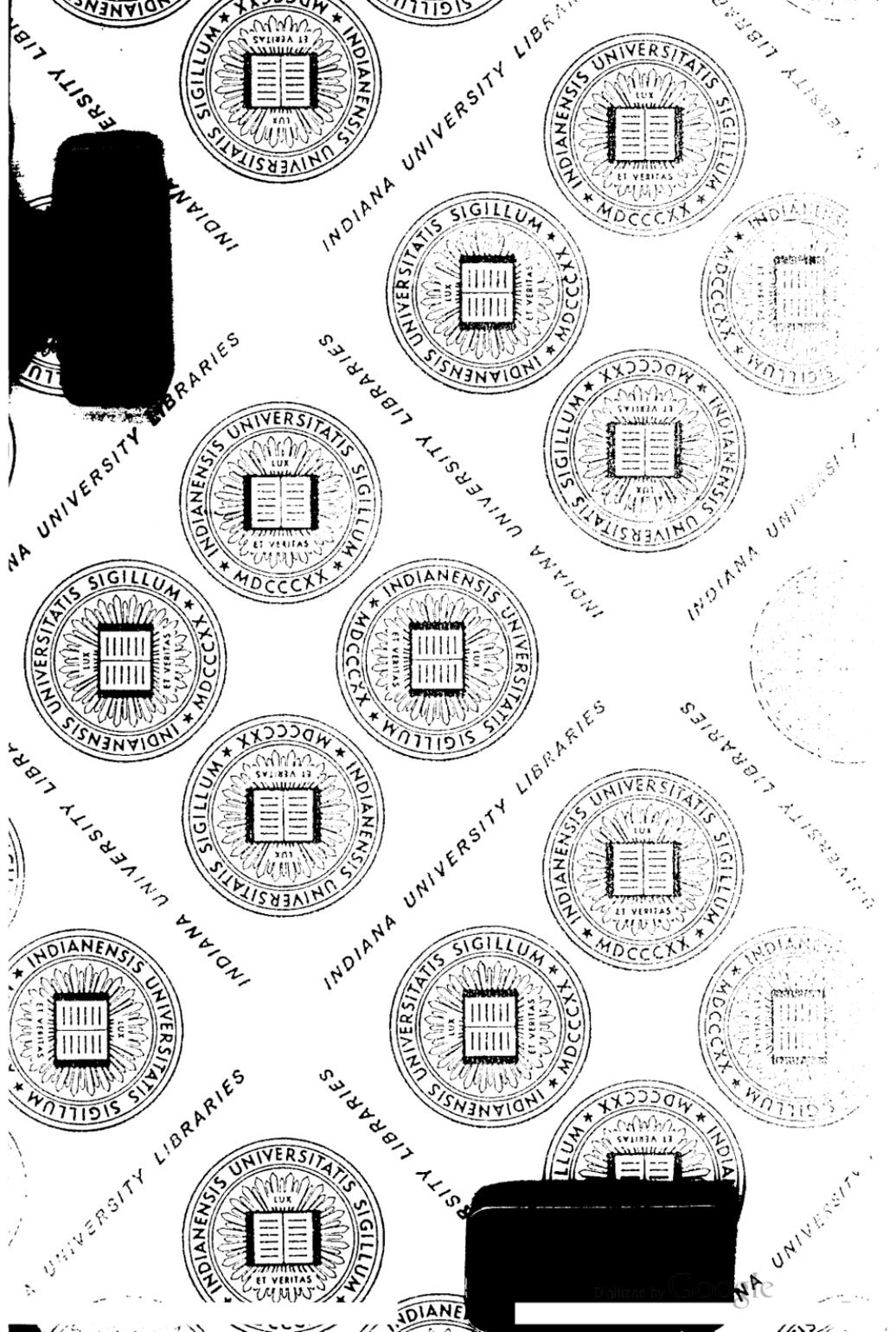
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

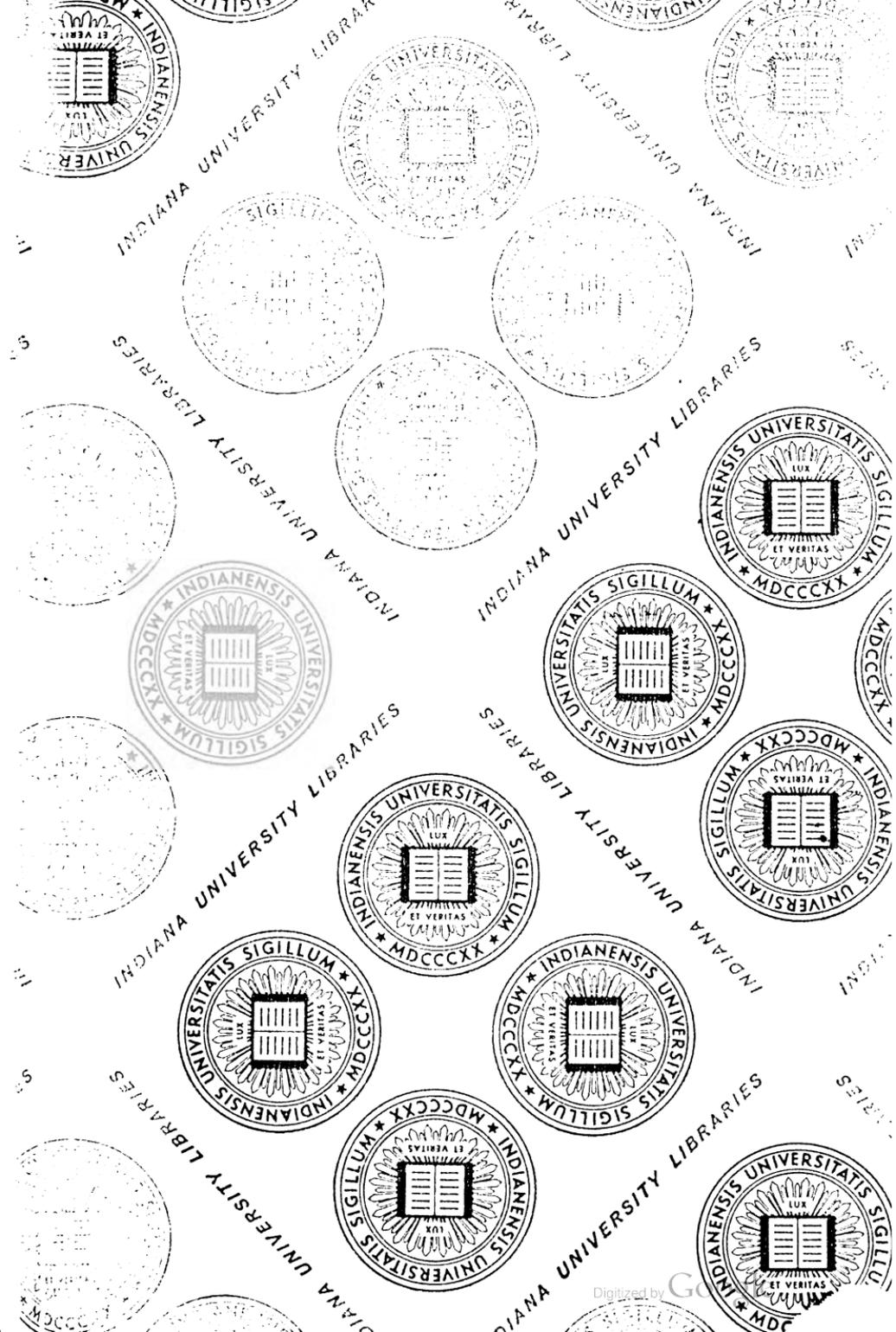
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

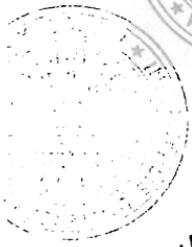
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

INDIANA UNIVERSITY LIBRARIES

С Л О В А Р Ъ
Slovar' ruskikh suevierii
РУСКИХЪ

С У Е В Ъ Р І Й.

М Д Chulkov

ВЪ Санктпетербургѣ.

Печатано въ вольной типографіи у Шнора.

1782.

GR 190
.C559

С У Е В Ъ Р І Е.

Отводя отъ Создателя кажется, приближаетъ ко оному, и для того душе- лагубное наноситъ безоластво. Въ про- чихъ грѣхахъ признаетъ себя челоѣкъ грѣшнымъ; а въ суевѣрїи мнится слу- жбу приносити Богу, и тако погибая мы- слитъ о себѣ, что онъ спасается, и за- вязавши себѣ глаза, приближается къ стрѣмнинѣ адской.

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

11-1-68

Многобожіе, то есть идолопоклонство и суевѣріе древнихъ Славянъ и нынѣ многихъ въ Россіи живущихъ народовъ было, и есть таково же, какъ и у прочихъ всего свѣта народовъ, понеже заблужденіе можно полагать вездѣ равное, и сей великій непріятель чловѣческаго разума содержалъ прежде и нынѣ, частію содержитъ подъ своимъ игомъ, многіе народы невычайая и людей ученыхъ. Предмѣтъ изданія сей книги есть тотъ, чтобъ къ симъ посмѣянія достойнымъ суевѣріямъ, частымъ возреніемъ на оныя произвести нѣкоторое отеращеніе, и истребить оныя во все; ежели до того возможность допуститъ; ибо нынѣ наибольшая часть земныхъ обитателей отъ онаго благополучно освободилась: чего сердечно желаетъ сочинитель, а съ нимъ и всѣ просвѣщенные люди.

М

У

И

А

Я

Ж

С

Т

П

Р

Д

Н

К

Л

З

И

О

С

Н

А

В

С

Ж

И

Т

С

Б

Н

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ МОЕМУ!

М** С**** Г***

Для добродѣтельнаго человѣка имѣютъ право на всегдашнее вниманіе наше. Расположеніи ваши, которыя вы сдѣлали и сдѣлать намѣрены, по возможности состоянія вашего: для услугъ и пользы отечества многими уже извѣстны и ощутительны, въ числѣ коихъ мнѣ яко пріятелю вашему и человѣку вамъ много одолженному, надлежитъ конечно оказать долгъ всегдашней моей къ вамъ благодарности, что я щастію при семъ случаѣ и исполняю, предавая свѣденію добродѣтель любящихъ людей, всѣ ваши исполненныя уже и предпріятыя въ пользу общественную намѣренія; а тѣмъ болѣе исполнить оное одолжаюсь, что въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ и щастливомъ днѣ насъ вѣкъ ни что не отвергается, хотя бы оно малый видъ общей пользы составляло.

Подражая неусыльнымъ Высочайшимъ стараніямъ о народныхъ пользахъ въ учрежденное здѣсь вольное экономическое общество, къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства; вы по мѣрѣ силъ и возможностей вашихъ удостоившись быть оного членомъ со вступленія вашего понынѣ внесли нарочитую въ оное сумму.

По

По открытіи въ здѣшней губерніи приказа общественнаго призренія и народныхъ школь, слѣдую Матеріалы Высочайшимъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА о пользѣ общей по леченіямъ, вы также внесли во оный приказъ нарочитую сумму, въ пользу людей немощныхъ.

При открытіи сего года Августа 7 дня, въ память и въ честь Государя Императора ПЕТРА Великаго монархенца, подражая по силѣ и возможности великимъ, и чаяніе превозшедшимъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА къ върилоданнымъ ЕЯ щедротамъ, при многихъ убыткахъ по Московскимъ льтейнымъ сборамъ сложили со служителей доимокъ или начетовъ двадцать тысячъ рублей, съ тѣхъ, которые уже дѣйствительно третейскимъ судомъ осуждены были въ ка-торжную работу.

Многихъ несчастныхъ людей бывшихъ въ казенныхъ должностяхъ, и подлавшихъ начету отъ недоразумѣнія ихъ, или отъ случая, искуленіемъ довольной суммой, спасли вы ихъ честь; а слѣдовательно и жизнь, понеже жизнь безъ чести, для чувствительнаго челоуѣка есть несносное бремя.

Въ слѣдствіе сего сидящіе по несчастнымъ случаямъ, въ заключеніяхъ, благородныя всякаго званія люди и на свободѣ обитающія, но страдающія и въ нужныхъ с.лу-

случаяхъ, требующія полезнаго вашего со-
вѣта, чувствуютъ всегдашнее ваше со-
страданіе и вселомженіе, а слѣдовательно
и отъ утешенія судьбы ихъ, нѣкоторое
облегченіе, имѣя вселомженіе ваше, что
вседневно свидѣтельствовать во всегда-
шнелъ утѣженіи вашелъ можно.

По долгомъ обращеніи съ вами, не
слыхивалъ никто, что бы обезлоконилсь
вы, когда въ разсужденіи множества те-
книщихъ дѣлъ и знатнаго капитала вашего,
находящагося во многихъ рукахъ еще безъ
возвращенія и при неблагодарныхъ еще
отъ оныхъ отзывкахъ и при продолжитель-
номъ собственнаго невозвращеніи вы неогор-
чаетесь, снося то до времени полученія съ
собственнымъ убыткомъ, по чему всегда-
шнее ваше равнодушіе, въ томъ досто-
вѣрно и ясно означаетъ ваше безкорыстіе.

При томъ достохвальное предъола-
гаете намѣреніе ваше, по доставленіи
отъ исполщихъ должностей вашихъ соб-
боды въ благодарность Великой ИМПЕРА-
ТРИЦѢ и матери отечества, за приобрѣ-
тенные къ общему благодворенію слособы
съ дозволенія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА учре-
дить на вашелъ коштѣ, въ полуденной
спранѣ между Днепромъ и Дономъ, по
близости Черноморскихъ Херсонскаго и
Азовскаго портовъ, въ выгоднѣйшихъ мѣ-
стахъ особливое училище, для нужныхъ въ
общежитіи художествъ и наукъ, на отлѣн-
ныхъ и полезнѣйшихъ для юношества рас-
поря-

поряженіяхъ, къ чему выписаны и записаны уже вами всякаго рода математическія физическія инструменты и машины; книги, картонны и естампы лучшихъ лицителей и значительныхъ художниковъ.

Въ слѣдствіе того для начальнаго введенія въ Россіи философическаго, математическаго и политическаго искусства, отправимъ вы двухъ академическихъ воспитанниковъ на ваше коштѣ, и вашихъ стараніемъ въ Англію, кои обучаются тамо, и обещиваютъ уже надежныя услуги.

И для обученія знанію рудныхъ, химическихъ, медицинскихъ и словесныхъ наукъ, отправляете нынѣ трехъ учениковъ, въ томъ числѣ и сына моего въ лучшей Европейской университетъ, определяя имъ достаточное содержаніе и платежъ за науки изъ вашего кошта; а по окончаніи наукъ профессору, который ихъ содержитъ и обучать будетъ, для большаго его пріятности, во открытіи имъ наукъ, сверхъ всей оной суммы, обещаете дать прістойное награжденіе. Въ послѣдствіе же сего помоществуя распространенію наукъ и художествъ, многія сочиненныя и переведенныя на Россійской языкъ полезныя книги, на коштѣ вашемъ напечатаны, и въ поощреніе сочинителей и переводчиковъ имъ отданы, въ числѣ коихъ и сія маловажная приписуемая вамъ. Усердіе ваше къ общему добру, подтверждаю

ДИАК

длин вы и доставленіемъ во всѣ магистраты и ратуши, сколько оныхъ находится въ государствѣ, кромѣ только столицъ, исторіи о Россійской торговлѣ.

Наконецъ о добротѣ души вашей можно свидѣтельствовать не заочно, тѣмъ болѣе, что подтверждаю оное всѣ тѣ добродѣтельные люди, кои всѣ обстоятельно знаютъ. Ваши труды, и труды особо проницательные, клонятся болѣе въ пользу общественную и на вселоженіе ближнего. Вашъ капиталъ по сѣрибншему ислыпанію, никогда не почитаете вы своимъ собственнымъ, но за вѣренной только вамъ отъ провиденія употребляя оной въ пользу, какого полезнаго заведенія на вселоженіе, и утѣшеніе уладившихъ фамилій воспитаніе дѣтей, на искушеніе въ темницахъ, за долги содержащихся и требующихъ вашей помощи; а наконецъ для ближнихъ и пріятелей вашихъ. Сверхъ сего изъясняете, какъ сынъ отечества, гдѣбъ ибудь сдѣлать государственное приращеніе, о чемъ извѣстны уже нѣкоторые правительства, и въ томъ васъ атествовали, все же сіе дѣлая, не думаете вы никогда о лустомъ тщеславіи.

Въ заключеніе всего того, смѣло утвердить можно, что сѣмена капитала сашего, сѣете вы въ сердцахъ благородныхъ, въ сердцахъ чувствительныхъ и нѣжныхъ молодыхъ юношей, воспитывающихся на

са-

*вашемъ коштѣ, и въ здѣшнихъ публичныхъ
училищахъ, которые со среяннею по-
жрутъ сладкіе и обильные плоды, въ
пользу общества и свою, къ прославленію
качествъ и имени вашего, и прѣбудутъ
благодарны навсегда они, и я.*

Покорный вашъ слуга

М * * * * Ч * *

Э
ЗД
АГ
ПР
ЧШ
КУ
23
ОН
КШ
ЛО

С Л О В А Р Ъ

РУСКИХЪ СУЕВЪРІЙ.

А графенинъ день. Юнія 23 дня, празднуеть церковь память святыхъ мученицы Агрипины, которая отъ простаго народа прозвана купальницею, по слѣдующей причинѣ. Древніе Славяне признавали идола Купало богомъ плодовъ, и праздновали ему 23 и 24 Юнія. Расклавши огонь, дѣлали предъ онымъ различныя игрища и пляски, перескакивая чрезъ него, и припѣвая часто имя Купалово, за что ожидали въ томъ годѣ изобилія

А

пло-

плодовъ, что и между нынѣшними Христіанами во многихъ деревняхъ оспалось; а потому святая Агрипина всѣми простолюдинами и называется купальницею отъ идола Купало. Въ число языческихъ святыхъ мѣстѣ принадлежитъ, и находящаяся по Рижской дорогѣ въ десяти верстахъ отъ Санктпетербурга липа, которой вътѣви переплелись съ отрослями ближайшихъ деревъ, такъ что природную составляютъ бесѣдку, въ которой и Государь Императоръ Пётръ Великій, ради пріятности ея не однократно изволилъ имѣть свое пребываніе. На семь мѣстѣ собираются Ижорки на канонѣ Иванова дни, то есть въ Аграфенинъ день, и провождаютъ съ пѣніемъ и воплемъ всю ночь при великомъ огнѣ; а напоследокъ сожигаютъ бѣлаго пѣтуха, дѣлая припомъ много скачки, пляски и прочаго.

Адамова голова, такъ называется трава, ею окуриваютъ пленицы или силки, которыми ловятъ дикихъ упокъ, но сіе окуриваніе должно бытъ въ великой четвертокъ, а иначе по мнѣнію суевѣровъ окуриваніе сіе будетъ недѣйствительно, и силки не будутъ ловки.

Ажушакъ или *Ажулуначъ*. Идолъ всѣхъ Камчадаловъ, вообще изображаютъ его столбикомъ съ обдѣланною верхушкою на подобіе головы человѣческой. Ставится онъ въ Юртѣ

Ю
за
лѣ
Ка
ло.им
но
се
ко
вш
из
по
ле
ямра
хр
са
ва
Ва
ст
ше
за
пѣ
ану
то
пр

Юртъ надъ домашнею посудою и почитается за караульщика отгоняющаго онѣ Юрпы лѣсныхъ духовъ, за что и кормящъ его Камчадалы по всякой день, мажущъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Алане, Славенскій народъ, оный не имѣлъ ни боговъ, ни храмовъ, ни жрецовъ, но вынявъ саблю изъ ноженъ, и вопкнувъ ее въ землю, поклонялся ей яко богу Марсу, котораго мнили всѣмъ тѣмъ мѣстамъ правителя, въ коихъ имѣли брани. Нѣкоторые изъ онаго народа предсказывали будущее по складыванію и разбираиію въ опредѣленное время прутниковъ, съ наговариваніями и торжественными обрядами.

Антихристъ, противникъ Христу. Раскольники утверждаютъ, что Антихристъ воцарился уже мысленно, въ то самое время, какъ началось въ Москвѣ исправленіе книжное, и будто бы Москва есть Ваилонъ и Антихристова царства престоль, и время уже настало втораго пришествія Христова, для чего нѣкоторые зажигая свѣчу, молятся ночью всегда до пѣнія пѣснѣхъ, ожидая страшнаго суда; а тогда уже спать ложатся.

Баранъ каменный. Камчадалы, когда нужду имѣютъ находить невѣдомаго вора, то жгутъ становыя жилы изъ онаго барана при собраніи многихъ людей и при Шама-

нахъ, ибо по ихъ мнѣнію сводитъ послѣ того злодѣя, пакъ какъ оныя жилы онѣ огня сжимаются.

Береза, древніе Чудскіе народы обитали нѣкоторыя въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ было весьма мало лѣсу; а березовыхъ деревъ и вовсе не находилось. Наконецъ вдругъ увидѣли они не токмо на сѣняхъ своихъ, но и внутри самыхъ ихъ жилищъ возрастающія березовыя деревья; сіе не свойственное спранамъ ихъ расшеніе привело въ несказанной ужасъ; а какъ прибѣгнули они къ гаданію, то волхвы ихъ располовали имъ, что значитъ сіе завоеваніе ихъ земель бѣлымъ царемъ, ибо сіе расшеніе изъ его владѣнія къ нимъ перенеслося. И такъ суевѣрный народъ повѣряя тому, оставилъ свои города и жилища пустыми и перебрался въ другія мѣста.

Благосѣщеніе, утверждаютъ суевѣры, когда птица проспиръ Благосѣщенскую заупренню, или въ сей день завьстъ гнѣздо, то отнимаются у ней на нѣсколько времени въ наказаніе крылья, и она летать не можетъ, но ходитъ по землѣ.

Борода, раскольники именующіе себя старовѣрами, сію кучу волосевъ почишающъ выше всѣхъ своихъ членовъ и дороже самой ихъ головы, мня, что они съ бородою соста-

составляютъ образъ и подобіе Божіе, не вообразя того и не размысля, что Богъ есть духъ, то плоть наша ни малѣйшаго подобія его составить не можетъ; а для сей неправооставленной ими системы лучше хотящъ лишены быть головы, нежели бороды; чѣмъ и многихъ проспаковъ заразили.

✓ **Бракъ**, на канонѣ брачнаго сочетанія, призывается въ домъ жениховъ семи или шести лѣтъ мальчикъ, который укладываетъ вещи въ нарочно купленный для того ларчикъ, который тогожъ вечера женихъ опивезетъ въ подарокъ невѣстѣ, а именно: башмаки, опахало, серги, пряжки, бѣлилы, румяны, перчатки и прочая. Во время бытія женихова у невѣсты сидитъ онъ и съ невѣстою на мохнатой шубѣ, въ знакъ будущей жизни благополучной. На другой день передъ поѣздомъ въ церковь тотъ же мальчикъ, или другой съ невѣстиной стороны долженъ невѣсту обушь въ новые башмаки, и продаетъ ее косу за гривну или за рубль, то есть что дадутъ. Невѣста въ знакъ ея покорности повинна въ первой разѣ разуть жениха, при чѣмъ женихъ кладетъ въ сапоги въ правой деньги, а въ лѣвой плетъ; и когда невѣста сперва за лѣвую ногу примется, то женихъ вынявъ плетъ, ударитъ невѣсту; а ежели за правую, то отдастъ ей положенныя денги. Новобрачныхъ же не кладутъ никогда спать въ

жилой хороминѣ; но въ пустой и не то-
 пленной, какъ бы спудено ни было, и нѣ-
 которые для того нарочно строятъ покои
 и на потолокъ земли не кладутъ. Подъ
 постелю кладутъ ржаные снопы или со-
 лому. Ежели на невѣсту въ церквѣ для голо-
 внаго убора вѣнца не вздеваютъ, и держитъ
 оной какой нибудь мущина, то вѣрятъ, что
 томъ бракъ будетъ недѣйствителенъ, и
 жена имѣть будетъ неопимѣнно побочныхъ
 мужей или любовниковъ; потому что она
 вѣнца не вздевала, или потому что вѣнча-
 лись ихъ прое вмѣсто двухъ. На другой
 день свадьбы, когда невѣста не была въ де-
 вкахъ цѣломудренна, то матери ея под-
 несутъ стаканъ съ дырою, изъ котораго
 напитокъ помечетъ, когда она возьметъ
 въ руки, ибо дружка поднося ей заметъ
 оную скважину пальцомъ.

Къ сговоренной невѣстѣ у Яицкихъ
 лозаковъ до самой свадьбы собираются ея
 подруги каждой вечеръ, поютъ пѣсни, пля-
 шутъ и играютъ съ молодцами. Въ сіе время,
 которое иногда продолжается до двадцати
 недѣль, женихъ почти можетъ обходиться
 съ невѣстою такъ, какъ мужъ съ женою.
 Въ дѣвишникъ долженъ онъ принести не-
 вѣстѣ въ подарокъ платье и весь женской
 уборъ; напротивъ того невѣста даритъ
 ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. По-
 слѣ вѣнчанія ѣдетъ невѣста отъ церкви
 на шелегъ, а позади ея сидитъ мать и
 сваха,

сваха, которая на всѣхъ пальцахъ должна имѣть кольца, и обѣ со сторонѣ прикрываютъ невѣсту полотенцомъ; дабы зрители лица не видали. Передъ телегою идетъ женихъ съ опцомъ и дружкой; позади шелеги многіе ѣдутъ на лошадяхъ верхомъ, и одинъ изъ нихъ держитъ полосатую плахту, какую Черкаскія жены обыкновенно носятъ вмѣсто юбки на длинномъ шесту, такъ какъ знамя; и оная плахта тѣмъ достойнѣе примѣчанія, что здѣшнія женщины оной не носятъ. Въ прочемъ пріятели сопровождаютъ день бракосочетанія въ пивъ, пляскѣ и пѣніи, и притомъ еще по большей части на улицѣ. У сихъ козаковъ прежде былъ такой обычай, что ежели кто жены держать больше не хочетъ, то выведши на площадь продастъ.

У Донскихъ козаковъ женихъ приѣзжаетъ верхомъ за своею невѣстою, и лошадь подъ нимъ обвѣшена колокольчиками, дабы невѣста слышавъ могла прибытіе своего жениха. Сии колокольчики хранятся потомъ или у родителей новообрачныхъ, или у нихъ самихъ для памяти; невѣста не приноситъ никакого приданого къ своему жениху; но онъ долженъ ее одѣть съ головы до ногъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ жениться, то высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ острожкѣ, преселяется жить туда, и объявля невѣстину

отцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣ-
 сколько времени работаетъ, оказывая удал-
 ство свое и проворство, и услуживая
 всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему
 своему тещю, шещѣ и невѣстѣ, а потомъ
 пребуетъ позволенія хватать невѣсту. И
 ежели поступки его родителямъ невѣсты
 и сродникамъ, также и самой ей попра-
 вятся, то получаетъ онъ соизволеніе; въ
 противномъ же случаѣ или вовсе пропада-
 ютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ на-
 гражденіемъ отпускается. Иногда случается,
 что такіе женихи никому ничего не сказавъ
 приходятъ жить въ чужой острогъ и ра-
 ботають: и хотя всякой по услугамъ ихъ
 можетъ признавать, съ какимъ намѣреніемъ
 они по дѣлають, однако никто ихъ о томъ
 не спрашиваетъ и не говоритъ ни слова,
 пока они или сами, или чрезъ другихъ объ-
 явятъ родителямъ невѣсты о своемъ изво-
 леніи.

Когда женихъ получаетъ позволеніе
 хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого
 случая, чтобъ гдѣ нибудь напасть на нея
 во малолѣдствѣ: ибо она бываетъ тогда
 подъ охраненіемъ всего женскаго полу того
 острожка, которая рѣдко отъ ней всѣ
 оплачуются. Сверхъ того во время хва-
 танья бываетъ она одѣта въ двои или въ
 прои хоньбы, опутана сѣтями рыболовными,
 и ремнями увязана такъ, что она не можетъ
 повернуться какъ стапуя; и еспли женихъ
 улучшить

ула
лю
де
си
вѣ
он
ба
и
ви
на
ни
за
сп
сх
сп
дѣ
он
бѣ
ни
бра
чи
но
год
нѣ
мя
чи
ры
вѣ
он
ду
ка

улучилъ въ малолѣдствѣ свою невѣсту, но бросаешь съ великимъ стремленіемъ, дерзая на ней хоньбы и сѣпи, чтобъ конушься тайнаго уда: ибо сіе у нихъ вмѣсто вѣнчанія почитается. Между тѣмъ какъ отъ самой невѣсты, такъ и отъ другихъ бабъ и дѣвокъ происходитъ ужасной крикъ; и хотя сама невѣста притомъ не противилась, да и противилась не можетъ, однако охранительницы поступають съ женихомъ не милосердо, бьютъ его, таскають за волосы, терзають лице и всякія средства унощребляютъ, чтобъ ему не дано схватить невѣсты. И буде жениху пощасливится предпріятіе свое произвестъ въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она дастъ знакъ его побѣды умильнымъ и жалоспнымъ голосомъ, ни, ни. Въ семъ состояніи вся важность брачнаго ихъ сочетанія, однако сіе получишь жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходитъ иногда цѣлой годъ или больше, а послѣ каждого хватанія принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времени справляясь съ силою и раны залѣчивать; а есть примѣры, что нѣкоторые по семилѣтнемъ хватанье вмѣсто невѣсты получили увечье, будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватываетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно; на другой день увозитъ ея въ свой остро-

жекъ безъ всякихъ церемоній, а для празднованія брака возвращается къ невѣстѣ по сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени.

У Мордвы и Чувашъ, когда отецъ вознамѣрится женить своего сына, то прежде подсылаетъ къ невѣстину отцу постороннихъ людей, и спрашиваетъ, намѣренъ ли онъ отдать свою дочь за Н? когда согласной на то получитъ отвѣтъ, то сошедшия съ обоихъ сторонъ отцы и матери договариваются сперва о калымѣ, то есть выкупѣ, также кому держать свадебныя издержки, какъ по попойку, и сколько точно и договорятся на пр. на гедрѣ вина, бочкѣ пива и меду, жениховъ отецъ приготавливаетъ по своему договору и переноситъ въ домъ невѣстинъ, кладетъ также калымъ или выкупъ за невѣсту 8, 9, 10 руб. и болѣе, смотря по состоянію обѣихъ сторонъ. Приведши все сіе въ порядокъ съ жениховой стороны отецъ и мать просятъ всю невѣстину родню въ гости въ-ея домъ, а женихова родня при томъ не бывастъ. Въ онній день сошедшия гости пьютъ и веселятся, а дѣти ни мало сего не знаютъ; и такимъ образомъ сдѣланной договоръ иногда долгое продолжается время. Въ самой день свадьбы объявляютъ жениху и невѣстѣ ихъ отцы, что у нихъ будетъ сей день свадьба, и собравшия жениховъ отецъ съ матерью ѣздитъ къ невѣстину отцу и матери;

ма
го
со
взя
со
въ
есе
сво
спе
ска
те
сп
до
ло
ибо
ро
къ
ил
ру
по
ша
оп
ко
пи
ды
же
са
къ
По
им
же
В

катери; а невѣста уже тогда бываетъ въ
 готовности къ браку. Вся церемонія ихъ
 состояла въ томъ, что невѣстинъ отецъ
 взявъ свою дочь за руку, а мать хлѣбъ и
 соль, вручаяющъ ей свекору и свекровѣ. Не-
 вѣста поблагодаривъ своимъ родителемъ за
 все попеченіе и воспитаніе и оплакавъ всѣхъ
 своихъ ближнихъ, покрывается бѣлымъ хол-
 стомъ до пояса, и выводится изъ отечес-
 каго дому чрезъ своего брата до саней или
 телеги. Такимъ образомъ родня съ невѣ-
 стиною стороны проводивъ ее до половины
 дороги, возвращается вся назадъ, а съ по-
 ловины дороги встрѣчаетъ родня женихова:
 ибо при самой свадьбѣ съ невѣстиною сто-
 роны никто не бываетъ. Какъ придутъ
 къ женихову двору, тогда жениховъ братъ
 или ближайшій сродникъ беретъ невѣсту за
 руку, и введши въ избу, сажаетъ за столъ;
 потомъ кличутъ жениха, который нахлуча
 шапку садится подлѣ невѣсты. Жениховъ
 отецъ при собраніи всѣхъ гостей и сродни-
 ковъ, беретъ поставленной на столъ длинной
 пирога аршина въ полтора за конецъ, и по-
 дымаетъ другимъ концомъ пирога, нало-
 женное на невѣсту покрывало, говоря сѣи
 слова: вотъ тебѣ свѣтъ, будь щастлива
 къ хлѣбу, животу и къ размноженію семьи.
 Потомъ перемѣняетъ ей свекоръ прежнее
 имя и называетъ *Мезява*, большая, естляи
 женится старшій сынъ, *Сернява*, середняя;
Вежива, меньшая, по старшинству ихъ му-
 жей.

жей. Тогда женихъ и сродники увидятъ невѣсту, а невѣста своего жениха или мужа; Послѣ сего начинають пиршество, которое иродолжается смотря по богатству свекора. Въ семь состоятъ всѣ ихъ свадебныя обряды и таинства.

Случается у нихъ, что обрученіе или помолвка бывають еще во время малолѣтства дѣтей, когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтныя дѣти, и лѣтами и имуществомъ между собою равны; то во время народнаго сомнѣнія мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите добрыя люди, что мы между собою сватовья; а какъ сіе засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до возраста своихъ дѣтей. Если же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшій договоръ не понравится на пр. если женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдають свою дочь за другаго; напротивъ того, если невѣстину отцу не понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублей.

Какъ они были еще язычниками, то хотя дозволялося имъ брать столько женъ, сколько кто содержитъ въ состояніи, однако смотря по крестьянскимъ доспашкамъ, никто болѣ прехъ женъ не имѣлъ. Двухъ сестеръ родныхъ брать у нихъ за грѣхъ не вѣчилось, съ пѣмъ только различіемъ, если

ест
сва
къ
ест
вол
къ
зом
вор
сво
по
нам
пол
уда
сол
сло
воп
па
дис
пр
въ
про
ми,
др
по
не
дѣ
гол
па
пол
и д
дѣ
съ

естѣли первая сестра умретъ, и такъ зять
 свѣдается на другой сестрѣ, приходивъ
 къ тещѣ и пребудетъ себѣ въ замужство;
 естѣли же тещѣ на сѣ согласиться добро-
 вольно не похочетъ, то можетъ отъ зятя
 къ тому и принужденъ быть такимъ обра-
 зомъ. Когда зять пришедъ къ тещѣ го-
 воривъ, отдавъ ли за меня, *Енай*, то есть
 свояченицу, а тещѣ отвѣстуетъ: нѣтъ;
 тогда зять потаенно принесенной хлѣбъ,
 или колачъ выняетъ изъ подпоя, старается
 положить на столъ. И естѣли ему сѣ
 удастся сдѣлать и сказать, вотъ хлѣбъ и
 соль береги мою *Енай*. Проговоривъ сѣ
 слова, женихъ долженъ скорымъ свой жи-
 вотъ спасать бѣгствомъ; ибо когда его въ
 такомъ случаѣ догонятъ, то бьютъ неща-
 дно, а естѣли уйдетъ благополучно, тещѣ
 принужденъ бываетъ отдать свою дочь,
 Въ прочемъ до крещенія Мордва имѣла право
 продавать своихъ женъ съ прижитыми дѣть-
 ми, когда онѣ имъ не полюбятся, и брать
 другихъ. Напронивъ того немущаго, ко-
 торымъ не въ состоянїи дать выкупъ за
 невѣсту, стараются подцепить гдѣ нибудь
 дѣвку удалствомъ, на такой конецъ под-
 говариваютъ шайку удалыхъ ребятъ, и по-
 таенно прибѣгаютъ въ ту деревню, гдѣ
 подговорена дѣвка; а иногда изъ базаровъ
 и другихъ мѣстъ увозятъ противу воли
 дѣвокъ. Во естѣхъ сихъ случаяхъ совершается
 съ ними простая наша пословица; или до-
 быль,

дятъ
 мужа:
 споре
 коры.
 бряды
 е
 не нам
 молбъ
 во ихъ
 сномъ
 бднаго
 мъ ро-
 те до-
 ловья;
 да они
 расту
 нъ ко-
 говоръ
 гошу
 я, по-
 в дочь
 невѣ-
 иногда
 къ за-
 г
 ни, то
 женъ,
 однако
 въ, ни-
 хъ се-
 хъ не
 чтемъ,
 естѣли

бытъ, или домой не бытъ; ибо когда на-
 гонятъ съ дѣвкою, то за добычу должно
 отплачиваться боками, а иногда и головою.
 Если удастся увезти благополучно, то и
 владеютъ ею; однако и шутъ калыму или
 выкупу избытъ не можно, но платяшъ его
 изподоюль. Съ того времени, какъ они на-
 чали больше имѣть обращенія съ Рускими,
 нѣсколько и свадебные ихъ обряды перемѣ-
 нилися; они сватаются по Рускому обы-
 кновенію примѣшивая и свои обряды, а осо-
 бливо въ самой попѣ день, когда невѣста
 къ вѣнцу приуготовлена. Ее одѣвають въ
 красное платье, п: е: красной кумачникъ,
 красную рубашку и красные сапоги, на всѣ
 пальцы обѣихъ рукъ надѣвають перстни
 разныхъ цвѣтовъ съ привѣшенными къ нимъ
 небольшими цепочками, къ которымъ при-
 крѣплены такъ же на иныхъ серебряныя, на
 иныхъ мѣдныя копѣйки, а на иныхъ полу-
 шки. Голову покрываютъ ей красною фа-
 тою, такъ что бы лица видѣшь не можно
 было, передъ нею спавятъ скамейку, на ко-
 торой лежитъ хлѣбъ, ведро пива и соль.
 Подлѣ ее садится пожилой мужикъ съ обра-
 зомъ, предъ которымъ малой мальчикъ дер-
 житъ свѣчу; между симъ временемъ подхо-
 дятъ къ ней ея сродники и нагибаютъ свою
 голову подъ фату, которыхъ она каждого
 порознь оплакиваетъ. Во время сей церемо-
 нии одинъ играетъ на гудкѣ, а прочіе по
 ихъ обряду приплясывая поютъ вой, вой.

Тутъ

Тутъ
 пред
 няет
 Съ ж
 ваетъ
 двух
 дол
 сашъ
 пере
 рука
 хива
 ряет
 на ст
 невѣ
 стин
 у сей
 Когд
 опла
 напер
 бли
 или
 беру
 е: га
 нося
 какъ
 роди
 и дер
 и ма
 раюш
 несн
 шаем
 по д

Тупь подчиваютъ пивомъ или медомъ всѣхъ
 предстоящихъ, и всякой себѣ за честь вмѣ-
 няетъ быть при такомъ случаѣ пьянымъ.
 Свѣтлая сторона споры никто тутъ не бы-
 ваетъ, кромѣ отца или брата, свахи и
 двухъ дружекъ. Свахина и одного дружки
 должностъ состоитъ въ томъ, что бы пля-
 сать и подносить; а другой дружка стоя
 передъ невѣстою безмолвенъ, держитъ въ
 рукахъ обнаженную саблю, которою пома-
 хиваетъ отъ времени до времени, и уда-
 ряетъ въ потолокъ или мапицу. У печки
 на столѣ кладутъ поспелю и все приданое
 невѣсты, на которомъ садится или невѣ-
 стина сестра, или другая какая подруга, и
 у сей дружка приданое выкупать долженъ.
 Когда невѣста всѣхъ своихъ сродниковъ
 оплачетъ, тогда дружка съ саблею идетъ
 напередъ, потомъ отецъ невѣстинъ, или
 ближайшій сродникъ съ образомъ, а мать
 или бабушка со свѣчею. Двое изъ поѣзду
 берутъ невѣсту подъ поясъ, а третій, т:
 е: главный дружка за ноги, и такъ ее вы-
 носятъ на дворъ; между тѣмъ невѣста,
 какъ бы неохотно оставляя домъ своихъ
 родителей, хватается руками за мапицу
 и держится, сколько ея силъ есть: отецъ
 и мать или ближайшія ея сродники ста-
 раются развести ея руки и помогаютъ вы-
 нести ее вонъ. Въ самыхъ еще дверяхъ хва-
 тается она въ другой разъ за косякъ, гдѣ
 по же съ нею дѣлается. Какъ вынесутъ
 не-

невѣсту на дворъ, што дружка съ саблею кричишь, что бы все зрители стояли рядомъ, и что бы никто невѣстѣ на встрѣчу не попался, ибо встрѣча тогда за худой знакъ почитается. Между тѣмъ запираютъ избныя двери и никого изъ избы не выпускаютъ, пока невѣста не будетъ посажена въ сани или телегу, и не покрыта бѣлою скаптернью съ бахрамами. Въ поѣздѣ передъ невѣстою ѣдетъ отецъ или братъ жениховъ, за нимъ невѣста, сваха и дружка, на одной упряжкѣ. За невѣстиною упряжкою ѣдутъ ея подружки и прочей поѣздъ до половины дороги, невѣсту привозятъ въ церковь, гдѣ женихъ дожидается. Послѣ вѣчанія изъ церкви женихъ ѣдетъ напередъ, невѣста позади, а за невѣстою поѣздъ, по приѣздѣ домой, женихъ принимаетъ невѣсту и ведетъ въ избу; но прежде, нежели входятъ въ оную, оба становятся одною ногою на порогъ избной, гдѣ имъ сперва жениху, ставятъ на ногу горячую съ хмѣлемъ сковороду, нарочно къ сему приготовленную, копорой съ ноги оную сбрасываетъ сколько далеко, сколько ему заблаго разсудится: но томъ ставятъ сковороду на ногу невѣстѣ, копорая такъ же сбрасывается; но тутъ домашнія примѣчаютъ, сколько далеко она сковороду скинетъ, и заключаютъ, что чѣмъ далѣе сковорода отлетитъ отъ ея ноги, тѣмъ она сердитѣе и сварливѣе будетъ; въ противномъ случаѣ

уклон-

уклон
Послѣ
саян
ромъ
дни не
дѣвичь
косу
отецъ
поръ
дялся
слано,
и так
или ц
бывает
слъ с
или к
зоваш
вичье
лишат

щи хъ,
выбер
сторон
на лад
читает
ный д
прид
дѣвѣст
Прину
особли
бранн
дей от

уклонною и смиренною быть надѣются. Послѣ сей церемоніи входятъ всѣ въ избу, сядяся за столъ и пируютъ, при которомъ пиршествѣ никто изъ невѣстниной родни не бываетъ, и молодая надеваетъ свое дѣвичье Морзовское платье, заплетаетъ косу и повязывается повязкою. Невѣстнины отецъ и мать и прочіе сродники до тѣхъ поръ ни съ нею, ни съ ея мужемъ не видятся, пока съ ея стороны не будетъ прислано, что бы ея родня къ ней приѣзжала, и такъ иногда сіе свиданіе чрезъ полгода или цѣлой годъ случается. Сіе для того бываетъ, что она до тѣхъ поръ, пока послѣ свадьбы не увидится со своимъ отцомъ, или кшо ея выдавалъ, имѣетъ право пользоваться дѣвичьею красотою и носить дѣвичье платье; а увидясь со своими, оной лишается, оболокшись уже въ женской уборъ.

У Татаръ по рѣкѣ Черемшану живущихъ, когда женихъ или его родители, гдѣ выберутъ невѣсту, то сватаютъ чрезъ постороннихъ людей, и если дѣло пойдетъ на ладъ, то за самой первой пунктъ почитается калымъ или выкупъ, и самый бѣдный долженъ платить по крайней мѣрѣ тридцать рублей, а богатые по сту, по двѣсти и дороже покупаютъ себѣ женъ. Принужденія въ женидбѣ у нихъ нѣтъ, а особливо женскому полу; по чему при собраніи родственниковъ и постороннихъ людей отецъ спрашиваетъ у невѣсты, любь ли

В

ей

ей женихъ, и охотно ли она за него идетъ? согласной ся отвѣтивъ рѣшитъ все дѣло; ибо призвавъ Муллу, который прочитавъ молитву, позволяеть невѣстѣ съ женихомъ вмѣстѣ сидѣть за зановѣсомъ; а прочіе пьютъ и веселятся. Если женихъ въ состояніи заплатить выкупъ, то беретъ въ то же время съ собою невѣсту: въ противномъ случаѣ невѣста остается у отца до тѣхъ поръ, пока женихъ всего не заплатитъ выкупу по частямъ. Между тѣмъ женихъ имѣетъ право тайно отъ времени до времени посѣщать свою невѣсту, что у нихъ за пазуху ходить, называется; ибо только до пазухи невѣстиной, а не далѣе женихова вольности простираться должна. Когда же весь вы заплатитъ калымъ, то собираются паки къ невѣстину отцу на пиршество, и упившія гости развѣзжаются по домамъ; а женихъ съ невѣстою и другими сродниками, какъ же и съ приданымъ уѣзжаетъ въ свой домъ; гдѣ призвавъ Муллу совершаетъ бракъ. Мулла спрашиваетъ только при раза, женился ли? прибавляя имя жениха, на что ему отвѣчаетъ дружка тѣми же словами, женился; спрашиваетъ такъ же проекратно невѣсту, вышла ли? на которой вопросъ отвѣчаетъ сваха, вышла; ибо женихъ и невѣста Муллѣ не кажутся, но сидятъ, или въ другой избѣ, или за зановѣсомъ. По сихъ вопросахъ, Мулла прочитаетъ молитву, и тѣмъ кончится вся тайнобрачная. По про-

шест-

шестви́и двухъ или трехъ дней, зять при-
зываетъ къ себѣ въ домъ пѣствя и всю жен-
нину родню, съ которою и пиршествуютъ,
при чемъ всякъ по своему достатку награ-
ждаютъ новобрачныхъ, какъ то скотомъ,
платьемъ и прочимъ.

Хождение за пазуху имѣетъ кромѣ облег-
ченія въ выкупѣ и другія основанія, шутъ
женихъ приходитъ къ невѣстѣ въ расплохъ,
и можетъ увѣренъ быть о ея качествахъ,
ибо естли онъ что за нею подозритель-
наго примѣтитъ и засвидѣтельствуется
другими, дозволяется отказать ему отъ
невѣсты заблаговременно, и возвратить на-
задъ часть даннаго выкупа.

Женидѣба дѣшей у Калмыковъ зависитъ
единственно отъ воли родителей. но пре-
жде нежели онѣ сватовство предпріять
могутъ, приходятъ къ своему Гелюню, и
объявляютъ ему имя жениха и невѣсты,
годъ и число, въ которое родилися. Гелюнь
справляется въ своемъ Сударѣ и объявляетъ
соизволеніе Бурхановъ: естли по гелюнову
мишнѣю худое будетъ предвѣщаніе о свадьбѣ,
то ни подъ какимъ видомъ бракъ совер-
шиться не можетъ, развѣ отцы одарятъ
столько Гелюня, что онъ сими подарками
можетъ и Бурханское соизволеніе переми-
нить въ хорошее предзнаменованіе.

Когда получаютъ отъ Гелюня доброе
предвѣщаніе, тогда уже договариваются о
калымѣ при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сто-

ронѣ. Невѣста обыкновенно жениху принести должна новую кибитку нѣсколько всякаго скота, и ясырь, то есть: услужниковъ и услужницъ.

Бракъ совершаетъ Гелюнь во время новомѣсячїя съ своими обыкновенными обрядами: сперва приводитъ ихъ къ Бурханской присягѣ во взаимной вѣрности; потомъ выводитъ ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ глядѣть на солнце и читаетъ свои молитвы, при которыхъ женихъ съ невѣстою бьютъ земные поклоны; иные говорятъ, что жениха съ невѣстою обводятъ троекрапиво около кибитки, другіе напротивъ того увѣряютъ, что сіе не правда; но всѣ при бракосочетанїи обряды состоятъ въ молитвахъ. По совершенїи молитвъ, Гелюнь накладываетъ на нихъ руки, и шѣмъ кончитъ. По вѣнчанїи невѣстѣ сажаютъ въ кибиткѣ за занавѣсъ, а женихъ садится въпереди; родня съ обѣихъ сторонъ беретъ сырую овчину, и тянутъ ее сколько силъ есть; и еслили женихова родня впрянетъ въ кибитку невѣстину родню, то невѣстина родня принуждена бываетъ держать свадебную попойку; и обратно при началїи пиршества, невѣстѣ вводятъ въ свою кибитку, гдѣ она съ женскимъ поломъ торжествуетъ, при игранїи музыкальнаго согласїя состоящаго въ чебызгѣ, волынкѣ и гудкахъ: ибо молодой по ихъ установленїямъ возбраняется видѣться съ свекромъ и съ сваршею

шею
не п
шип
верш
верба

шани
свои
жени
сіи
поро
ност
скол
ютъ
вѣсп
Росс
ривн
изъ
лице
быва
тым
они
поса
хлѣб
пкок
прин
ей на
говор
вей,
долж

дѣше

шею жениховою роднею, да и отца своего не прежде, какъ по прошествіи года поспитъ дозволено, и тогда она отъ него совершенной свой пай получаетъ, какъ по верблюдовъ, скотъ и проч.

При совершеіи бракосочетанія, Мокшанцы сажали невѣсту въ собраніи всѣхъ своихъ приятелей на рогожу, относили къ жениху въ покои и отдавали ему, говоря сіи слова: вопъ тебѣ волкъ овца, въ котромъ случаѣ невѣста по благопристойности припворяется столь неистовою, сколько силъ ея станеть. Еще и нынѣ имѣютъ они такое обыкновеніе, что когда невѣста послѣ обвинчанія возвращается изъ Россійской церкви, то должна она непрерывно голосомъ вопить; да и нѣкоторыя изъ нихъ въ такой горести царапаютъ себѣ лице немилосердо, при томъ же у невѣсты бываетъ лице закрыто фатою, или вышитымъ полотенцомъ. Еще и нынѣ держатся они того обыкновенія, что на другой день послѣ свадьбы, старшій изъ сродниковъ взявъ хлѣбъ съ привѣшеною къ нему небольшою шапкою и пряжкой, которую носятъ на груди, приносятъ въ даръ молодой, спави въ прижды ей на голову, и при томъ не всегда по порядку говоритъ сіи три слова: пятей, мезей, пивей, только выговариваемое на послѣди слово должно быть обыкновенное имя молодой.

Калмыки Лицкіе стовариваютъ своихъ дѣтей, не токмо въ младенчествѣ, но и

во чревѣ, и при томѣ съ такимъ договоромъ, естли у одного родится сынъ, а у другаго дочь, то неопимѣнно должны они сочестаться бракомъ, и сіе обрученіе солержатъ ненарушимо. Молодыхъ людей обыкновенно сводятъ тогда; когда уже имъ отъ роду четырнадцать лѣтъ или болѣе; еще за два года до свадьбы дается жениху вольность ходитъ къ невѣстѣ, и съ нею играть: но естли она обрюхатѣетъ еще до свадьбы, то принужденъ онъ задобривать ея родителей подарками, не смотря на то, давно ли происходило обрученіе или не давно; однако должно еще до свадьбы договориться съ невѣстинымъ отцомъ и матерью, о даваемомъ числѣ лошадей и другаго скота. Напротивъ того ея родители приготавливаютъ въ приданое за нею платье, потребныя въ дому вещи и постелю, состоящую изъ узорчатыхъ, и по краямъ обшитыхъ шелковою или бумажною матеріею войлоковъ и такихъ же одѣялоу; сверхъ того даютъ еще новую изъ бѣлаго войлока сдѣланную кибитку. Предъ свадьбою навѣдываются у Гелюня о благополучномъ къ пому днѣ. Когда должно быть свадьбѣ, то невѣста со своими родителями и сродниками побѣдетъ къ жениху, поставя новую кибитку; Гелюнь читаетъ при всѣхъ поѣзжачихъ нѣкоторыя молитвы надъ женихомъ и невѣстою; послѣ чего по его приказанію расплетаютъ у невѣсты всѣ

косы,

косы
косы
люди
отъ
оку
мо
ша
ю
пом
о
ше
ста
нѣ
дн
кр
ч
вс
пн
ход
нос
со
бу
чр
по
ли
н
ос
се
бо
им

косы, и заплетаютъ волосы, только въ двѣ косы, такъ какъ носятъ бабы; потомъ Гелюнь снявъ шапки съ жениха и невѣсты, отходитъ съ Гетсюломъ въ поле, и тамъ окуриваетъ оныя ладаномъ, читая при томъ молищвы; а возвращаясь оттуда отдаетъ шапки дружкѣ и свахѣ, которые и надѣваютъ оныя на голову жениху и невѣстѣ. Потомъ подчиваютъ гостей, и невѣстинъ отецъ обыкновенно даетъ скота на пиршество. Какъ гости разойдутся, то невѣста остается въ кибиткѣ у жениха и ей нѣсколько времени не дозволяется выходить изъ кибитки, ниже къ ней приходитъ кромѣ матери и сродницъ. Сказываютъ, что на свадьбахъ у князей производятъ великія увеселенія, а именно: бываетъ знаменное пиршество, при которомъ случаѣ находится предводитель у пѣхъ, которые носятъ кушанье въ большихъ деревянныхъ сосудахъ; предводитель ѣдетъ напередѣ на бурой лошади, въ великолѣпномъ платьѣ; чрезъ плечо повѣшенъ длинной кушакъ изъ тонкаго полотна, а у шапки виситъ черной лисей или куней мѣхъ. Въ день бракосочетанія, во всѣхъ улусахъ читаютъ духовныя особы молищвы, а свѣтскія на свадьбѣ веселятся, бѣгаютъ на лошадяхъ въ запуски, борются, спрѣляютъ изъ луковъ и проч.

Калмыкамъ по ихъ вѣрѣ не позволяется имѣть много женъ, но сей законъ не столь

строго наблюдають, что бы знатный или начальник иногда не имѣлъ у себя двухъ или трехъ женъ; однако си примѣры рѣдко случаются. Хотя и не позволено имъ разводиться съ женою, однако по часто бываетъ, а особливо у знатныхъ, естли Калмыкъ имѣетъ причину быть не доволенъ женою, или она сама похочетъ развестися, то ему вольно раздѣть ее до нага и прогнать плетью; естли же онъ хочетъ разснаться съ нею честнымъ образомъ, то позоветъ ся сродникоу къ себѣ на пиръ, дастъ женѣ осѣдланную лошадь и столько скота, сколько хочетъ или можетъ дать, и съ симъ добромъ отъ себя опускаетъ.

Вопяки послѣдую примѣру своихъ предковъ, сватають дѣвицъ по договору, сколь много надобно за нее дать калыму, когда договоръ заплашы кончится, то женихъ беретъ невѣсту въ свой домъ и дѣвою не дѣлю пользуется ея пріятностями; но по прошествіи сего времени, отецъ невѣстинъ приѣхавъ къ своему зятю, беретъ ея обратно и дѣлой годъ держитъ въ домѣ своемъ, шакъ крѣико, что она не можетъ имѣть никакого свиданія съ назначеннымъ ея женихомъ. Въ сей годъ женихъ печется, дабы заплашить потребное число калыма, а невѣста съ своей стороны оказываетъ послѣднія услуги своимъ родителямъ; но какъ все уже будетъ готово, то сдѣлавъ все ну-

нужн
пирѣ
жени

оста
и жд
сепѣ
ритѣ
лоды
богат
пинѣ
брав
дѣик
пиво
выку
на к

пока
пѣм
дѣам
пакѣ

смот
крас
поср
соеп
цан
шор
бран
сно
лук
пра
жом

нужное къ свадебнымъ обрядамъ, дѣлають пирь, и посреди собравшихся гостей, отецъ жениху вручаетъ свою дочь.

У самыхъ гостепріемнаго покоя дверей останавливается она на раскинутомъ сукнѣ, и ждетъ пока духовный человекъ принесетъ въ жертву стаканъ пива, и сопьоритъ къ богамъ молитву о ниспослании молодымъ щастія въ наживѣ хлѣба, дѣтей и богатства. Освященное оное пиво дастъ онъ пить молодымъ, и сіе служитъ, какъ будто брачнымъ таинствомъ; послѣ сего разноситъ дѣвка съ невѣстиной спороны медъ или пиво, а сама невѣста прося каждого гостя выкушать подносимое, становится при томъ на колѣни, и до тѣхъ поръ не встаетъ, пока гость не опорожнитъ сосуда. Между тѣмъ не укладывая еще молодыхъ спать, дѣлають изрядно, попиваютъ, пляшутъ, и такъ далѣе.

Киргизцы платятъ калымъ за невѣсту смотря по своему достатку, и смотря на красоту и природу сватаемой дѣвки: самая посредственная плаща за невѣсту должна состоять въ одномъ пленникѣ, въ тридцати или въ сорока лошадяхъ, и въ нѣкоторыхъ военныхъ снарядахъ. Передъ днемъ брака, отецъ невѣстинъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего жилища становится бѣлую кибитку, въ которой обыкновенно отправляются брачные обряды между женихомъ и невѣстою, къ ней привязываютъ

Б 5

богато-

богатоубранную женихову лошадь, и памъ же кладутъ наилучшую его одежду.

Естьли невѣсна по день сочешанія своего сохранила себя безпорочну, то брачное пиришествво опправляется съ веселіемъ; еспьлижъ случится тому прошивное, то бывшіе при оной церемоніи сваты заколютъ убранную женихову лошадь, и въ мѣлкіе куски изрѣжутъ его одежду, означая шѣмъ неблагополучіе сочешавшихся. Въ такомъ случаѣ отецъ невѣстинъ служитъ ругательству собравшихся гостей, и при томъ лишается взятаго за дочь свою калыма. Такіе примѣры у нихъ весьма рѣдко случаются, потому что дѣвокъ просватываютъ они по большой часни малолѣтнихъ. Утромъ брачнаго дня невѣсту, сидящую на богатомъ коврѣ, носятъ четыре дѣвки прощаться со всѣми ея подругами; сіе прощаніе еспь знакомъ изключенія ея изъ дѣвокъ: изъ сего то дня женихъ можетъ видѣться съ своимъ тещемъ, что по сей день у нихъ не бываетъ.

Они наибольше подстерегаютъ Калмычекъ, потому что они по ихъ сказкамъ къ удовлетворенію похоти наилучшее имѣютъ шѣблосложеніе и долѣ всякихъ другихъ женщинъ ровняются съ молодками: по чему и знатные Киргизцы на нихъ женятся, когда согласятся принять Магомешанской законъ; напрошивъ того какъ Персіанки, такъ и Персіана Кызылбаши толко имъ ненавистны,

внсп
невс
хоч
дѣв
цан
вер
лож
них
же
жен
за
и п

дѣв
пр
и б
дна
Хол
ни
свѣ
рас
пре
кой
ван
жен
мас
кол

въ
дн
гун
баб

вистны, что выдають ихъ и за своихъ невольниковъ. Когда кто въ первые жениться хочеть, то даетъ за природную Киргизскую дѣвку ококо пятидесяти лошадей, двадцати пяти коровъ, до ста овецъ, нѣскольکو верблюдовъ или невольника, и лапы. Я положилъ здѣсь среднюю цѣну, скудные женихи дають и гораздо меньше, богатые же и въ нѣскольکو кратъ больше; другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платятъ и того еще больше, и такъ далѣе.

Лопари женятъ и за мужъ выдають дѣшей по своей единственно волѣ, уважая при томъ одно только имѣніе, а потому и безобразная дѣвка, когда только не скудна можетъ выйти за хорошаго человѣка. Холостымъ не дозволяется у нихъ жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся свѣжевать оленей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ располагается договоръ о бракѣ съ такою превеликою почностію, какъ будто о какой куплѣ, хотя въ прочемъ запросы бываютъ и нарочито непомѣрны, даваемое женихомъ за невѣсту награжденіе принимается щепомъ и состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, или мягкой рухляди.

Свадьба бываетъ у невѣсты, которая въ самомъ лучшемъ своемъ нарядѣ выходитъ къ гостямъ простоволоса; а въ другую пору всегда повязана голова, какъ у бабъ, такъ и у дѣвокъ. Свадебное ихъ угощеніе

щеніе есть не иное что какъ очередное пиршество, на которое идучи несетъ всякъ съ собою, какъ сбѣстное, такъ и напитки. Забавляются же они на свадьбахъ и при другихъ сборищахъ игрою въ гуська; сія игра подобна шахматной, и производится принадлежашью камешками представляющими гусей и лисицу. Увеселяются также борьбою, прыганьемъ черезъ держимые вдоль шесты, рассказываніемъ забавныхъ басенъ нескладнымъ и пополамъ съ крикомъ смѣшаннымъ пѣніемъ и пляскою. Молодые живутъ первый годъ у тещи и у тещи, а потомъ перебираются въ свой шалашъ.

Въ домѣ, гдѣ бытъ свадебному пиршеству, спавятъ на столѣ Черемисы домашняго Идола, передъ которымъ пворитъ Картъ молитву, потомъ бываетъ обѣдъ и начинаются веселости, состоящія въ пляскѣ по гусямъ, волынкѣ, шибберѣ и губномъ органѣ кобанѣ; въ оранье пѣсенъ и сему подобномъ; между тѣмъ наряжаютъ невѣсту въ другой избѣ въ бабье одѣяніе, сиречь снимаютъ съ нее покрывало и надеваютъ ей на голову, вмѣсто худой нарядную высокую шапку или повязку. Женихъ взявъ ее за руку, отводитъ въ гостепріемной покой, гдѣ она во время пворимой картомъ молитвы спонитъ на колѣняхъ, а потомъ раздаетъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невѣ-

невѣс
добро
посте
пираю
прихо
щина
спина
плетъ
въ дѣ
погроз
свои
польк
щанія
ихъ, к
непосл
препре
весели
ходил
спакан
пѣкѣ
и меж
закон
порым
обрядъ
лѣпѣ;
скорѣ
милую
береме
дочь
таким
околн

невѣста сама, однако спать ложится не добровольно, но принуждаема будучи къ тому посторонними бабами. Уложат молодыхъ, запираютъ подклеть; на другой день по утру приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами заступивши мѣсто роднаго невѣстину отца, мущина, держа въ рукѣ добрую плеть, и ежели примѣтитъ, что невѣста въ дѣвствѣ вела себя не цѣломудренно, то погрозясь оною совершаетъ на другой день свои угрозы такимъ же образомъ пропуская только больше либо меньше, послѣ спрашанія времени наказываютъ мужа женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣшатъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они также въ пируванье и веселье; а какъ станутъ на послѣдокъ расходиться гости, то всякъ выпивъ послѣдней стаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ молодымъ въ подарокъ. Мало бываетъ и между исповѣдующими уже Христіанской законъ Черемисами, такихъ свадебъ, на которыхъ бы не происходили сіи языческіе обряды, хотя и за нѣсколько мѣсяцовъ или лѣтъ; но бѣдный странствующій удалецъ скорѣе совершаетъ свадьбу, онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даетъ тогда отцу такое за дочь награжденіе, какое самъ вздумаетъ: и такимъ образомъ безъ всякихъ свадебныхъ околичностей наживаетъ себѣ жену.

Ежели

Ежели кто вздумаетъ изъ Чувашъ обипающихъ по Волгѣ жениться, то сватъ торгуетъ дѣвку очень крѣпко; обыкновенная невѣстамъ цѣна просирируется отъ двадцати до пятидесяти руб.; но иные за пять и за десять рублей получаютъ также себѣ женъ; напротивъ того богатые даютъ за невѣсту и до осмидесяти руб.; невѣстино приданое состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣяннн, бываетъ почти равное платимымъ женихомъ за нее деньгами. Торгъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ (хота).

По заключеннн онаго бываетъ особый съ дарами побѣдъ; женихъ приѣзжаетъ съ родителями своими къ невѣстѣ платить за нее договорныя деньги, даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, плапками или холстомъ. Невѣстинъ отецъ для сугубаго въ женидьбѣ щастія, приноситъ въ жертву пшенишный хлѣбъ и небольшое количество меду сырца; онъ держитъ даръ свой противъ солнца и творитъ молитву; послѣ чего ѣдятъ, пьютъ, веселятся и напослѣдокъ опредѣляютъ когда быть свадьбѣ.

Во время свадьбы сидитъ невѣста за навѣся лице за отгородкою; напослѣдокъ вышедъ отшуда, ходитъ прискорбно въ гостепрнѣмой избѣ кругомъ, а дѣвки носятъ передъ нею пиво, медъ сырецъ и хлѣбъ; какъ обойдетъ она ер третій разъ избу, то женихъ срываетъ съ нее покрывало, цѣлуетъ

луеѣ ея и мѣняется съ нею перстнями; съ сей поры называется она обрученною дѣвкою, и разноситъ гостямъ хлѣбъ, медъ сырецъ и пиво, и напослѣдокъ уходитъ опять за отгородку, гдѣ бабы вмѣсто худой дѣвичьей шапки надеваютъ на нее бабью побогатѣе убранныю хушну.

Когда станутъ молодыхъ раздѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги. На другой день по утру происходитъ о дѣвичьей непорочности слѣдствіе, ежели окажется, что она до замужства жила не цѣломудренно: то невѣстинъ прислужникъ подастъ старѣйшинѣ съ пивомъ таковой стаканъ, у коего на днѣ пробурована дырочка, копорую зажавъ пальцомъ удерживаетъ пиво, но какъ скоро гость возьметъ стаканъ въ свои руки, то начнетъ напитокъ бѣжать изъ дырочки; гости поднимаютъ превеликой смѣхъ, и производятъ шѣмъ невѣсту въ стыдъ: другихъ не бываетъ никакихъ слѣдствій. На другой день принимаетъ молодая гостей уже такъ какъ хозяйка, въ разсужденіи чего и веселья бываетъ больше, нежели въ первый день; пляшутъ же они по гусямъ, по волынкѣ и по губному органу. Крещенія вѣнчаются въ церквѣ спустя иногда и долгое время послѣ оныхъ обрядовъ. Свадьбу играютъ больше у жениховыхъ родителей, и она походитъ нѣсколько на очередную пирушку, потому что всякой гость не-
сетъ

сесть что нибудь съ собою. Въ прочемъ ставятъ еще на столъ и блюдо съ хлѣбомъ, въ которой воткнута стрѣла; путь кто изволилъ изъ гостей кладетъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ.

У Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ передъ свадьбою невѣста должна нѣкоторое мѣсто очистить отъ волоса; у простыхъ людей исправляютъ дѣло сіе на дѣвишникѣ бабы бритвами: знавшія же употребляютъ къ тому заранѣ особливую мазь (Т. Сурахъ), которою и мужья бороды свои для уменьшенія мажутъ, и которая соспавляется изъ опермента и негашеной извести, разтворя ихъ на водѣ или на постномъ маслѣ, сею мазью попираютъ они въ банѣ причинное мѣсто нѣсколько разъ не сряду, но пропуская по немногу времени; а когда волосъ вновь пустится, то опять за мазь принимаются. Нѣкоторые выдергиваютъ волосы, дабы навсегда избавиться отъ частаго и тягостнаго бритья, и съ самымъ корнемъ. Дѣвки собравшись на дѣвишникѣ къ невѣстѣ, у которой лице бываетъ занавѣшено, оплакиваютъ вмѣстѣ съ нею перемѣну ея состоянія; въ невѣстиной же пѣснѣ, копорую поютъ двое мужчинъ, почитается сія перемѣна желательною. На кануи свадьбы относятъ невѣсту въ вечеру посадя на коверъ, въ потъ домъ, гдѣ бытъ свадьбѣ, и путь по видится она съ новыми своими родственниками.

Весь

столъ
въ с
они
пом
пак
сдѣл
соче
нѣ
вели
них
спра
еще
како

а бо
бише
лымъ
отъ
чемъ
по р
иде
поше
прич
ясь с
шомъ
лою
баомъ
пер
нѣко
и сіе
ки д

Весь обрядъ бракосочетанія ихъ состоитъ въ томъ, что Мулла спрашиваетъ въ слухъ жениха и невесту, желаютъ ли они вступить въ супружество, и получа подтвердительной отвѣтъ, какъ на сіе, такъ и на то, что договоръ о всемъ уже сдѣланъ, объявляетъ ихъ чинная молитву, сочепавшимися бракомъ. А какъ потеряніе дѣвичьей чести почитается у нихъ за великое безчестіе, по немолчаливой женихъ можетъ въ день свадьбы, какъ по справедливости, такъ и напрасно сорвать еще съ тещи и тещи клепаньемъ своимъ какой внесеть подарокъ.

Многія Башкирцы имѣютъ по двѣ жены, а больше рѣдко у кого бываетъ Употребительный у нихъ выкупъ за невесту калымъ состоитъ въ скотѣ, и простирается отъ пятнадцати до двухъ сотъ головъ; причемъ лошади, рогатой скотъ и ошцы почти по равному даются числу. За невестою идетъ часть сего выкуна въ приданомъ, и потому въ прежнія возвращается руки. По причинѣ изобилія въ Кумызѣ, и сообразуясь своей бодрости, играютъ они свадьбы только лѣтомъ. Передъ сочепаньемъ Муллою совершаемымъ, заводятъ между собою бабы и дѣвки о невестѣ споръ, при чемъ первыя одерживаютъ верхъ, и потомъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ выводятъ у нее волосы, и сіе шоржество называется у нихъ Таки Алганъ; при сочепаніи даритъ Мулла

В

же-

жену спрѣлу, и говоритъ: будь храбръ, содержи и защищай свою жену. На всякую свадьбу убиваютъ для Бишбармака по одной лошади. Въ первую ночь остается у молодыхъ двое мужчинъ, и сполько же женщинъ; на другой день получаютъ гости отъ молодыхъ небольшіе дары, какъ то, нипки, холсты, плашки, иголки и прочее.

Увеселенія ихъ во время свадебъ и праздниковъ состоятъ кромѣ пированія, въ пѣніи, пляскѣ, борбѣ, бѣганіи на лошадяхъ впуски, спрѣлянніи въ щѣль, и смѣхотворныхъ представленіяхъ, въ коихъ они перелазниваютъ людей и звѣрей, и сія игра называется у нихъ черный иноходецъ. Они играютъ не только на балалайкѣ, но и на дудкахъ сдѣланныхъ изъ пустыхъ правяныхъ стволковъ, къ чему нѣкоторые и баса припѣваютъ. При пѣніи употребляютъ они искони такое изобретеніе, которое въ иномъ мѣстѣ не поспыдно бы было объявить и зановое, а именно: они носятъ для обороны отъ комаровъ особливья опахалы, которыя нашимъ почти подобны, и въ ихъ то складкахъ пишутъ они свои пѣсни. Пѣсни ихъ гласятъ о славныхъ богатыряхъ странствующихъ удалыхъ головахъ, превращеніяхъ и проч., и служатъ наипаче къ соблюденію въ памяти дѣлъ славныхъ ихъ предковъ, которыя и воспѣваютъ они съ великимъ воспоргомъ. Когда наослѣдокъ женихъ собирается вести невѣсту свою домой, то она

она
св
слу
дом
обн
ри
пр
Ве
вер
то

нев
ску
ша
пр
Еа
ши
бл
бу
то
хл
щи
ся
жен
юр
юр
хол
лен
па
пр
мя
род

она ходитъ изъ юрты въ юрту прощаться съ благодареніемъ и плачемъ, и при семъ случаѣ надбѣляютъ ее иные скотомъ, а иные домашнюю рухлядь. Въ родительской юртѣ, обнимаешь она кумызной мешокъ, благодаритъ ему, что споль долго ее питалъ, и прикрепляетъ къ нему небольшой подарокъ. Весь станъ провожаетъ молодыхъ нѣсколько верстъ, и всѣ пьютъ при распаваньи взятой съ собою въ малыхъ мешкахъ кумызъ.

У Чулумскихъ Татаръ, сватъ идучи къ невѣстѣ, беретъ съ собою новую Китайскую трубку и Кипайской же курительной табакъ, объявляетъ тамъ причину своего пришествія, и удаляется на короткое время. Если онъ по возвращеніи своемъ приметъ, что трубка его совсѣмъ не употреблялась, то почитаетъ это за отказъ; буде же увидитъ, что изъ нее курено, то торгуетъ невѣсту на платье, мягкую рухлядь, скотъ и прочая. Цѣна простирается щитая на деньги отъ пяти до пятидесяти руб. по соглашеніи препровождаютъ женихъ и невѣста первую ночь въ новой юртѣ, при чемъ между сею и тещевою юртою содержится огонь. Въ число происходящихъ обыкновенно на свадьбахъ увеселеній состоящихъ, какъ и у другихъ Татаръ въ пированьѣ пѣсняхъ, пляскѣ и проч. принадлежитъ и то, что женихъ при помянутомъ огнѣ борется съ невѣстными родственниками; ему надобно одержать,

при томъ побѣду и великая силѣ его честь, ежели онъ можетъ самъ собою безъ посторонней помощи управиться. Въмѣсто постели служите молодымъ разосланной воілокѣ. Невѣста противится на оной ложиться, и послѣду она проситъ при семъ случаѣ помощи у замужней своей пріятельницы, то сія должна учинить ее, какъ ей впредь съ мужемъ жить; за что получаетъ въ подарокъ праздничное платье. Ежели невѣста не имѣетъ признаковъ своей честности, то молодой тихимъ образомъ отъ нее уходитъ, и къ безславію молодой не прежде къ ней возвращается, какъ раздѣлавшись съ похитителемъ ея чести, послѣ чего все забывается.

У Моравы по приѣздѣ невѣсты въ жениховъ домъ приходитъ его мать со сковородою, наполненную сухимъ хмѣлемъ, которой зажигаетъ она горящею лучиною и ставитъ сковороду къ правой ногѣ невѣсты, а она отпалкиваетъ оную ногою, сіе дѣлаютъ трижды, и каждый разъ сгребаяютъ просыпанный хмѣль на сковороду. При семъ случаѣ примѣчаютъ, что ежели сковорода упадетъ на оборотъ, то есть дномъ къверху, то молодымъ предвѣщаетъ всякое злополучіе, ежелижъ она ляжетъ внизъ дномъ, то почитаютъ сіе за щастливое предзнаменованіе. Потомъ кричатъ, давай пива, и какъ скоро подалутъ, то невѣста снимая нѣсколько колецъ съ рукъ опускаетъ въ

въ
гос.
ту
спа
и к
а н.

пан
мен
въ
ряд
дру
обм
по
осм
гам
чны
пуд
гал
ков
скл
жен
жен
вин
гою
скл
на
пос
слѣ
чеп
пос
спу

въ брашню, изъ которой потомъ пьютъ
госпи. Наконецъ раздають грешневую кру-
пую кашу, собравшимся изъ всей деревни
старымъ и малымъ, каждому по чумичкѣ,
и кладуть иному въ шапку, иному въ полу,
а иному и за пазуху.

Древніе Россіяне при брачныхъ соче-
таніяхъ поступали слѣдующимъ образомъ:
между прочихъ церемоній, передъ побѣдомъ
въ церковь, садится женихъ съ невѣстою
рядомъ, или на соболи, или на какойнибудь
другой мѣхъ, чешутъ свахи имъ головы,
обмакивая гребень въ меду или въ винѣ, ко-
торое держитъ въ ковшѣ нарочный. Потомъ
осыпають ихъ осыпаломъ, то есть день-
гами и жмѣлемъ, шутъ же зажигаютъ бра-
чныя свѣчи, которыя бывали съ лишкомъ по
пуду, смотря на имѣніе брачныхъ, зажи-
гали же ихъ особою Богоявленскою свѣч-
кою. Въ церковь возили съ собою вино въ
скляницѣ, и когда священникъ дастъ пипи
жениху и невѣстѣ, то при послѣднемъ разѣ
женихъ разбиваетъ скляницу съ оставшимся
виномъ объ полъ, и топчетъ бушяку но-
гою. Брачныя свѣчи ставятъ потомъ со-
скавши ихъ вмѣстѣ въ кадку во пшеницу
на цѣлой годъ въ сенникѣ въ головахъ у
постели. Сенникъ приготавливаютъ къ тому
слѣдующимъ образомъ: ставятъ по всѣмъ
четыремъ стѣнамъ образа, а въ головахъ
постели, надъ дверями и окнами по кре-
сту воздвизательному, по всѣмъ четыремъ

углабъ вопкнутъ по стрѣлѣ, и на нихъ по соболу или по куницѣ, и взопкнутъ по калачу, на лавкахъ по углабъ же поставятъ по оловянику меду. Постелю спелютъ на двадцати одномъ ржаномъ сноѣ, и какъ подадутъ послѣднее на сноѣ кушанье, то есть жаркое, то дружка обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и съ солонкою, верхнюю сканершью, понесетъ въ сенникъ къ постелѣ, а пономѣ поведутъ и молодыхъ. Въ дверяхъ у сенника отецъ посаженной сдаетъ съ рукъ на руки новобрачную ее мужу, и говоритъ увѣщательную о содержаніи на узаконенныхъ порядкахъ супруги рѣчь, и когда придутъ къ постели, то тысяцкаго жена надевъ на себя двѣ шубы, одну такъ какъ должно, а другую сверхъ того навыворотъ, осыплетъ опять молодыхъ осыпаломъ, то есть деньгами, жмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ, и кормитъ ихъ уже на постелѣ. По утру приходятъ тѣжъ свадѣбные чиновные, и подымаютъ одѣяло съ молодой стрѣлою, и свидѣтельствуютъ ее непорочность, потомъ водятъ молодыхъ въ мыльню, а послѣ кормятъ ихъ кашею, и тогда молодая даритъ пришедшихъ гостей дарами и овощами. Когда молодой на другой день по утру бываетъ въ мыльнѣ, тогда теща присылаетъ ему все платье, то есть такое, въ какомъ избани до покоевъ дойти можно. Въ церквѣжъ во время вѣнчанія подстилали молодымъ подъ

подъ
рѣю.
дру
вред
лод
дом
не о
меж.

сыл
и да
на п
лог
дру
ден
рае
рая
дер
яго
лѣн
чап
отп
а по
отп
къ
дво
тая
гор
спр
лах
шо
зят

подъ ноги камку, или другую какую матерію, а сверхъ ее соболи или кунницы, или другую мягкую рухлядь. Въ прочемъ во все время брачнаго сего поржества, когда молодой возьмѣтъ за руку свою молодую, то долженъ вести ее до назначеннаго мѣста не опуская ее руки, а инако вѣчное будетъ между ими несогласіе.

У Малороссіянь жениховъ отецъ, посылаетъ двухъ сватовъ къ невѣстину отцу и даетъ имъ хлѣбъ, которые ежели будетъ на то согласіе, оставляюпъ хлѣбъ въ залогъ у отца невѣсты, а отъ него берутъ другой на обмѣнъ, и попому назначаютъ день свадьбы. На все время свадьбы избирается изъ дѣвокъ одна *свѣтила*, которая во время стола сидя въ большомъ углу, держипъ увишную калиными вѣтвями съ ягодами козацкую саблю, на которой прилѣплена восковая зажженная свѣча тройчашка. Послѣ вѣнчанія женихъ и невѣста отходятъ изъ церкви по своимъ домамъ; а пообѣдавъ женихъ благословляется отъ отца и матери хлѣбомъ и солью ѣдетъ къ невѣстѣ въ домъ. По срединѣ невѣстина двора поставляется тогда квашня накрытая скатертью, а на ней хлѣбъ и склянка горѣлки. Мать невѣстина выходитъ въ стрѣчу въ вывороченной шубѣ, сидя на виллахъ, или кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ; которой даритъ зяпю, а онъ выливаетъ изъ него на гриву своей

своей лошади, и отдаетъ пустой горшокъ старшему боярину, которой бросаетъ его въ сторону, и буде горшокъ разобьется, то молодая родитъ сына, а когда уцѣлѣтъ, то дочь. Потомъ братъ или сродникъ продаетъ невѣсту, говоря, что она въ пятнадцатилѣтнее время пребыванія у нихъ сбѣла и выпила, пять бочекъ бураковъ, то есть свеклы, три бочки капусты, четыре вола или быка, шесть кабановъ или борововъ, десять овецъ, сто гусей, двести куръ, семдесятъ пять утокъ, двадцать кулей хлѣба, пять бочекъ пива, двѣ бочки меду, пять бочекъ горѣлки, то есть хлѣбнаго вина, за что получаетъ двѣ или три копейки. По выѣздѣ изъ невѣстина дома, спешаетъ женихъ ее нѣсколько разъ пѣшью и говоритъ: *покидай нривы отца и матери и привыкай къ моимъ*. При выѣздѣ въ жениховъ домъ, въ воротахъ зажигается кулъ соломы, чрезъ который должны всѣ переѣхать. По ужинѣ пришедъ на подкалѣтъ невѣста разуваетъ жениха, который бьетъ ее голенищемъ, и она получаетъ лежащія въ сапогахъ деньги. Ежели невѣста сохранила свое дѣвство, то всѣ гости идутъ въ домъ ее отца, и съ радости бьютъ у него окны, ломаютъ печи, лавки, столы, стулья, и все что ни попадется, за что отецъ не токмо что не досадуетъ, но еще и даритъ ихъ. Потомъ взявъ невѣстину красную передникъ, по ихъ *заласку*, приязываютъ

звѣ
юшѣ
цѣмъ
у
хотѣ
ею
слѣ
рѣл
спи
неся
спон
нази
рѣл
два
гуз
пир
про
дах
и пр

розе
нахо
вход
было
нихъ
ваю
ее с
кры
чи
ажн
леч
ко

зываютъ на высокій шестъ, и выставля-
ютъ у воротъ на цѣлый день въ знакъ
цѣломудрія невѣстина. По опиразднованіи
у всѣхъ приходивъ опять въ домъ жени-
ховъ, гдѣ свекоръ взявши палку, тычетъ
ею въ глаза невѣстку, спрашивая у нее, не
спала ли она. А потомъ подбиваетъ го-
рѣлакою. Потомъ дружка, жевихъ и всѣ го-
сти идутъ паки въ домъ невѣсты, и при-
неся съ собою курицу окладенную въ сви-
стною каліною и пирогами безъ начинки,
называемыми по ихъ *Стульни*. Дружка раз-
рѣзываетъ курицу и даетъ отцу голову и
два пирога, щецъ столькожъ пироговъ и
гузку; а потомъ всѣмъ гостямъ по куску
пирога и курицы. Такимъ образомъ пре-
провождаютъ цѣлую недѣлю въ сихъ обря-
дахъ и пированіяхъ, при играніи на скрипнѣ
и при пѣніи различныхъ пѣсней.

Описавъ свадебные обряды многихъ на-
родовъ, обитающихъ въ Россіи, за нужное
нахожу примѣнить, что ни гдѣ невѣста
входя въ жениховъ домъ столько поносима не
бываетъ, кромѣ города Торонца. Тамъ же-
нихъ и всѣ его домашніе нарочно призы-
ваютъ для того дѣвокъ, которыя при входѣ
ее отъ вѣнца въ домъ жениховъ, стоя на
крыльцѣ, поютъ между прочимъ: *намъ*
чильбы Василсчишка во трехъ шубахъ,
ажно она беременна, ты несешъ ли лю-
лечку, ты ведешъ ли нянечку. Оглянись
ко ты назадъ, полюбовники стоятъ, да

ло грамоткѣ держатъ. Сіе мнѣ кажется, ни увеселенія, ни чесши, ни жениху, ни невѣстѣ не приноситъ. А вообразя тогдашнюю переменѣну состоянія дѣвицы, а при томъ и умной, ибо тамъ и знашное купечество сіе употребляетъ: то конечно представится, что сей ни гдѣ не употребляемый обычай походитъ много на сбумазбродство. И ежели оной будетъ отставленъ, то конечно убытка изъ того въ свадебныхъ обрядахъ никакого не послѣдуетъ.

Брови свербятъ, у кого засвербятъ брови, тотъ смотрѣти будетъ на потныхъ лошадей, то есть приѣхавшаго къ нему изъ далека гостя, и ему кланяться, или кланяться будетъ за сдѣланное ему какое нибудь благополучіе.

Бугъ рѣка, Славянами была обопворяема, черпали изъ нее воду съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ.

Бударинъ фарпостъ, близко Лицкаго городка. Уральскіе козаки вѣрятъ, что при жизни ихъ родителей зарыта въ Аврагъ насыпанная деньгами лодка, по ихъ Бударъ называемая, которой и по сіе еще время найти они не могутъ, хотя и великое къ тому стараніе прилагаютъ. А потому прозванъ Аврагъ, фарпостъ и рукавъ рѣчки Бударинъ Ерикъ.

Бу-

долж
ссора
ваше
поко

лины
ляро
межъ
бры
спин
помо
вла
въ
под
сло
кони
Нѣк
клян
сам
кова
леж
пип
голос
сво
чувс

ских
мно
бры

Булавка, булавки давать никому не должно, чтобъ не раздружишься или не поссоришься; а когда необходимо должно давать булавку; то надобно ея принимателея поколоть, тогда уже будетъ безссорно.

Булумеръ, Болгарскій городъ, развалины коего находятся въ пригородѣ **Биллярскѣ**. Въ древнемъ ономъ городѣ Булумеръ или Буляръ, владѣлъ нѣкоторый храбрый государь, и обогатясь многою корыстію отъ побѣжденныхъ городовъ; а потомко: въ своихъ почитая за недопѣйныхъ владѣльцъ своими сокровищами, построилъ въ городѣ высокій столбъ; а подъ нимъ подземную палату, и скрылъ тамо все свое богатство съ волшебными заклинаніями, которое еще и теперь тамо находится. Нѣкоторые люди пытались подраться къ заклѣтой хранилѣ, но приближась увидѣли при самомъ входѣ ужасную черную сабаку, прикованную на цепяхъ, и спрегущую внутрь лежащія сокровища. Она бросилась на похитителей съ великою яростію, и ужасный голосъ ея принудилъ ихъ возвратиться въ свои дома; куда пришедши лишились они чувствъ и разума.

Бѣлбогъ, божество Славянъ Варяжскихъ, имѣлъ кровавый образъ покрытый множествомъ мухъ, его почитали они добрымъ богомъ. Мужи означали его питаемъ

лемъ

Бу-

лемъ пварей; жертвовали ему веселіемъ, играми и радостнымъ пиrowаніемъ.

Вдова, у Камчадаловъ вдовы за себя ни кто не возьметъ, ежели съ нее грѣха снято не будетъ; а сіе состоитъ въ одномъ совокупленіи съ нею челоука постороннаго. И оное всякій Камчадалъ за безчестіе себѣ щиталъ, чтобъ снять такимъ образомъ со вдовы грѣхъ; но прибывшіе на Камчатку козаки многихъ вдовъ разрѣшили.

Вода, въ Январѣ мѣсяцѣ пить изъ рѣкъ припадкою водою, почивается у Камчадаловъ за великой грѣхъ; но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ, или бараній рогъ вмѣсто ковша упопреляемый.

Водяной дѣдушка, сіи особья черти живупъ въ водѣ, а особливо въ мупной и подлѣ мельницъ, они купающихся безъ креста уносятъ въ воду, а особливо малыхъ ребятъ, и шамъ, какъ увѣряютъ глупые, имѣютъ великолѣпные и богато убранные палаты.

Волосъ, или *Велесъ*, Славенскій богъ скоповъ, его считали на второй степени по Перунѣ, имѣлъ храмъ въ Кіевѣ, и по многимъ другимъ городамъ.

Волосы, остригая волосы суевѣры, берегутъ ихъ пакже, какъ и ногти въ особомъ мѣстѣ,

мѣст
что
доск

каны
Грек

бляю
баран

не не
спор

кого
чекъ

преде
щилъ

ныхъ
никъ

пуш
олена

браве
щее

все д
вопро

номъ
обмир

дитъ
съ ни

а ин
вой

знака

мѣстѣ, и кладутъ съ собою во гробъ, вѣря, что на томъ свѣтѣ въ каждомъ ихъ волоскѣ потребуютъ опчета.

Волоты, сѣи спрашаница были великаны и значили у Славянъ по же, что у Грековъ Гиганты, имъ приносили жертвы.

Волшебники, для волшебства употребляютъ они большею частію волшебный барабанъ, который у Россійскихъ лопарей не иное что, какъ продолговатый съ одной стороны кожею обшянутый ящикъ, около коего бываетъ великое множество веревокъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной коже, представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, также звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ и сему подобнаго. Волшебникъ положивъ на оную кольцо и ударя колушкой, которую составляетъ мохнатый олений рогъ, можетъ узнавать по тому изображенію, на коемъ ляжетъ припрыгивающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на все до прошедшаго и будущаго касающіеся вопросы. Они призываютъ также барабаномъ своимъ демоновъ, при чемъ тѣло ихъ обмираетъ въ то время, а душа тогда уходитъ на сборное мѣсто чертей, и тамъ съ ними совѣтуетъ, что отвѣтствовать, а иные предсказываютъ по трясенію луковой пштивы, качаніемъ ноги и по небеснымъ знакамъ. Предсказываютъ и самыя бездѣлицы;

лицы, благополучные и несчастные дни, знаютъ напередъ, когда будетъ дождь, но и сами могутъ располагать погодою и вѣтрами, въ состоянїи удерживать и насылать галину, дѣлаютъ женъ и спала плодородными; предсказываютъ также по щелямъ, какіе окажутся на брошенныхъ въ огонь овечьихъ лапкахъ, или хвостовыхъ составахъ, они узнаютъ воровъ, отгадываютъ вѣроломство въ любви, успѣхъ въ путешествіяхъ и прочая. См. *Шиманы и ворожен*.

Воробей водяной. Ся птичка водится въ Сибири и другихъ близкихъ оному мѣстахъ, она ныряетъ въ нарочито глубокія рѣчки, для собиранія на днѣ мѣлкихъ водяныхъ червяковъ, и выходитъ опшуда сухая. Многіе увѣряютъ, что ежели жиромъ сей птички, котораго весьма немного набрать можно, или кровью оныя намазать хотя одинъ разъ человѣческіе члены, то уже они вѣчно отъ мороза предохранены будутъ. Суевѣры воробьевъ вообще считаютъ проклятою птицею, вѣря сами и другихъ увѣряя, что они въ то время, когда Христа распинали, приносили пакы ко кресту тѣ гвозди, которые ласточки кравши у Римлянъ уносили, и за то въ наказаніе воробы имѣютъ на ногахъ оковы, которыхъ люди видѣшь не могутъ, для того никогда ногами не переступаютъ, а все пры-

прыг
перс

кром
посп
кра
може
ровсв
вѣда
укра
не у
случа
онъ

лико
спой
въ п
не см
ютъ,
когда
дамъ
глядя
густо
не зв
копю
дома
о пр
пырь
при у
нац

прыгають, ибо въ разсужденіи тѣхъ оковъ пересунуть не могутъ.

Воровство. У всѣхъ дикихъ народовъ, кромѣ Камчадалъ, воровство похвально, и поступаетъ въ томъ жестоко, но не за кражу, а за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получить мужа, ежели въ воровствѣ не окажется искусства. Якупъ хопя вѣдасть, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скопину, однако не взирая на то, не удержится отъ жирной кобылы, и въ случаѣ нещастія тѣмъ утѣшается, что онъ ѣдалъ жирную кобыляшину.

Ворожба, Цыганы въ семъ ремеслѣ великое берутъ преимущество, и нашъ простой народъ весьма вѣритъ, что Цыганы въ предсказаніи будущаго великіе знатоки, не смотря на то, что они ихъ обманываютъ, окрадываютъ, и что слова ихъ никогда не сбываются. ЕСТЬ еще по городамъ сегождъ ремесла кофейницы, которыя глядя въ чайную чашку, выливши изъ одной густой кофе, предсказываютъ то чего сами, не знаютъ, а прибыль дѣлятъ со слугами, которые ихъ предъ тѣмъ увѣдомляютъ о домашнихъ обстоятельствахъ. Ворожатъ о пропажѣ домашней решетою и псалтырю, вѣшая ихъ на веревочку, и когда при упоминеніи имѣни чьего, псалтырь или решето повернется, то признають того

того за дѣйствительнаго вора, и дѣлають ему истязанія.

Ворожен, колдуны, чернокнижники, чародеи, волхвы и кудесники. Ворожеями называютъ тѣхъ, кои посредствомъ нѣкоторыхъ правъ, корней и наговоровъ на вино, масло и воду, выдѣлываютъ разныя болѣзни или оныя насмѣаютъ. Заочно утверждаютъ, что они знаютъ съ дьяволами. Съ ними заключаютъ контракты, и во всемъ отъ нихъ помощи, что касается до добра и худа, получаютъ; когда же умирають, то волшебную свою книжку показываютъ кому нибудь изъ родни или изъ друзей своихъ; а если не откажутъ, то по смерти своей ходятъ въ полночь въ саванъ въ свой домъ и пребываютъ той книжки; отъ котораго посѣщенія наводящаго ужаса всѣмъ домашнимъ, иначе избавиться не можно, какъ выкопавъ такого мертвеца, положивъ паки во гробъ ничкомъ, подрѣзать ему пяты и вколопитъ между плечами осиновою колѣ, прочитавъ закликательныя молитвы, зарыть паки землею. Также когда сѣи колдуны обучаютъ своихъ учениковъ такому чародейству, берутъ съ собою образъ, кладутъ его на землю ницъ лицомъ, велятъ на оной стать ученику и отъ него отрицатися. Кто найдетъ такую черную книгу и спанетъ читать, то немедленно предстанутъ множество дьяволовъ, и спанувъ просить работы. Буде рабо-

работ
его
порш
ниха
жемь
время
вающ
наход
шени
сающ
шадн
на дѣ
ныя
сами
кошко
пшви
и те
сносп
въ де
жей,
ворщи

шест
копор
звѣд
науку
Юрун
лопан
лахъ,
умбю
должн
къ не

работы дать имъ онъ не приищеть, то его убиваютъ. Обыкновенно оные ворожей портятъ на свадьбѣ, либо гостей, либо жениха, или невѣсту. Дѣлаютъ между мужемъ и женою несогласіе, жениха въ то время не дѣйствующимъ, а у невѣсты скрываютъ тайное естество, которое иногда находятъ подъ горшкомъ, лукошкомъ, решетомъ и проч. Присаживаютъ килы, бросаютъ порошокъ на дорогу, и будто лошади жениховы и невѣспины спановятся на дыбы, и нейдутъ съ мѣста. Испорченные ими женщины кличутъ разными голосами животныхъ, а особливо сабакою и кошкою, и выкликиваютъ имена ихъ испортившихъ, при чемъ плачутъ и себя бьютъ и терзаютъ. Для отвращенія такихъ опасностей, кои по большей части случаются въ деревняхъ, призываютъ другихъ ворожей, и платятъ за то деньги, и сіи отговорщики порчей слывуть у нихъ Доками.

У Киргизцовъ чародѣевъ щитаются шесть чиновъ, первые называются фалча, которые предсказываютъ изъ книгъ и по звѣздамъ, и сіе искусство почитается за науку, потомъ слѣдуютъ предсказатели, Журунчи называемые, которые по бараньей лопаткѣ предсказываютъ о будущихъ дѣлахъ, и на всякой вопросъ отвѣтъ дать умѣютъ. Сказываютъ, что такую лопатку должно оскоблить ножемъ, а не прикасаться къ ней зубами: ибо въ противномъ тому

Г

случаѣ

случаѣ она не годится къ чародейству. Еслии прорицателю предложатъ вопросъ, или онъ самъ что задумаетъ, то кладетъ оную лопашку на огонь и ждетъ, пока на плоской сторонѣ появятся сѣдины и прецины, по коимъ онъ и предвѣщаетъ. Сии люди, по ихъ объявленію, такъ искусны, что могутъ угадывать, какъ далеко находится отправившійся въ путь человекъ.

Третій родъ чародѣевъ называется Бакша, и Киргизцы симъ больше всѣхъ другихъ вѣрятъ. Еслии просятъ у нихъ совѣта, то они велятъ сперва привести хорошую лошадь, барана или козла для употребленія въ жертву, потомъ Бакша начинаетъ пѣть чародейные стихи, бить въ обвѣщенной кольцами чародейной барабанъ, Кобицъ называемой, и напоследокъ скакать и ломаться. Все сіе дѣлаетъ съ полчаса, убиваетъ приведенной скотъ на жертву, и кровь изнущаетъ въ особой посудѣ, кожу беретъ себѣ, а мясо ѣдятъ при томъ находящіяся, и собравъ кости перстритъ красною и синею краскою, и бросаетъ отъ себя къ западу, куда выливаетъ и изнущенную кровь изъ скота. Напоследокъ еще нѣсколько времени чародействуетъ заклинаніями и опивѣстивуетъ на вопросъ.

Еще есть чародеи, рамча называемые, которые льютъ коровье масло, или сало въ огонь, и по цвѣту пламени предсказываютъ, при чемъ также приносятъ жертву

и

и у
дѣе
еще
Джа
довы
ник
забу
сво
одна
въ н
они
ловы
сред
пос
кнов
когда
прик
пап
кажд
Напо
нѣско
пѣмъ
вѣря
наше
бывае

сяде
часть
томъ
долж

и употребляютъ заклинанія; но сихъ чародѣевъ мало почитаютъ. Сверхъ того есть еще колдуны, а побольшей части колдуньи Джа Адугаръ называемыя, которыя околдовываютъ невольниковъ и другихъ пленниковъ, такъ что они на своемъ побѣгѣ заблуждаются и опять попадаютъ въ руки своему господину, или хотя они и уйдутъ, однако опять скоро попадутъ Киргизцамъ въ неволю. На такой конецъ вырываютъ они у пленника нѣсколько волосъ изъ головы, спрашиваютъ его имя, и ставятъ посреди кибитки на разчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ колдунья чинитъ заговоры, и въ то время приказываетъ пленнику прижды отступать назадъ, на свои ступени плевать, и каждой разъ выскакивать изъ кибитки. На послѣдокъ сыплетъ пленнику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и тѣмъ колдовство кончится. Лицкіе козакъ вѣрятъ, что еслили пленникъ объявитъ настоящее свое имя, то сіе колдовство бываетъ дѣйствительно.

Воронъ, когда прилетитъ воронъ и сядетъ на кровлѣ покоевъ, и будетъ кричать, то знаменуетъ, что непременно въ томъ домѣ умереть кому нибудь скоро должно.

Г 2

Воскъ,

Воскъ, изъ дому своего воску выносить не должно, увѣряютъ, что пчеловодство отъ того бываеиъ не прибыльно. А какъ утверждаютъ, что многіе разбойники заговариваютъ ружья, такъ что пуля его никогда разбойника вредить не можетъ; то когда оныя пули будешъ облѣпливать воскомъ и ими стрѣлять, то никакой разбойникъ или чародей заговорить оной не можетъ, и будетъ конечно убитъ.

Враги, Камчадальскіе враги живутъ въ воздухѣ, и бываюиъ возрастомъ съ прехъ лѣшняго младенца, Камчадалы вѣрятъ, что они къ бабамъ ихъ въ ротъ входятъ, и вселяются въ нихъ числомъ до пятидесяти, и больше; онижъ напускаюиъ на Камчадаловъ болѣзни, за то, что рубяиъ кусты березника и ракишника, въ которыхъ ихъ враги тогда обитаюиъ.

Встрѣча, когда покойникъ попъ или монахъ, монахиня, женщина, дѣвица, свинья, или лысая лошадь на встрѣчу попадутся первые, то въ тотъ день успѣха въ дѣлахъ ожидать не должно; а когда кто встрѣпился съ полнымъ, то есть полныя ведры воды, или другое что, то значеиъ успѣхъ въ намѣреніи

Вѣдмы, увѣряютъ протакіи и обманщики, будто есть такія люди, а особливо старухи, кои посредствомъ нѣкоторыхъ мазей и кувырканиа чрезъ двенадцать ножей, оборачиваюиъся во всякихъ звѣрей и

пшицъ
рокъ,
дей
добр
и сн
ротн
суев
Росси
шой
Мипи
вѣдм
чтоб
Таки
дицъ
подъ
рафан

нѣко
народ
пила
ваюи
сопв
инше
млю
линъ,
гуляя
пху
съ не
твори
въ не
обще

пшницѣ, а особливо въ волковѣ, свиней, со-
рокѣ, и конны сѣна; также и другихъ лю-
дей оборачивають, и дѣлають худое и
доброе, по ихъ произволу, своимъ ближнимъ;
и сѣи обороченныя люди называются *обо-
ротни*. Бываютъ же наиболѣе, какъ врутъ
суетвѣры, упомянутыя оборотни въ *малой
Россіи и въ Кіевѣ*. Въ Москвѣ сорокѣ по
той причинѣ нѣтъ, что святой Алексій
Митрополитъ Московскій, примѣшивъ одну
вѣдьму подѣ образомъ сороки, заклалъ оныхъ,
чтобъ въ Москву никогда не влѣтали.
Также когда нѣкопорохъ убитыхъ медве-
дицъ обдирали, то вмѣсто медвежьяго мяса
подѣ кожей находили иногда бабу въ са-
рафанѣ.

Вѣра, богомъ Камчадалы почитаютъ
нѣкоего *Кутху*, отъ котораго произошелъ
народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣ-
тила небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказыва-
ють, что оныя прежде земли были; о
сотвореніи которой объявляютъ двояко:
ныне говорятъ, что Кутху сотворилъ зе-
млю изъ своего сына называемаго Сымска-
линъ, котораго родила жена его Илькхумъ
гуляя съ нимъ по морю, а другіе что Ку-
тху съ сестрою Куплыжичъ землю снесли
съ неба, и утвердили на морѣ, а море со-
творилъ Утлеинъ, которой и по нынѣ
въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ
обще согласны, что Кутху до сотворенія

земли жилъ на небѣ. Которые поставляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣнїе нѣскольکو сходно съ Якутскимъ суевѣрїемъ, которые владѣнїе неба и земли особливымъ богамъ приписываютъ, сверхъ того признавая и адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ братьевъ, также какъ древнїе Греки и Римляне.

Купху по сотворенїи земли оставилъ небо и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родилъ другаго сына именемъ Тыжилъ-Купху, да дочь Сидуку, которые пришедши въ совершенной возрастѣ, сочелались бракомъ. Между тѣмъ, какъ самъ Купху, такъ жена его и дѣти носили платье изъ листьа шипового, и пились березовою и таловою коркою; ибо звѣри по ихъ объявленїю сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Купху оставя сына своего и дочь, съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался не вѣдаютъ, токмо то объявляютъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и доли сдѣлались отъ его путешествїа, ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ; и такимъ образомъ лишена своей равнины и плоскости.

Утыжилъ-Купхи послѣ отца родился сынъ Амлея, да дочь Сидукамшичь, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знаютъ: по

утвер-

утвер
размн

рода
жанн
и лов
ему
же об
спухе
подъ
до нн
клянк

росте
самач
соко
блнво
рымъ

спав
и не
чего
какъ
зываетъ
котор
и по
спом
мѣла
дожд
ихъ
кля

уптверждаютъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ прамощевъ.

Тыжилъ-Купху при умноженіи своего рода началъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вязать изъ крошкы сѣпи и ловить рыбу; а какъ лодки дѣлать, оное ему еще отъ отца показано. Сопворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣля па-стухомъ надъ оными нѣкоего Пилячуча; подъ котораго вѣденіемъ соснояшъ они и до нынѣ, началъ шить изъ кожъ ихъ ку-клянки и парки.

О Пилячучѣ сказываютъ, что онъ ростомъ весьма малъ, носилъ платье раз-самачье, которое у Камчадаловъ весьма вы-соко почитается; ѣздитъ на птицахъ, осо-бливо же на куропаткахъ, и будто нѣкопоя-рымъ по нынѣ случается видашь и слѣды его.

Въ прочемъ никого глупе не пред-ставляютъ, какъ своего Купху, чего ради и не воздающъ ему никакого почтенія, ни-чего у него не просятъ, и ни чемъ такъ, какъ имѣніемъ его не забавляются; раска-зывая про него такія непристойности, о которыхъ и писать гнусно. Между прочимъ, и то въ порокъ ему спавяшъ, что онъ столько горъ и стремнинъ сдѣлалъ, и столько мѣлкихъ и быстрыхъ рѣкъ, что столько дождей и бурь производитъ и беспокоитъ ихъ. И для того всходя зимою на высо-кія горы или спускаясь, ругаютъ его вся-

кою бранью; пожь дѣлають и при другихъ прудныхъ обстоятельствахъ.

Бога вообще называютъ они Дустехпичь, которое имя нѣкоторымъ образомъ и почитаютъ, такъ какъ Аѳиняне не въ домаго бога. Ставятъ столбъ на пространныхъ равныхъ и шундрисныхъ поляхъ, обвязываютъ его тоншичемъ, и не проходятъ мимо не брося куска рыбы или чего другого. Не собираютъ ягодъ, которыя растутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря, ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, которая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбы, что и безъ того надлежало бросать; въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азіатскіе народы, которые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, шѣмъ пользуются сами.

Сверхъ того всѣ мѣста, по ихъ мнѣнію опасныя, какъ напримѣръ огнедышущія и другія высокія и крупныя горы, кипячія воды, лѣса и прочее, населены отъ нихъ нѣкоторыми бѣсами, которыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почитаютъ.

Горныхъ боговъ называютъ они Камули, или малыя души, ибо душа по Камульски Камульчъ. Сіи боги или по тамошнему

шнем
же
чего
на н
смѣю
рыбн
въ н
цѣ
чаю
бляя
прох
сѣвс

хчу,
на че
къ сп
но п
люде
пыми

и при
ихъ
кото
для
прон
себѣ
имѣ

выше
живе
лами
пуска

шнему враги живутъ на высокихъ, особливо же дымящихся и огнедышущихъ горахъ, чего ради Камчадалы не покмо всходить на нихъ, но и близко приступиться не смѣютъ. Пишуются они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море въ ночное время приносятъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ; вмѣсто дровъ употребляя китовое сало и кости. Такія мѣста проходя Камчадалы бросаютъ что нибудь свѣстное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они Ушахчу, и сказываютъ, якобы они походятъ на человѣка. Жены ихъ носятъ младенцовъ къ спинѣ приросшихъ, которые непрестанно плачутъ. Они по Камчатскому суевѣрію людей съ пужи сводятъ и дѣлаютъ глупыми.

Морскаго бога называютъ они Мишгъ, и приписываютъ ему рыбой видъ; онъ по ихъ мнѣнію владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто за лѣсомъ на башы себѣ: ибо они opinюдь не вѣрятъ, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Пилячучѣ или Билюхаѣ, о которомъ выше объявлено, баснословятъ они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими Камулами, и будто громъ, молнію и дождь выпускаетъ, а радуго почитаютъ за подзоръ

на его платье. Сей билюкай, по ихъ суевѣрью, опускается иногда съ облаками на горы, ѳздитъ въ саняхъ на куропаткахъ, и бываетъ причиною великаго щаспїя тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной слѣдъ билюкаевъ ни что иное есть, какъ струйки на поверхности снѣга, которыя дѣлаются отъ вихрей. Напротивъ того имѣютъ отъ него и опасенїе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣтей ихъ чрезъ слугъ своихъ уносилъ, и употребляетъ вмѣсто подснавокъ, на которыхъ плошки съ жиромъ вмѣсто свѣчь поставляются. Жена у него Тиранусъ.

Они признаютъ и бѣса, котораго представляютъ весьма хитрымъ и обманчивымъ, и для того называютъ Канною. Около нижняго Камчатскаго острога показываютъ весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее спрѣляютъ, отъ чего она вся спрѣлами изнаптыкана.

Гаечъ по ихъ есть начальникъ подземнаго свѣпа, куда люди по смерти преселяются, коюрой прежде сего жилъ на здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣтей Кутовыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женѣ его Савинѣ пворенїе вечерней зари и утренней.

Туила трясенїю земли причиною ставятъ, будто оно происходитъ отъ того,

когда

когда
онъ
съ се
ни пр
прич
вѣка
безе
нивш
въ п
шнем
что
ле,
смер
буду
нымъ
наше
Наш
зем
пог
по у
вора
душ
а ч
по
они,
и о
смер
ной

когда Туилова сабака Козей, на которой онъ ъздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ себя.

О Богъ разсуждаютъ они, что онъ ни щастію, ни нещастію ихъ не бываесть причиною, но все зависить отъ чело-вѣка; свѣтъ почитаютъ вѣчнымъ, души безсмертными, которыя съ плѣомъ соеди-нившись восстанутъ и вѣчно жить будутъ, въ такихъ же трудахъ, какъ и на здѣ-шнемъ свѣтѣ, токмо съ тою выгодою, что будетъ тамъ во всемъ вѣщшее изоби-ліе, и никогда не имѣютъ перпѣть голоду.

Всѣ твари, до малѣйшей мухи, послѣ смерти восстанутъ, и подъ землею жить будутъ. Свѣтъ поставляютъ плосковид-нымъ, подъ землею полагаютъ подобное нашему небо, а подъ небомъ другую землю. Нашу землю почитаютъ за изнанку под-земнаго неба, когда у насъ бываесть лѣто, тогда у нихъ зима; а когда у нихъ лѣто, то у насъ зимнее время.

О воздаяніи будущемъ сіе токмо го-ворятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта бу-дутъ тамъ богатыми, а богатые убогими, а чтобъ Богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнію не надобно; ибо говорятъ они, кто худо дѣлаесть, тотъ перлитъ и опмщеніе.

Въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти преселяются, естъ великой и силь-ной Камчадалъ Гаечъ именемъ, которой ро-дился

дился отъ Кухты, и прежде всѣхъ на Камчаткѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли и къ нему преселились, и будто онъ желая научить свое потомство, приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрту, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, рассказывалъ. Но понеже многіе отъ того страху, что мерпвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали попомъ юрты свои оставлять, въ которыхъ человекъ умретъ и новыя строитъ, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечь, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ Камчадаловъ умершихъ, и кто прибудетъ въ новой и богатой сабачьей кулянкѣ и на хорошихъ сабакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ сабакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ сабакахъ, тому даруетъ хорошее платье, хорошихъ сабакъ и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрты и балаганы, упражняются въ звѣриной, птичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселились по здѣшнему, токмо съ пѣмъ различіемъ, что они на ономъ свѣтѣ такого, какъ здѣсь безпокойства не чувствуютъ; для того, что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ такое изобиліе,

каково

каково
ховы;
время
все п
что
своим
себѣ

ное,
ланію
спавя
или
своём
бятъ
убиве
содом
чего
щаеп
почи
гибел
тѣмъ
депѣ
рымъ
жильс
пока
жныс
до на
ное,
воды,
дышу
погиб
щій

каково было на Камчаткѣ во времена Купховы; ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становится хуже и все противъ прежняго укаляется, потому что животныя купно съ промышленниками своими посѣщаютъ переселяться на томъ свѣтъ.

Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлетворить желанію и спрасямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отъ чего опасаются, или истинной, или мнимой гибели, по своему суевѣрію; такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убійства, ни самоубийства, ни блуда, не прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидъ, однимъ словомъ ни чего того, что по закону Божію запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ утопающаго избавить отъ гибели, для того, что по ихъ суевѣрію, тѣмъ, кои избавятъ, самимъ утонуть будетъ. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, копорымъ случается выбиться, принимать въ жилье страшное беззаконіе, по тѣхъ поръ, пока они сѣдятъ всѣ свои припасы дорожные, а потомъ надлежитъ имъ раздѣться до нага, и брося свое платье, какъ скверное, войти въ свою юрту. Пить горячія воды, мыться въ нихъ и всходить на огнедышущія горы за несумѣнную почитаютъ гибель, и слѣдовательно за грѣхъ вопіющій на небо, и прочія такія безчисленныя забо-

забобоны, о которых и пишут гнусно. Грѣхъ у нихъ и надѣ кислую рыбою драться, или ссориться, грѣхъ съ женою совокупляться, когда съ собакъ сдираютъ кожи: грѣхъ соскабливать снѣгу ножемъ съ обуви, грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ, грѣхъ ножи или топоры почить въ дорогѣ; и другія подобныя сему мѣлочи, отъ которыхъ опасаются какого нибудь пропивнаго приключенія, какъ отъ драки и ссоры надѣ кислую рыбою совершенной гибели, отъ совокупленія съ женою во время сниманія сабачьихъ кожъ коросты, отъ соскабливанія снѣгу съ обуви, бури, отъ варенія разныхъ мясъ вмѣстѣ, несчастія въ ловлѣ и чирьезѣ, отъ поченія ножей и топоровъ, въ дорогѣ погодъ и бури, что однакожъ не столь удивительно: ибо во всѣхъ народахъ довольно суевѣрій у простыхъ людей, но по болѣе удивительнѣе, что они такое множество заповѣдей могутъ содержать всегда въ памяти.

Кромѣ помянутыхъ боговъ своихъ почитаютъ они и разныхъ живописныхъ и другую пварь, отъ которой бываеши опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки собольи и лисьи. Китовъ и касатокъ уговариваютъ они словами, когда увидятъ на промыслѣ, ибо они опрокидываютъ лодки ихъ: также медведя и волка, и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называютъ по имени, только говорятъ, Сипангъ, бѣда.

у

разд
спав
нимѣ
МОНЕ
дьяк
а по
пона

пну
мыц
такѣ
перв
дѣни
Влас
край
и сам
Онѣ
совѣ
Друг
кони
чпин
спак
выя
мень
Зыт
Лам
яне
ялѣ,
пер
дая
на п

У Калмыковъ духовенство на разныхъ раздѣляется степеней. Главу у нихъ представляетъ *Лама* или первосвященникъ; подъ нимъ черные священники, называемые *Гемонь*; за Гемонями слѣдуетъ *Гегиль* или дьяконъ; за Гегилемъ *Манжи* или дьячекъ; а послѣднее мѣсто занимаетъ *Гебку* или понамарь.

Лама или глава ихъ духовенства, значительную представляеть особу во всей Калмыцкой ордѣ. Санъ его происходитъ отъ такъ называемаго Далай Ламы, главнаго первосвященника во всемъ Зюнгорскомъ владѣнїи, который жительствуетъ въ Тибетѣ. Власть его почти неограниченна: ибо по крайней мѣрѣ безъ его совѣта и согласїя и самъ Ханъ ничего предпрїять не можетъ. Онъ имѣетъ великіе доходы со всѣхъ улусовъ, не выключая и самихъ владѣльцовъ. Другіе священники ставятся отъ Ламы, которые также въ народѣ сильны и почитательны, и можно сказать, не худо простаковъ обирають. Лама имѣетъ особливую священническую одежду и высокую каменьями убранную шапку, называемую *Гунзыть*, которую присылаетъ ему Далай Лама. Священническое или Гемоново одѣяніе состоить въ одномъ обширномъ одѣялѣ, которое уложено другаго цвѣта матерїею на подобіе клетокъ, такъ что каждая клетка имѣетъ внутренній кошелекъ на подобіе часоваго кармана; на головѣ у нихъ

нихъ бываетъ шляпа бѣлая съ большою по срединѣ цѣпною кистью. Другіе чины священства никакого особеннаго одѣянія не имѣютъ, но разнятся отъ другихъ Калмыковъ въ томъ, что головы имѣютъ бризны на голо: напротивъ того другіе Калмыки оставляютъ на темѣ волосы, и заплетаютъ ихъ въ косу. У Калмыковъ можно узнать и малыхъ ребятъ; которые въ священнической назначены санъ: ибо они также обриту, какъ и настоящіе священники. Священники у нихъ бываютъ безженны, и болѣе должны поститься предъ прочими Калмыками. Все ихъ воздержаніе состоитъ только въ неядѣніи извѣстныхъ животныхъ, какъ то, верблюдовъ и лошадей, но только довольствуются баранами и говядиною. Всякое хмѣльное питье по ихъ закону священникамъ запрещается; хотя не рѣдко и у нихъ можно примѣнить пьяныхъ поповъ.

Особливой родъ священниковъ составляютъ такъ называемые *Сузюкти*, которыхъ съ монахами сверстать можно: ибо они кромѣ молока и пшена ничего не ѣдятъ, и имѣютъ особливую набожности машинку, называемую *Курдю*. Машинка сія состоитъ изъ продолговатаго цилиндра, обтянутаго кожей или сукномъ. Сквозь цилиндръ вдоль пропускаютъ шнуръ, насаженный на палочку, длиною четверти въ три; къ одному боку цилиндра на ремешкѣ прикрѣпляется сви-

цовая

цовая
напо
такъ
рутъ
ложн
и дѣ
водя
шѣхъ
чипа
кой
и чип
писав
полу
план
разн
плеч
пой,
полн

свяще
нахо
моган
чанн
спой

ждан
нижн
къмъ
прон
сію
влад
мыло

Циловая гирька называся *Агирь*. Цилиндръ наполненъ списаніями ихъ всего закона. И такъ когда они молятся начинаютъ, берутъ сей Курдю, и съ благоговѣніемъ приложивъ его ко лбу, ставяиъ предъ собою, и дѣлая небольшое движеніе палочкою, приводятъ цилиндръ въ движеніе, который до тѣхъ поръ вертеться долженъ, пока онъ читаетъ молитвы. Они думаютъ, что такой цилиндръ весьма ихъ Бурхану угоденъ, и что онъ во время вертенья читаетъ написанныя въ немъ молитвы. Такую курдю получаютъ они отъ Ламы за не малую плату. Сіи же священники отъ другихъ разнятся и въ томъ, что носятъ черезъ плечо длинную бѣлую повязку, подобную той, какую употребляютъ и некоторые Каполицкіе Каноники.

Прочіе церковнослужители подчинены священникамъ, и въ совершенномъ у нихъ находящяся послушаніи. Должность ихъ помогать священникамъ при служеніи, и обучаться ихъ закону, дабы со временемъ достойными показаться священническаго сана.

Калмыки много такихъ мировъ утверждаютъ, какъ сей видимый, и описываютъ нижнюю пропасть, воображая, что она ни кѣмъ не создана, но отъ вѣка сама собою произошла. Мысли ихъ столь глубоко въ сію бездну проникаютъ, что они поставили ей и измѣреніе, и полагаютъ шесть миліоновъ сто шестнадцать тысячъ

Д

Бе-

берей (*) въ ширину и глубину. Изъ сей бездны нѣкогда по ихъ мнѣнію, поднялися златныя облака, которыя совокупясь во едино произвели сильной дождь, отъ котораго начало свое получило море или Океянъ. Отъ онаго Океяна произошло всякое дыханіе и прозябаемое; да и всякіе ихъ бурханы (боги). Но какъ отъ паденія водъ сдѣлалась пѣна, которой они и предѣловъ положить не могутъ, то изъ нее явилася вышшая твердь. Около сей же пѣны полагаютъ они семь небесъ и восемь Окіановъ, которые также самобытны. Воздвигнутые нѣкогда изъ бездны вѣтры поколебали вышшую твердь; отъ чего произошелъ четверугольный столбъ, называемый *Сумеръ Аула*, которому основаніе полагаютъ ниже морскаго дна, а верхъ надъ водою. Каждый столба бокъ составляетъ нѣсколько тысячъ бере. Первой бокъ столба представляютъ себѣ серебрянымъ, другой лазоревымъ подобнымъ яхонту, третій золотымъ, а четвертой темновишневымъ. Отъ сего столба производятъ всѣ перемѣны дня, такимъ образомъ: когда появляется заря, то солнечные лучи ударяютъ въ серебряной бокъ, и отъ того начинается разсвѣтъ; предъ полуднемъ солнечные лучи преломляются въ яхонтовомъ бокѣ; въ самой полдень солнце стоитъ передъ золотымъ бокъ;

(*) Бере составляетъ около осми верствъ.

комъ
шор
юп
чпо
наго
мало
Въ
бере
сост
опре
щип
ском

ихъ
мире

млю.

Юс
чеп

пог
Язу

по
кан

ван
гой
нбо

комб; а къ ночи темновишневый бокб оппоргаешъ лучи солнца. Солнце, воображающъ они себѣ, сдѣланное изъ стекла и огня, что доказываютъ примѣромъ зажигательнаго стекла, о которомъ они споль же мало имѣютъ понятія, какъ и о солнцѣ. Въ округѣ солнца щипаютъ до осми сощберей. Луну представляютъ себѣ, что она состоитъ изъ воды и стекла. Кругъ ей опредѣляютъ гораздо меньше солнца. Звѣздъ щипаютъ десять тысячъ миллионовъ и нѣсколько сощ тысячъ.

Посреди шверди и около столба, по ихъ мнѣнію, находятся четыре большіе мира, и между оными еще восемь малыхъ.

По правую сторону спавящъ нашу землю, и называютъ Замбушпъ.

Другій миръ называется Улюмжи, Юси, Тупупъ; третій Укирб Тупупъ, а четвертый Муудоу Тупупъ.

Нашъ миръ названъ Замбушпъ для того, что на немъ много родится дерева Язумбу, Барирха называемаго.

Вшорый миръ прозванъ по тому, что по ихъ мнѣнію обитаютъ въ немъ великаны или великорослыя люди.

Третій миръ получилъ свое наименование отъ того, что въ немъ никакой другой скотины, кромѣ коровъ не водится: ибо по Мунгальски Укирб значить корову.

Четвертый миръ Муудоу Тутупъ прозы-
вается, что въ немъ обитаютъ особливаго
свойства люди, которые живутъ по тысячѣ
лѣтъ, и изъ нихъ за семь дней до кончины
всякому слышится голосъ, называющей чело-
вѣка по имени, и предвѣщающей емукончину:
по чему тѣ люди, созывая своихъ сродни-
ковъ и ближайшихъ, прощаются и учрежда-
ютъ свои дѣла заблаговременно. Но какъ они
воображаютъ себѣ сихъ людей столь долго-
вѣчныхъ, и при томъ безъ всякихъ болѣзнен-
ныхъ припадковъ, то мечтѣ своей помога-
ютъ, будто бы сіи люди бездушны: изъ чего
слѣдуетъ, что всѣ болѣзни по ихъ вообра-
женію отъ души происходить должны.

За всѣми мирами и превышшими обла-
ками поставляютъ жилище Тенгровъ; а за
оними огромное желѣзное кольцо, по види-
мому для укрѣпленія пверди.

Хотя всѣ сіи миры сосѣдственны, однако
никто изъ смертныхъ изъ одного въ дру-
гой переходить не можетъ: но сія вся вы-
года сохранена только для однихъ бурхановъ.

Тенграми называютъ они нѣкоторой
родъ безплотныхъ силъ или духовъ, кото-
рыхъ ни ангелами, ни людьми назвать не
можно, и должно имъ опредѣлить среднее
существо между людьми и ангелами. Тен-
гровъ раздѣляютъ они на двенадцать ста-
тей, изъ которыхъ первую составляютъ
четыре Махара. Жилище ихъ находится
близъ нашего мира. Ростъ ихъ долженъ
быть

был
Ма
ста
Сн
сам

наз
рос

пер
кон

сос
наз

гге
пр

вел
до

рае
Еу

гр

им

пер
жи

Те
сос

гив
ва

☉

быть сто двадцать пять сажень. Надъ Махарами обипаетъ вторая статья, составленная изъ тридцати трехъ тенгровъ. Сии ростомъ бывають во сто пятьдесятъ сажень.

Четвертый родъ тенгровъ надъ оными называется Байскуланту Тенгри, которые ростомъ прежнихъ превосходятъ.

Пятая статья заключаетъ въ себѣ тенгровъ вышиною близъ четырехъ верствъ, которыхъ называютъ Хубилгаскани.

Шестую, седьмую и осмую статью составляютъ Тенгры такого же роста, и называются первые Тюрсюте Тенгры, другіе Юсюринъ, Зюринъ, Тенгры. Последнія при статье содержатъ въ себѣ самыхъ великорослыхъ Тенгровъ, которыхъ ростъ до ста шестнадцати тысячъ бере простирается. Оные сущь Делгерегнуй Баень, (*), Еуле Уге Тенгры, Юцюсь Аганисты Тенгры, Хубилгаскани Елгенъ Тенгры.

По разности ихъ роста приписываютъ имъ и разную долговѣчность. Напримѣръ: о первыхъ воображаютъ Тенгровъ, что они живутъ человѣческія пятьдесятъ лѣтъ, а Терсюти Тенграмъ одинъ день, который составитъ пять сотъ нашихъ лѣтъ. Другимъ Тенграмъ неисчетныя лѣта приписываются, то есть Хубилгаскани Еддедекъ

Д 3

Тен-

(*) Добродѣтельные Тенгры.

Тенгры должны жить 200,206,000 лѣтъ. Но какъ и самое большее время миноваться можетъ, и съ онымъ Тенгры исчезнутъ; то приписали имъ совсѣмъ особенной родъ размноженія, представляя себѣ, что нижніе Тенгры распложаются отъ обниманія и цѣлованія; вышніе Тенгры отъ единого любовнаго взору зачинаютъ во чревѣ; а иные отъ усмѣшки зачинаютъ дѣтей. Изъ сего заключать должно, что и Тенгры ихъ бываютъ обоюга пола.

Въ нашемъ мирѣ описываютъ они четыре главныя рѣки, вышедшія изъ нѣкоторыхъ мысовъ. Первую изъ нихъ называютъ *Ганга*, другую *Шидра*, третью *Байчю*, а четвертую *Антара*. Между сими рѣками опредѣляютъ паству нѣкому ужасному слону, называемому *Газарь Сакичкинъ Ковень*, то есть землехранительный слонъ. Знаки его слѣдующіе: вышина и длина его выше нѣсколько одной *бере*. Наружность шѣла вся бѣлая какъ снѣгъ, выключая голову, которыхъ онъ имѣетъ тридцать три красныя: всякая голова у него снабдена шестью хоботами; на каждомъ хоботѣ по семи колодцовъ; изъ каждаго колодца произрастаетъ по семи цвѣтковъ; на каждомъ цвѣткѣ сидитъ по дѣвцѣ. Сіе отмычное животное пасется въ сихъ мѣстахъ по четыре мѣсяца въ годъ, и въ то время прогуливается на немъ Хурмуку Тенгры, имѣя свое сѣдалище на средней головѣ.

По

По срединѣ нашего мира поставляютъ они пресполѣ высокаго Сакжи Муни, и кругомъ его шесть городовъ. Сакжи Муни, называють они Бурхана нынѣшняго вѣка: ибо каждый вѣкъ по ихъ мнѣнію долженъ быть управляемъ особливѣмъ Бурханомъ. Въ прошедшемъ вѣкѣ былъ Бурханъ Майдари, а въ послѣдующемъ вѣкѣ преемникомъ будетъ *Мавзушири*, котораго царство они поставляютъ прошиву Сакжи Муни. Позади онаго владѣніе *Логашиново*; а по лѣвую сторону *Самбилангово*.

Бурханы были прежде опмѣненные люди, которые въ свою жизнь много сдѣлали опмѣннаго предъ прочими: всѣспрастни попрали, при главныя добродѣтели совершили, шесть родовъ душевныхъ научили: и по проповѣди *Сангарди* шестидесятъ одному народу одинъ законъ проповѣдывали.

Въ началѣ Замбутина, по естъ сего мира люди жили долговѣчны, и сѣяли свѣтлоснню, имѣли крылья и опмѣненные были снаю, и спалися единою какою то благостію по ихъ ради *Діанарѣ*, и раждались чрезъ преселеніе душъ по ихъ *Хубилганѣ*, и въ великомъ всѣ были прохлажденіи.

Но какъ приспѣло нещасливое время, тогда земля произрастила одну пищу, или траву, зовомую *Шиме*, которой вкусъ былъ сладокъ, какъ медъ. Одинъ изъ людей прожорливой вкусивши сію пищу, разгласилъ многимъ ея приятность, и въ самое то

время всего они лишились. Свѣтлость ихъ померкла и лепаніе миновалось; и такъ всѣ пробывъ малое время въ темнотѣ, вдругъ имъ опворился свѣтъ отъ солнца, и другихъ небесныхъ свѣтилъ.

Какъ Шиме перевелася, то всѣ люди питались землянымъ масломъ, которое красновато цвѣтомъ и вкусомъ, какъ медъ. Но когда и оно изтощилось, то люди Бли въ которой родъ протсника, на ихъ языкѣ *Балазимиць* называемаго. Но и симъ они немного пользовались; ибо пекущійся объ упреннемъ сапася онымъ протсникомъ на будущей день. Примѣру его другіе послѣдовали, отъ чего и протсникъ уменьшился, и въ скоромъ времени къ ихъ нещасію со всѣмъ исчезъ. Тогда сдѣлался великій гладъ, и люди впади въ беззаконіе, убивая другъ друга, и причиняя всякія насильства и обиды: и отъ сего времени они производятъ всѣ пороки. На конецъ согласились пахать пашню. На такой конецъ избрали себѣ одного премудрѣйшаго изъ нихъ, который раздѣлялъ имъ пашню порядочно, научилъ домостроительству, и они его за такое благодѣяніе сдѣлали своимъ начальникомъ, отъ котораго всѣ Калмыцкіе Ханы начало свое получили.

По прошествіи многихъ вѣковъ, начали умаляться преимущества благоденствія лѣтъ. На послѣдокъ люди, по ихъ мнѣнію и до того дошли, что болѣе десяти лѣтъ

не

не ж
ихъ
доку
чныхъ
на ко
отъотъ
детъ
копо
дней
ныя.багро
повъ

и оч

и ун

низн

нїя

спна

пищу

попр

спно

тель

конч

(2) Се

Окс

шом

шом

зна

шак

мыд

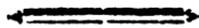
не жили. По числу ихъ лѣтъ уменьшался и ихъ возрастъ: люди были величиною въ докопъ, а лошади съ зайца, и пяшимъся чный младенецъ вступалъ въ супружество, на конецъ сдѣлалися тяжкія болѣзни и морь, отъ чего люди и перевелися.

Послѣ того былъ предвѣщающій гласъ отъ Тенгровъ, что чрезъ семь дней упадетъ дождь состоящій изъ всякаго орудія, котораго люди убося запаслися на семь дней пищею, и побѣжали въ пещеры темныя. Въ то время вся земля отъ крови побагровѣла, и исполнилася множествомъ пруповъ и коспей, на которые упалъ дождь, и очистилъ всю непотребную мершвенность и унесъ въ дальнѣйшій Океанъ. Потомъ низпалъ дождь прохладенія и благоволенія и прохладилъ землю. Нанослѣдокъ пустился ливень, который снесъ на землю пищу, а за оною плашье и прочія людямъ попребы. Тогда люди сего Замбупина очуствовалися, и спали прилѣжны и добродѣтельны, и между собою согласны: и симъ кончился одинъ Галапъ или вѣкъ (*).

Д 5

По

(*) Сей вѣкъ, начавшійся отъ сотворенія мира, изъ Океяна называютъ Калмыки благополучнымъ, по тому что въ оной вѣкъ произрасли тысяча цвѣтовъ называемыхъ *Падма* (шапки), которые предзнаменовали рожденіе тысячъ Бурхановъ; а кто таковы сін Бурхамы, не только я, но и вся Калмыцкая орда сказать не можетъ.

По прошествіи онаго Галапа низпосланъ былъ Мавзушириновъ Хубилганъ въ сей Замбутипъ съ запономъ, котораго возрастъ и красота была несказанная, такъ что людей привела въ удивленіе: и они его вопрошали, отъ чего онъ такъ прекрасенъ и проч. ? Тогда имъ отвѣчалъ сей Бурханъ: для того, что я блудъ и прочія всѣ страсти превозмогъ, ни какую душу не попреблялъ; по чему отъ всѣхъ и отмѣненъ: послѣдуйте мнѣ во всемъ, то и вы будете таковы, какъ я: что услыша люди, всѣ зная дѣла опринули и возлюбили добродѣшель, за что и превзошли лѣтами своихъ праотцовъ, и съ начала по осмидесяти тысячъ лѣтъ жили; а потомъ паки оставя истинной путь, подвержены были всѣмъ переменамъ, о которыхъ сказано выше. Послѣ оныхъ переменъ на мѣсто Мавзуширина, вступилъ Сакжи Муни, который и нынѣ еще продолжается.

Главнѣйшіе Галапы у нихъ раздѣляются на четыре части: первый называется *Аху Галапъ*, второй *Ебдереку Галапъ*, третій *Хоосунъ Галапъ*, четвертый *Токмоху Галапъ*.

Первый Галапъ, т: е: Ахугалапъ состоитъ въ томъ, что оный начинается отъ осмидесяти-тысячнаго долгоденствія, и продолжается до десятилѣтняго умале-

нія

нѣя че.
ваюпѣ
у насъ
поповъ
дый Г
рушен
предѣ
емъ, в
кой Г
голѣм
заклю
мѣпн
И
что в
не бу
тина
назва
зория
Т
того,
дѣла,
чего
осунъ
Ч
отъ
Драл
здны,
вопн
онѣ Т

(*) Гал
166
онѣ

нїя челоуѣческой жизни. Галапомъ (*) называюпѣ въкѣ, но не пакой, какѣ на примѣрѣ у насѣ Эпоха отѣ Адама до попопа, отѣ попопа до Авраама и проч. У нихѣ каждый Галапѣ или въкѣ начинается отѣ разрушенїя, или преставленїя свѣта двумя предѣлами, п: е: приращенїемѣ и умаленїемѣ, какѣ то уже и выше объявлено. Такой Галапѣ называется верхнимѣ или долголѣтнимѣ. Въ семѣ долголѣтнемѣ Галапѣ заключаются еще малые Галапы междулѣтныя.

Второй Галапѣ начнется отѣ того, что во адѣ всякое животное вновь родиться не будетѣ, отѣ чего и наружность Замбутипа повредится; по чему сей Галапѣ и названѣ будетѣ Ебдереку Галапѣ, п: е: разорительный.

Третий Хоосунѣ Галапѣ назовется отѣ того, что вся бездна опустится до предѣла, гдѣ должно паки утвердиться; отѣ чего и наименование ему пустой или Хоосунѣ Галапѣ.

Четвертый Токтоху Галапѣ начнется отѣ того, когда нѣкая буря по ихѣ *каман-Дралѣ*, по утверженїи вышеспомянутой бездны, отѣ перворожденїя въ оной всякаго животного воспольдуетѣ, и потому назовутся онѣ Токтоху Галапѣ, п: е: утвердительный.

Ме-

(*) Галапѣ собственно происходитѣ отѣ Галѣ огонь, ибо наибольшая часть Галаповѣ, по ихѣ мнѣнїю отѣ огня начало свое имѣюпѣ.

Между каждымъ изъ вышеобъявленныхъ Галаповъ, поставляюшъ они восемь между умочныхъ Галаповъ, изъ которыхъ семь гонемъ, а осмый водою кончится. Между седьмою огненными Галапами должно по ихъ мнѣнiю случится еще по семи меньшихъ огненныхъ галаповъ, и между каждымъ изъ оныхъ по одному водному галапу или потоку, которые заключитъ уже вышепомянутый бурный галапъ.

Огненные галапы разрушенiе свое имѣть будутъ отъ царства Айха Дiани съ низу.

Водные галапы разрушаются отъ другихъ дiановъ съ низу же.

Отъ вихря или бури галапъ уже не разрушится, но приметъ паки свое начало. Такимъ образомъ представляюшъ они вѣчность всего мира, а далѣе умъ ихъ проникать не можетъ.

За самоуважнѣйшiй грѣхъ почитаются недовѣрiе къ закону и хула на Бурхановъ, удержанная Бурханамъ податьъ и непочитанiе священническаго чина. За ними слѣдуетъ убiйство, не только людей, да и всякаго животнога, даже до послѣдняго нескѣкомаго и прочая. У нихъ вымышленъ ибкiй судiя, котораго *Ирликъ Ханъ* называютъ. Пресполь ему поставляюшъ между небомъ и землею на срединѣ, окруженный пшямами черныхъ шенгровъ, предъ нимъ всякая душа должна предстать на судъ со своими присавами, выключая великихъ угодниковъ, копо-

котор
столоб
ные и
хранн
имѣен
судъ
древн
въ кон
Въ он
бы оп
шагос
вѣсн
кладен
и кон
васть
тверд
браго
предла
иногда
за пѣ
депъ
или о
множе
гляну
блужде
ходя
басню

И
на су
одно

которые прямо возходятъ на небо, аки столбъ огненный; приставы ихъ суть черные и бѣлые пенгры, п: е: злые духи и хранители, которыхъ каждое дышущее имѣетъ. Приставы должны быть при семь судѣ спряичими. У Ирликъ Хана есть и древнѣя записки, называемыя *Алганъ голи*, въ которыя вносятся вся содѣянная людьми. Въ оныя онѣ не рѣдко заглядываетъ, что бы отъ спряичихъ, или отъ самаго судящагося не быть обмануту. Спорныя дѣла вѣситъ онѣ на вѣскахъ. Въ одну чашку кладетъ грѣхи, а въ другую добрыя дѣла; и которая чашка перешагнетъ, потому бываетъ и расправа. По ихъ мнѣнію надобно твердо имѣть въ памяти, что кто добраго на семь свѣтѣ сдѣлалъ, и оное смѣло предлагать Ирликъ Хану; иначе боязливые иногда вмѣсто рая попадаютъ въ муку, за тѣмъ что иногда приснавамъ не придетъ на память то, что его оправдать или осуждать можетъ; а Ирликъ Ханъ по множеству дѣлъ, иногда и полѣнится заглянуть въ свою шнурованную книгу. Заблужденіе сіе утверждаютъ многими выходцами съ того свѣта. Я одну только басню приведу въ примѣръ.

Нѣкопорый пьяница, будучи осужденъ на судѣ Ирликъ Хана, вверженъ былъ въ одно мытарство, преисполненное острога ору-

оружія, куда препроводили его *Яргачи* (*) по шести дорогамъ, убитымъ острыми гвоздями. Во время его мученія и степенія, моливною и властію нѣкоего Бурхана Хонжо Боди Сано до осми пысячь мучащихся душъ, изъ глубины всѣхъ осмнадцати мытарствъ извлечены были, за то что они читали Доржу Зодбу. Мучащемуся пьяницѣ пришло на память, что и онъ нѣкогда сію Доржу Зодбу списалъ, и при поклоненіи и молитвѣ просилъ помощи отъ онаго. Приставы слыша сіе имя, потчасъ доложили своимъ начальникамъ, и дѣло дошло до самаго Ирликъ Хана. Онъ приказалъ грѣшника себѣ представить, и допрашивалъ его, подлинно ли онъ сію добродѣтель въ жизни своей совершилъ, что доржу зодбу одинъ разъ списалъ. Пьяница увѣрялъ Ирликъ Хана, сколько его силъ было, а Ирликъ Ханъ справясь въ Алганъ Голи, нашелъ его слова справедливыми, и просилъ у него прощенія за учиненное ему мученіе. Но что бы большее ему сдѣлать возмездіе, посадилъ его возлѣ себя на золотомъ престолѣ, показывалъ ему многая тайная, и обѣщалъ возвратить его паки въ жизнь, дабы онъ проповѣдывалъ Доржу Зодбу. Пьяница отговаривался отъ сего благодѣанія, представляя, что живущее въ мирѣ всякое животное будетъ спремится на его гибель: ибо я въ жизнь мою

убивалъ

(*) Приставы или караульные при мытарствахъ.

уби
сусам
полз
ликъ
пред
помя
вляя
како
Вся
него
Хана
бол
гиря
и въ
ныхъ
зод
чего
прос
онос
возв
дорж

(*) Ка
Кам
шук
ми;
под
душ
шук
шис
ман
сау
кон
гда

убивалъ овецъ, сайгаковъ, лошадей, рыбъ, сусликовъ и всякихъ насѣкомыхъ, и всякую ползающую и пресмыкающуюся душу. Ирликъ Ханъ немедленно повелѣлъ предстать предъ себя всѣмъ животнымъ, которыхъ помянутой пьяница на помѣ свѣтѣ умерщвлялъ, и приказывалъ имъ, чтобъ они ни какого зла ему на семъ свѣтѣ не чинили. Вся помянутая шварь за сіе приказаніе вознегодовала, и недовольна была судомъ Ирликъ Хана. Ирликъ Хану въ семъ случаѣ ни чего болѣе не оставалось, какъ прибѣгнуть къ гирямъ правосудія. Онъ взялъ свои еѣски, и въ одну чашку вмѣстилъ всѣхъ животныхъ, а въ другую Доржу Зодбу; но доржа зодьба перевѣсила всѣхъ тѣхъ животныхъ: чего они убояся, сдѣлали всѣ поклоненіе и просили прощенія. За сіе ихъ Ирликъ Ханъ отослалъ на мѣсто упокоенія, а пьяницу возвратилъ на сей свѣтѣ для прославленія доржи зодьбы (*).

Возвращеніе

(*) Кажется отъ сего заблужденія происходить, что Калмыки охотище ѣдятъ падалину, нежели убитую скотину, говоря: что первая зарѣзана Бурханами; и такъ ѣства ея безгрѣшна. Повѣсть сія также подтверждаетъ, что Калмыки вѣря преселенію душъ, разумную душу приписываютъ всякой дышущей шварѣ; и что всякая шварь должна явиться на судѣ Ирликъ Хана, и получить воздаяніе, или наказаніе за свои дѣла. Калмыкамъ примѣромъ служилъ главнѣйшій ихъ Бурханъ Санжи Муни, котораго душа нѣкогда обитала въ зайцѣ; и тогда онъ увидѣвъ гладомъ шаящаго человѣка, пре-

Возвратившійся изъ царства мертвыхъ пьяница со многими другими, которыхъ и столоспная книга еда вмѣспить можетъ, проповѣдалъ Калмыкамъ будущее ихъ состояніе на томъ свѣтѣ. Они видѣли при дороги и бѣлой градъ. Дороги сіи начинаются отъ нѣкоей аспидной горы, которая земнымъ жителямъ видится на подобіе облака. Первая дорога серебряная, другая мѣдная, а третья желѣзная. Желѣзная дорога ниже всѣхъ, и ведетъ къ бѣлому граду, который есть жилище Ирликъ Хана. Она дорога на конецъ, по мнѣнію ихъ, изтончается въ волосъ, и многихъ хлопотъ избавляетъ Ирликъ Хана: ибо не помняще за собою никакого благодѣянія, тонкой сей путь превозмочь не могутъ, но обрушась попадаютъ на мѣсто казни.

Мѣдная дорога лежитъ выше, и провожаетъ къ жилищу тридцати трехъ тенгровъ, что есть среднее мѣсто упокоенія: а серебряная дорога, которая всѣхъ выше, и лежитъ на востокъ къ раю, обитаемому Абидомъ Бурханомъ.

За главнѣйшій рай почитаютъ, какое то Сукавидино мѣсто. За симъ мѣстомъ слѣдуетъ рай Амидабы Бурхана обладающаго двутысячнымъ небомъ. Самое послѣднее мѣсто

далъ себя на добровольную ему снѣдь. Сіе также подтверждаетъ, что ихъ Бурханы не отъ небсаго, но отъ Калмыцкаго отродія.

мѣсто
през
спи
мног
дно,
писи
овъ
во а
копо
кія ч
по п
спан
вашь
лѣтъ
буду
семь
древ
или
теми
души
доска
вдво
ныхъ
верш
ввер
вонн
рой
чемъ.

мѣсто представляють себѣ у триптиати прехъ Тенгровъ, гдѣ только одной вольности ожидаютъ. Въ прочемъ у нихъ такое множесто расевъ, что и перечесть трудно, потому что они каждому Бурхану приписываютъ особое небо, въ которомъ онъ водворяется съ душами праведныхъ.

Иные по ихъ мнѣнію будутъ мучимы во адѣ, гдѣ изобилуетъ всякое оружіе, и которымъ они будутъ посѣкаемы на мѣлкія часпи: а какъ отъ того умертвятся, то паки отъ нѣкоего небеснаго гласа возстанутъ. Сіе мученіе грѣшныя претерпѣвать должны двѣсти миліоновъ тысячъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ выпущены будутъ, и вселятся въ пѣла живущія на семъ свѣтѣ. И такъ можетъ быть изъ древняго Калмыка родился канустный червь или сладкопоющій комаръ.

Второе мытарство составляютъ адскія темныя пещеры, въ которыхъ всегда будутъ раздавливать людей двумя желѣзными досками; и сему мученію время предписано вдвое передъ прежнимъ.

Въ пятомъ мытарствѣ будутъ грѣшныхъ Калмыковъ жарить на сковородахъ и вершлугахъ, какъ рыбу или пшницъ.

Шестая статья грѣшныхъ Калмыковъ ввержена будетъ въ смрадъ, гдѣ всякое зловоиѣ. Иныхъ низринутъ въ рѣку, въ которой вода безпрестанно кипитъ бѣлымъ ключемъ. Другіе поселены будутъ на крѣпкой

бѣлой землѣ, которая ничего не произрастаетъ. Въ оной безпрестанной гладѣ и нагота господствуетъ, гдѣ люди коная руками землю, отрутъ оныя по самыя плечи. Коварнымъ людемъ и смутителямъ приутомовано кровавое море, въ которомъ они плавать должны. Роскошные богачи, не творящіе милосыни, опягчаша собспенною своею тяжестью: глава у нихъ будетъ яко холмъ великій, шея и ноги изтончаша на подобіе волоса, а шѣла представлять будетъ огромную гору. Для непочтителей Бурханскихъ словъ и святошашцевъ, сдѣланъ огромный котелъ, наполненный смолою, въ которомъ сѣи грѣшныя вариться будутъ. Для убійцъ всякаго животнаго подѣланы крючья, на которыхъ вѣшаютъ ихъ за ребро. Крюки сѣи нѣкоторою силою опускаются съ людьми на низъ, гдѣ другія крюки ихъ задѣваютъ, и отрываютъ часни челоуѣческаго шѣла, которое паки прирастаетъ. Пренебрегателямъ и гнушающимся ихъ Бурханскаго преданія черныя пенгры вкладываютъ въ уши раскаленную сажу, и такое мученіе препериѣвають всегда другъ другу на уши шепчуть, сообщая причину своего мученія: однако слова ихъ бывають непонятны. Тапи и прелюбодѣи мучатся въ студеномъ озерѣ, которые по закатѣ солнца, даже до возхожденія онаго въ водѣ замерзають, а при солнечномъ сіяніи паки вы-

таски-

таски
пример
юпся;
погру
и про

И
не пре
а ини

О
назна
гдѣ
другу
увѣча

С
юшѣ

И
за ум
когда
щенн
нѣемъ
благ
назы
дѣла
Бурха
мѣше
Зод
понян
значи
кпо
Бурха
книги

паскиваются изъ онаго, такъ что отъ примерзанія нѣкоторые члены въ водѣ остаются; къ вечеру паки въ оную же воду погружаются, что бы члены ихъ срослися, и проч.

Инымъ, не знаю, за какое преступленіе препираютъ кости; иныхъ колесуютъ, а иныхъ толкутъ на мельницахъ въ ступѣ.

Осмнадцатое или послѣднее мытарство назначено для всякаго другаго животнаго, гдѣ на лошадяхъ безпрестанно ѣздящъ: другую скотину морящъ голодомъ; иныхъ увѣчатъ побоями и проч.

Средства, помощію которыхъ думаютъ они по смерти избавиться отъ ада.

Первый пунктъ составляетъ прошеніе за умершихъ ихъ Бурхановъ, а особливо, когда къ тому щедрымъ подаяніемъ священнической чинъ поощренъ будетъ; чтаніемъ по умершимъ разныхъ книгъ, устнами благоговѣйныхъ Гелюновъ, какъ то книги называемой Эркетю, содержащей славныя дѣла ихъ Бурхановъ; *Дойшинъ Бурхани* Бурханское наставленіе и проч., а главное мѣсто между всѣми занимаетъ *Доржо Зодба*. Сія книга содержитъ въ себѣ непонятныя вещи для Калмыцкой головы, и значитъ сокровенную тайну, которую никто разумѣть не можетъ, кромѣ великаго Бурхана. Польза происходящая отъ сей книги, утверждена многими примѣрами благо-

получныхъ душъ возвратившихся съ того сѣвѣта; и она въ такомъ почтеніи у Калмыковъ, что почти всякій изустно ее знаетъ, хотя содержанія ни кто не понимаетъ; да и половать ее за грѣхъ вѣняется.

Какъ Калмыки народъ кочевой, то и идоложертвенныя капища, *Бурхани Эрго* у нихъ состоятъ изъ кибишкѣ. У нихъ есть особый столъ или наложь, на которомъ они ставятъ своихъ Бурхановъ. Около сего стола вѣшаюти столбы называемыя *Килъ*, сдѣланныя изъ разныхъ парчей. Къ идолослуженію ихъ принадлежатъ и музыкальныя орудія, какъ то мѣдныя съ тремущками блюда, называемыя *Ценъ*, трубы *Кангырча* и бубны *Кенгерца*; сіе музыкальное согласіе употребляется у нихъ только въ годовыя праздники. Годовыхъ праздниковъ щитаютъ они три: первый называется *Сага Сара*, второй *Зула*, а третій *Цаганъ Сара*. *Сага Сара* празднуется у нихъ съ начала Мая мѣсяца; и съ сего праздника почитается у нихъ новый годъ *Зулу* торжесивуютъ въ Ноябрь мѣсяцѣ; а *Цаганъ Сару* передъ масленою, въ честь ибкой дѣвицѣ, которая, по ихъ мнѣнію, при началіи сѣвѣта побѣдила тьму неприяженныхъ силъ. Сіи три богомоли бывають у нихъ всеобщія, на которыя сѣвѣжаются почти изъ всѣхъ улусовъ къ

Ламѣ.

Ламѣ.
(*) на
спое
ными
а на с
Цацѣ
ными
опмѣ
ждый
роны
Зажин
благо
коро
горѣ
шину,
сѣнѣ
емѣш
Бурха
сни
въ Ца
со все
состо
мыки

(*) Ар
пис
рину
мы
дяд
Чер
сис

(*) Ч
не в

Ламѣ. Тутѣ дѣлаютѣ новыя капища, *Цаца* (*) называемыя, и выбираютѣ къ сему угористое мѣсто. Цацу украшаютѣ выше сказанными уборами. По срединѣ ставятѣ столѣ, а на столѣ ставятѣ своихъ бурхановѣ. Въ Цацѣ освѣщаютѣ все плоскими наполненными коровьимъ масломѣ; а свѣщильня непонимѣнно должна быть бумажная. Тутѣ каждый Калмыкъ старается со своей стороны споспѣшествовать сему празнеству. Зажиточные предѣ Бурханами ставятѣ благовонныя свѣчи; а другіе возжигаютѣ съ коровьимъ масломѣ плошки, и ставятѣ по горѣ около Цацы. Тутѣ бьютѣ всякую скотину, и шесть чашъ называемыхъ *Такисинѣ Цегуце* съ сарацинскимъ пшеномъ вмѣсто жертвоприношенія ставятѣ предѣ Бурханами, вмѣщая въ оныя по малой части всякаго животнаго. Во время служенія въ Цацѣ бываетѣ объявленная музыка. Лама со всемъ причепомъ отправляетѣ службу состоящую въ моливахъ. Черные Калмыки (***) ходятѣ около Цацы, и по прое-

Е 3

крап-

(*) Древнія ихъ капища назывались *Кидѣ*: ибо лѣтописцы ихъ свидѣтельствуютѣ, что они въ старину были некофовой народѣ; да и нынѣ симъ Калмыцкимъ именемъ называютѣ одну пещеру, находящуюся при Соленомъ озерѣ, состоящую отѣ Чернаго Яру въ шестидесяти верси., на Янцкой степи.

(**) Черные называются всѣ тѣ Калмыки, которые не принадлежатѣ къ священническому чину.

кратномъ обходѣ предѣ дверми Цацы, кладутъ по три земные поклона, взирая на Бурхановъ, и возлагая руки свои на голову.

Когда читаютъ важнѣйшія молитвы, тогда молятся съ сокрушеннымъ сердцемъ, подгибая правую ногу, а лѣвую скорча, и сложивъ ладони. Но что бы никакой предметъ не могъ поколебать ихъ мыслей, защуриваютъ глаза и пошупляютъ голову. Принесенную жертву Бурханамъ, ни кому бѣсть не дозволяется, но пускаютъ оную въ текучую воду, напримѣръ: ручей, рѣку и проч.; а остальную скотину бѣдятъ богомольцы. Первую часть получаютъ духовенство, и каждый изъ своего блюда по три щепотки откладываетъ, какъ нѣкую жертву Бурханамъ, приговаривая за каждою щепоткою *Урбанердини* (*).

Сии откладныя щепотки простые Калмыки съ особливимъ благоговѣніемъ принимаютъ и бѣдятъ, какъ нѣчто благословенное. Такое обыкновеніе наблюдаютъ ихъ *Гелюни* во всякое время, когда бѣсть начинаютъ; и естли не прилучится посторонній Калмыкъ, при откладныя щепотки, бросаютъ въ огонь и сожигаютъ.

На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ построены Цацы, всякій проѣзжающій Калмыкъ остав-

навали-

(*) Урбанердини значитъ прехъ свѣпныхъ или тропцу, и подъ симъ именемъ они разумѣютъ прехъ Бурхановъ, Санжимуни, Мавъшари, Майдари.

навали
наибъ
не пр
Цацъ
кову,
же во
спиво
занны
общаг
имѣет
пой и
жипел
больше
Когда
по се
крани
молит
кибин
ряхъ
жднѣ
няене
Гелю
руку
изъ з
пше,
почин
тель
извѣ
ихъ
древ
богов

наваливаться долженъ, и заплашнть Бурханамъ подашь чѣмъ ни есть. Естъяли у кого не прилучится съ собою денегъ, шо въ Цацѣ оставляющъ, или спирѣлу, или подкову, или другую какую вещь. Въ случаѣ же недоспашка Бурханъ долженъ довольствоваться конскими волосами, или обрѣзанными ногтями. Кромѣ сихъ мѣстъ всеобщаго идолослуженія, каждый Гемонъ имѣетъ собственное събѣ капище. Оно въ покой же находится кибиткѣ, въ которой жительствоуетъ и Гемонъ; и Бурханы по большой части бывающъ въ заключеніи. Когда Гемонъ вынимаетъ своихъ Бурхановъ, шо ставитъ на столъ каждаго при троекратномъ земнопоклоненіи, и сидя читаетъ молитвы: а другіе Каалмыки ходятъ около кибитки, и кланяются Бурханамъ въ дворяхъ кибитки. По окончаніи молитвъ, каждый Каалмыкъ входитъ въ кибитку, и кланяется Бурханамъ по три раза, и по разу Гелюню, который на него налагаетъ свою руку. Когда Бурхановъ Гемонъ вынимаетъ изъ започенія, шо каждаго, естъяли они липые, омываетъ чистою водою; и ша вода почитается у нихъ за святую или цѣлительную.

Вѣра Черемисская происходитъ отъ неизвѣснаго имъ времени, и одно преданіе ихъ предковъ, служило имъ къ сохраненію древняго своего закона. Между множествомъ боговъ ими почитаемыхъ первенствующій

есть Тинзябръ Юма (*), по есть Богъ живущій на небесехъ; и сей сотворилъ небо, землю и все то, что видятъ ихъ глаза. Жертва ему приносима суть различныхъ родовъ животины. По немъ почитаютъ они Киреметя, который есть духъ свирѣпый и могущественный; авѣра ихъ заставляеть думать, что большая часть благополучія ихъ въ волѣ сего страшнаго Бога: но былъ ли онъ человѣкъ, или какое другое чудовище, того они не знаютъ. Во время нужды, и во дни болѣзни своя убиваютъ они лошадей и коровъ, которыхъ приносятъ ему въ жертву, по среди опрощенного лѣсу. Смѣшное ихъ воображеніе достойно также увѣдомленія: ибо они думаютъ, что убитая ими лошадь не умираетъ, но только преселяется въ жилище для услугъ Киреметя, которому жертва сія паче всѣхъ угодна. По мнѣнію ихъ надобности человѣчскія и богамъ ихъ необходимы.

Читая исторію о древнихъ Скифахъ, находимъ мы сему подобное обыкновеніе. Они въ день погребенія царей и начальниковъ своихъ убивали, не только лошадей, но и нѣсколько изъ ихъ служителей, во-
обра-

(*) Слово Тинзябръ Юма, значитъ Бога всемогущаго. Черемисы почитаютъ его съ великимъ благоговѣніемъ; но нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что дѣла смертныхъ людей совсѣмъ ему не принадлежатъ; а сдѣлавъ онъ надъ ними судіями и властителями прочихъ ихъ боговъ.

обража
всѣхъ
жду;
мое е
умерш
изъ б
сное
смерш
ч
Скифа
суевѣ
назыв
будъ
ня п
ющее,
прину
беніе;
сей о
понян
гомъ,
сего
Се
назы
ленъ
снисх
носим
гихъ
Б
за Бо
будто
пахъ
его в

ображая, что погребенные и по смерти во всѣхъ человѣческихъ вещахъ имѣютъ нужду; а при томъ казалось имъ, что и самое сластолюбіе можетъ еще услаждать умершихъ; и для сего убивали по одной изъ бывшихъ ихъ наложницъ: и такое ужасное обыкновеніе употребляли они и по смерти каждой годъ.

Черемисы обитавшіе между древними Скифами сохранили остатки сего древняго суевѣрія, и можно думать, что сей ими называемый Киреметь не былъ ли какойнибудь знатный человѣкъ изъ ихъ поколѣнія происходившій. Обыкновеніе царствующее, тогда между ослѣпленными народами принудило и ему сдѣлать такое же погребеніе; а не разумѣвшіе потомки принявъ сей обычай за законъ, и не имѣя никакого понятія о существѣ его, назвали его богомъ, сохранивъ при томъ и обычай до сего дня.

Сей свирѣпый богъ имѣетъ у себя друга называемаго Ширтъ, который также силенъ награждать ихъ моленія, и гораздо снисходительнѣе перваго. Жертва ему приносимая состоитъ изъ овецъ и изъ другихъ малыхъ животныхъ

Капко Ороло не признаваемъ отъ нихъ за Бога, но любимымъ ихъ слугою, и онъ будто бы стоитъ непрестанно при вратахъ жилища Киреметева, и должность его возвѣщать ихъ прозбы и быть сви-

дѣтелемъ усерднаго ихъ моленія. Для сего чшутъ они его, приносяему иногда и жертву.

Извѣстно уже всѣмъ, что язычники обитающіе въ Россійскихъ предѣлахъ, нѣкоторыхъ храмовъ для моленія своего, также изображенія боговъ ими почитаемыхъ совсѣмъ не имѣютъ, кромѣ однихъ Калмыкъ: но дубъ, береза, распуціе въ лѣсахъ, суть изображеніе ихъ божества, и приносятъ жертву по среди имъ посвященнаго лѣсу (*). Въ праздничные дни и во время нуждъ своихъ сходясь они на сіе избранное мѣсто, молятъ боговъ своихъ сохранителей.

При жеривоприношеніи наблюдаютъ они слѣдующіе обряды: скопина приведенная на заколеніе, должна быть тучна и здорова: ее убиваютъ посреди избраннаго лѣсу близъ раскладеннаго изъ дровъ огня. Какъ скоро снимутъ съ нее кожу, то отрѣзываютъ уши, ноги, сердце, легкое и печеньку; а сіе уже раздѣляютъ на три части, изъ коихъ одну бросаютъ въ огонь, признавая, и въ нейъ нѣчто спасительное; другую посвящаютъ Киреметю, которую также предаютъ огню; а остальныя части варятъ въ котлахъ и ѣдятъ сами. Жрецовъ или особливыхъ священниковъ они не имѣютъ; но какъ скоро имъ понадобится сдѣ-

(*) Сіи моливищенныя мѣста, какъ Черемисы, такъ и Чуваши называютъ Киреметь, по имени Бога ими почитаемаго.

сдѣла
выб
рий
дам
внос
ныхъ
бинъ
жес
и по
насе
ени
боже
шкер
влас
выхъ
ком
кош
ныхъ
вущ
о х
тін
прин
амъ
шею
бару
черн
пре
бого
боги

сдѣлать какое либо жертвоприношеніе, по
выбираютъ челоѣка престарѣлаго, кото-
рый и управляетъ вышеописанными обря-
дами.

Въ прочемъ сей народъ изъ самой дре-
вности, не имѣя ни какихъ установлен-
ныхъ законовъ, и пребывая всегда во глу-
бинѣ невѣжества и незнанія, имѣетъ мно-
жество еще другихъ священныхъ обрядовъ,
и почти каждое жительство Черемисами
населенное, имѣетъ свои особливья обыкно-
веніи. Между ими есть четыре извѣстныхъ
божества, которыхъ они называютъ, Оде-
шкеръ, Пуващъ, Куклешъ и Изкиженъ; но
власть ихъ несравненно менѣе пропиву пер-
выхъ: и для того не всѣмъ изъ нихъ зна-
комы, а бывають только хранителями нѣ-
которыхъ Домовъ ихъ, покоя и благополучія.

Пугорша Юма есть изъ числа началь-
ныхъ боговъ почитаемыхъ въ Башкиріи жи-
вущими Черемисами. Его молятъ о скопѣ,
о хлѣбѣ, о пчелахъ и о всемъ, что въ жи-
тїи челоѣческомъ поспребно; а жертва ему
приносимая суть всѣхъ родовъ животныхъ.

Другїй называемый Пѣабаръ или Пѣ-
амъ-аръ, имѣетъ власть равную съ Пугор-
шею; но жертвы имъ различны; ибо Пѣа-
бару посвященъ черный быкъ, и всѣ другія
чернаго вида животныя, такъ какъ Шукшъ,
третьему изъ числа ихъ первенствующихъ
боговъ, посвященъ бѣлый гусь, прочіе ихъ
боги суть сіи.

Кур-

Кургубуршъ Юма, живетъ на землѣ: однакожъ ни кто его увидѣть не можетъ, кромѣ щастливыхъ и безгрѣшныхъ людей.

Юманашъ, по сказанію Черемисъ, обитаетъ иногда въ водѣ, а иногда въ лѣсу. Его молятъ, чѣобъ даровалъ имъ дѣтей мужескаго пола, и приносятъ въ жертву чернаго барана.

Иргибашъ Юма, есть также изъ числа ихъ боговъ и власть его равна съ другими.

Черемискія жены не жертвуютъ ни одному изъ сихъ боговъ, но для ихъ опасны всѣ пѣ божества, копорыхъ онѣ въ женскомъ родѣ почитаютъ, и копорья суть низеслѣдующія :

1) Кичеба, есть мать солнца, богиня согласія семейства, щастія и богатства. Она обитаетъ, по мнѣнію ихъ, внутри самаго солнца, и бываетъ ей публичное празднество отъ всѣхъ Черемискихъ женъ и дѣвицъ. Въ жертву убиваютъ молодого теленка или барана.

2) Каба, есть такое божество, которое живетъ отдѣленно отъ всѣхъ другихъ боговъ. Когда солнце среди лѣта взойдетъ на полдень, то въ то время свѣтишь оно воздѣ самаго ея жилища. Словомъ сказать: она живетъ въ неизмѣримой пучинѣ воздуха, и власть ея простирается вообще до всѣхъ человѣческихъ болѣзней, нуждъ и напастей.

3)

3) Кудо - Шоче - Наба, живеть вмѣстѣ съ богами обитающими на небесахъ; а нѣкоторыя думаютъ, что она есть мать Памара. Черемискія женщины молятъ ее о дѣтородіи; а по сему можно ее познать за богиню дѣтородія.

4) Мушанъ Ченъ: сія есть послѣдняя изъ богинь, и не всѣмъ Черемисамъ извѣстно ея имя.

Обряды при женскихъ жертвахъ употребляемыя, ни чѣмъ не разнятся отъ мужскихъ. Обычай ихъ запрещаетъ, что бы во время жертвъ Погуршѣ, и другимъ богамъ не было ни одной женщины: но напрошивъ того и при торжественныхъ женскихъ жертвахъ не бываетъ ни одного мужчины, кромѣ того, что по окончаніи надежащихъ молитвъ могутъ мужья припни и совокуно съ ними веселиться. Женщины имѣютъ особливыхъ ворожей, такъ какъ мужчины ворожцовъ, способомъ которыхъ познаваютъ онѣ, какая жертва богамъ будетъ пріятна.

Въ болѣзняхъ своихъ не призываютъ они на помощь ни Пугоршу, ниже одного изъ тѣхъ боговъ, которыхъ я описалъ: но для сего имѣютъ они особливаго Бога болѣзней, котораго называютъ Чукъ Киреметь, ему приносятъ жертву по предсказанію ворожцовъ, какого рода и какой шерсти скотина потребна, дабы умилившись Богу; а по сему прежде приношенія

жерт-

жертвы ворожецъ гадаеть, потомъ ска-
зуетъ, что Чукъ Киреметью будетъ прія-
тно. Сказаніе ворожеца имѣеть точно па-
куюжъ силу, какъ бы самъ богъ ихъ гово-
рилъ устами его, и пребуемое имъ должно
немедлѣнно исполниться.

Ворожецы бывають изъ числа тѣхъ
людей, которые лукавѣе и умнѣе своихъ
одноземцовъ; а по сему не трудно имъ ло-
жными предсказаніями пленять простой и
несмысленной народъ: ибо когда одинъ разъ
удастся ему прореци истинну, (что онъ
легко можетъ исполнить, смотря по слу-
чаю нужды, хопящихъ принести жертвы),
то симъ уже и заслуживаетъ вѣчное по-
чтеніе у своихъ земляковъ.

Во время скопскихъ болѣзней, хотя
сегожъ бога умилостивляютъ, но больше
еще другихъ, которыхъ называютъ они
Киреметь-Капка и Киреметь-Пимъ. Жер-
тва имъ приносимая супъ упки, шепереви
и рыбы ловимыя въ ихъ мѣстахъ.

Когда надлежитъ дѣлать всеобщее
жертвоприношеніе, то старики собравшись
вмѣстѣ дѣлають совѣтъ, какую скопину
принести въ жертву мнимому ихъ богу.
Но толпа людей разномысленныхъ не
скоро можетъ согласиться, и каждый раз-
личаясь намѣреніемъ своимъ отъ другаго,
желаетъ, чтобъ жертва была приносима
изъ тѣхъ животныхъ, которыя ему нра-
вятся. Когда число разномысленныхъ бу-
детъ

дет
юш
жер
гада
боб
он
нко
кос
Сове
что
шад
зан
дан
поку
чера
имъ
избр
на р
убра
быш
при
нази
часъ
наро
ное
шун
вас
осп
юш
мно
то
дую

дети умножаются, то тотчасъ призыва-
ютъ ворожейцовъ, дабы они сказали, какая
жертва богу будетъ приятна. Ворожецы
гадаютъ разными образами. иные мечутъ
бобы; другіе смотрятъ въ воду; наливъ
оную въ какой нибудь сосудъ, гдѣ по сказа-
нію ихъ и изображается видъ того бога,
кочему народъ принести жертву назначилъ.
Совершивъ гаданіе, предсказываютъ они,
что богу будетъ приятно, или бѣлая ло-
шадь, или бѣлая корова. По сему предска-
занію каждый деревенскій житель обязанъ
дать нѣкоторое число денегъ, на которыхъ
покупаютъ богу угодную скотину. Съ ве-
чера возвѣщаетъ староста одноземцамъ сво-
имъ, дабы по утру сходились на мѣсто
избранное для моленія; куда сходятся всѣ
на разсвѣтѣ дня въ самомъ лучшемъ своемъ
убранствѣ, и однѣ женщины не могутъ
быть участницами сего празднованія. Въ
присутствіи собравшагося народа, выводятъ
назначенную въ жертву скотину, и тот-
часъ ее зарѣзываютъ: потомъ варятъ въ
нарочно приготовленныхъ котлахъ. Сварен-
ное мясо раздѣляютъ всѣмъ по равну, а
путь уже каждый Черемсыанинъ разрѣз-
ываетъ свой удѣлъ пополамъ, и одну часть
оставляютъ для себя, а другую складыва-
ютъ всѣ въ одинъ котелъ: и какъ отъ
множества кусковъ наполнится сей сосудъ,
то сіе бросаютъ въ огонь и говорятъ слѣ-
дующія слова: *огонь, отнеси нашу жер-
тву*

тву къ богу. Прочія ихъ моленія заключаются въ трехъ вещахъ: первое, что бы богъ далъ имъ хлѣба, скопа и пчель. По окончаніи сихъ обрядовъ обѣдаютъ всѣ на жертвенномъ мѣстѣ, а послѣ уходятъ по своимъ домамъ, оставя кожу съ убитой скотины на томъ самомъ мѣстѣ, развѣсивъ ее на дерево.

Различіе между жертвами приносимыми богу болѣзней естъ сіе, что въ числѣ другихъ на жертву убиваемыхъ животныхъ естъ и заяцъ, и то что голову и ноги убитой скотины бросаютъ въ огонь, что они уносятъ домой во время жертвъ Пугорше и Пѣбару. Бросая сіи части въ огонь, говорятъ они сіе: *огонь, отнеси къ Киреметю нашу жертву и скажи, чтобъ онъ болѣе не просилъ*. Гаданія при жертвахъ приносимыхъ Чукъ Киреметю бывають также опмѣнны; ибо тогда они разсматриваютъ внутренность животноаго; и ежели печенка вынутая изъ его не тонка и не пестра, то сіе предзнаменованіе служить въ ихъ пользу: кождажъ случится тому прошивное; то сей знакъ естъ неблагополучія семье жертву приносящей.

Первѣйшій праздникъ бываетъ у нихъ въ Іюнь мѣсяцѣ, копорой только по шествиіи трехъ лѣтъ торжествуютъ. Въ сіе время приносятъ они жертву богу живущему на небесахъ, коего называютъ они Тинзябрь Юма, и убиваютъ для его по одной

одно
шма

тѣмъ

сей

шотъ

и се

въви

юмъ

цѣмъ

въ

дру

никъ

пра

ницъ

сели

свое

собе

нази

пер

тн

зан

вел

венс

но

мѣс

чна

име

ник

Ю.

Ю.

Ю.

Ю.

одной изъ всѣхъ родовъ домашнихъ скопниъ.

Другой день празднуютъ они предѣлѣмъ, какъ наступилъ время пашни. Въ сей день нѣтъ никакой жертвы кромѣ того, что всѣ собираются на избранное поле, и спавши на воспокъ съ великимъ благоговѣнiемъ падаюиъ на колѣна свои и вопiюиъ: *Боже, ради намъ хлѣбъ!* потомъ цѣлой день препровождаютъ въ пьянствѣ, въ борьбѣ, въ скаканiи на лошадяхъ и въ другихъ веселыхъ упражненiяхъ. Сей праздникъ есть одинъ, въ который имѣютъ право и женщины и дѣвицы быть участницами сего моленiя и вообще со всѣми веселиться.

Черемисы оставшiеся при древнемъ своемъ идолопоклонствѣ, слѣпо повинуются собственнымъ своимъ духовнымъ, которыхъ называютъ *Мушанами* и *Машанами*, а первосвященникъ нарицается у нихъ *Югтншъ*: и сiи толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развратители, въ великой у нихъ чести. Число такого духовенства стало уже теперь очень не велико: но вмѣсто того избираюиъ себѣ всякаго мѣста миряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенiя чловѣка, котораго переименовавъ *Картомъ*, даютъ ему и помощника подѣ именемъ *Удше*.

Богъ называется вообще на ихъ языкѣ *Юма* и *Коююма* (высочайшiй богъ), а чтобъ

Ж

при-

присвоить ему умственно всякія благости, то подъ именемъ Юмонъ Ава (мапъ божковъ) воздають супругъ его первое и самое большое по богъ почтеніе. Прочіе добраго качества божки суть, по ихъ разсужденію, дѣтки или родственники оныхъ двухъ первенствующихъ божественныхъ лицъ: и между ими по раздѣлено правленіе мира и расположеніе судебъ Нѣкоторыхъ почитаютъ женашыми, а иныхъ холостыми; и называютъ ихъ вообще *Божью семью* (Юмонъ Шукча), что же касается до именъ ихъ боговъ, и до умоначертанія о исправляемыхъ ими дѣлахъ; то они въ томъ между собою не согласны, потому что одинъ мушанъ предвѣщаетъ оныхъ много, а другой меньше; при томъ же и въ случаѣ испрошенія милости по однимъ и тѣмъ же самымъ дѣламъ обращаются къ разнымъ божкамъ. Наибольше же прилѣпляются они къ слѣдующимъ богамъ, а именно: къ *Пурикшъ* и *Пугуршъ Юмъ*, къ *Кудорчъ Юмъ*, подъ коимъ разумѣютъ они грозу, къ *Пуелбаръ Юмъ*, котораго по видимому естъ почитаемый Татарами пророкъ, потому что сіи называютъ своего прорицателя Мугаметомъ Пуемберомъ, сиречь пророчествующимъ. Есть у нихъ не мало и богинь, въ числѣ коихъ почитаютъ также *Кичебу*, мапъ солнца, *Кабу* и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ богамъ, а грѣшницы къ богинямъ. Пра-

П
почи
собс
слово
водъ
лихъ
прис
самъ
дум
ни
щас
по с
самъ
добр

ни.
дор
вѣр
зави
олѣ
рую
ящи
угол
кого
ему
кус
вѣн
ре
дан
выр
ли
звѣ

Прародителемъ боговъ злыхъ качествъ почитаютъ сашану, (шайтанъ), коего не собственнымъ его называющъ именемъ, но словомъ *Ю*. Онъ живетъ, по мнѣнiю ихъ, въ водѣ и бываетъ особливо въ самый полдень ихъ. Лѣшихъ называютъ *Велашами*, и присвояютъ имъ повелительную надъ лѣсами, зѣбрами и пшпцами власть; при чемъ думаютъ также, что они могутъ звѣринные промыслы дѣлать и удачными и нещасливыми. У нихъ есть и злыя богини; но случается, что подъ онымъ, и тѣмъ же самымъ именемъ причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почтенiи. Но поелику они громоваго бога (Кудорча) больше страшатся, и при томъ вѣрятъ, что плодородiе земли отъ него зависитъ; то многие ставятъ его въ видѣ одѣтой въ мужское платье куклы, которую кладутъ въ сдѣланной изъ бересты ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголь, и не воздавая ему въ прочемъ никакого особливаго почтенiя, кладутъ только ему черезъ нѣкоторое время по нѣскольку кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣщенные къ нѣкоторымъ почтеннымъ деревьямъ четверугольные въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ бересты вырѣзанныя, безъ всякаго въ разсужденiи лицъ или знаковъ изображенiя, которыя называются у нихъ *Куда Вадашъ*. Въ про-

чемъ иные называютъ ихъ идолами, а другіе пренесенными лѣшимъ жертвами: однако они у всѣхъ въ почтеніи, и какъ будто представляютъ жертвенники Фауновъ.

Службу отправляютъ они богамъ своимъ не въ храмахъ, но на чистыхъ священныхъ мѣстахъ (Кереметь), которыя бываютъ или мирскія (Кога Кереметь), или частныя, сиречь одному семейству особо принадлежація (Шкѣ Кереметь). Они имѣютъ положеніе свое въ священныхъ рощахъ или лѣсахъ; а гдѣ пакихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести по крайней мѣрѣ одно либо и нѣсколько деревьевъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочитается. Самое знатное дерево посвящается Юмѣ, другое похуже онаго Юмонъ Авѣ, а прочія кое какимъ божествамъ. Кереметь есть окруженное деревьями или другимъ какимъ заборомъ обнесенное мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оно отъ десяти до двадцати сажень, и при имѣетъ входа: одинъ къ западу для прихода и выхода, другой къ востоку, которымъ вводятъ назначенную въ жертву скотину, а претій къ югу для ношенія воды. Подъ знатнѣйшимъ деревомъ стоитъ вмѣсто жертвенника столбъ; а не подалеку отъ Кереметя сдѣлана крышка, подъ кою варятъ принесенную въ жертву скотину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Кереметю; да и мужчины должны заранѣе вымыться и

чи-

числ
пол
рук
меш
ств
въ
Пян
ли
всег
шое
сви
ни
так
гим
год
слу
про
кош
рог
ѣст
ци
дѣл
раз
нѣс
про
сем
до
ни
(пр
пер

численько приодѣться, и при томъ, когда только можно, не съ пустыми приходить руками. Многіе почитаютъ и самаго Керемся сильнымъ и благодѣйствующимъ боже-спивомъ; и по тому присвоятъ ему участь въ приносимыхъ жертвахъ и моленіяхъ. Пятница почитается наилучшимъ къ молитвѣ днемъ, и при томъ препровождается всегда въ отдохновеніи отъ трудовъ.

Въ жертву приносятъ лошадей, рогатой скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, утокъ, пшеничные пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ, какъ вареной, такъ и сырецъ. Бѣлые звѣри всѣмъ другимъ предпочитаютъ; пѣгіе совсѣмъ не годятся, а черные въ нѣкоторыхъ только случаяхъ могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбираютъ, какъ они стары и котораго рода. Жертвенные напитки и пироги надобно приуготовлять дѣвкамъ. Дома бсть остатки жертвъ не запрещено и женщинамъ. Время къ жертвоприношенію опредѣляютъ всегда духовные, которые при разныхъ шалостяхъ чрезъ киданіе на столъ нѣсколькихъ бобовъ, размѣриваніе пояса и проч., вопрошаютъ своихъ боговъ, какъ о семъ, такъ и другихъ обстоятельствахъ.

Самый большой праздникъ касающійся до всего боговъ семейства, называется у нихъ Юмонъ Байранъ. Названіе Байранъ (праздникъ), такъ какъ и омываніе тѣла передъ праздниками переняли они у Та-

парѣ. Такое празднованіе бываетъ у нихъ смотря по обстоятельствамъ и достаткамъ покупающихъ жертвенную скотину мирянъ черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, а иногда и черезъ четыре года, время же избирается къ тому осеннее. Въ назначенный къ жертвоприношенію день раскладываютъ мушаны или карты въ Кереметѣ семь огней, которые въ одинъ рядъ простираются отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западѣ огонь посвященъ Юмѣ, ближайшій къ оному Юмонѣ Авѣ, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ находится особый Мушанъ или Картъ, Пудше; и передъ всякимъ огнемъ, разстилаютъ по сукну, на которое ставятъ жертвенные напитки, медъ сырецъ и пирожное. Всякій Удше становится съ жертвенною своею жизотиною передъ своимъ огнемъ: служащій Юмѣ держитъ жеребца, а состоящій передъ огнемъ Юмонѣ Авы корову, прочіе же имѣютъ при себѣ мѣлкой скотъ или птицъ. Миряне стоятъ позади ихъ простоволосы. Жрецъ Юмы поднявъ къ верху пироги и сосудъ съ напиткомъ, творитъ въ слухъ молитву коротенькую, во время коей предстоящій народъ часто кладетъ поклоны, и говоритъ аминь! послѣ сего молился жрецъ Юмонѣ Авы, а за нимъ слѣдуютъ и всѣ прочіе. По окончаніи мольбы, обливаютъ всякій Удше скотину свою холодною водою; ежели она вздрогнетъ, то почитается сіе добрымъ

брымъ
мѣнъ
краш
ванъ
жери
уби
чпо
очн
варъ

поди
снел
лову
здѣ
Юм
пер
час
усер
рую
нем
кол
онъ
въ с
сол
у К
ляш
руп
сво
нно

вел
мы

брымъ знакомъ, а естли иѣтъ таковой примѣны, то поливаетъ ее еще нѣсколько кранѣ: и буде она послѣ седьмага поливанья не вздрогнетъ, то думаютъ, что жертва сія богамъ не угодна. Въ прочемъ убиваютъ они жертвенную скотину такъ, чтобъ кровь брызгнула въ огонь; и потомъ очистя въ Кереметя мясо и внутренняя, варятъ подъ крышкою или наметомъ.

Изъ варенныхъ жертвенныхъ мясъ, приподнявъ жрецъ на блюдѣ въ верьхъ боже-спиву своему сердце, легкое, печенку и голову, молится; а когда возношеніе сіе вездѣ уже кончися, то приносятъ къ жрецу Юмы, который какъ надлежитъ быть первосвященнику, всѣ блюда; дѣлитъ на части и подастъ всякому къ вѣрѣ своей усердствующему по особливой долѣ, которую шупъ же всякъ и сѣбѣдаетъ съ почтениемъ. Послѣ сего творитъ опять жрецъ молитву. Такимъ же порядкомъ раздастъ онъ пироги по кускамъ, а напитки по мѣркѣ: въ огонь же ничего не бросаютъ. Кости сожигаются; шкуру съ жеребца вѣшаютъ у Кереметя на дерево: а прочія кожи делятъ жрецы по себѣ. Останки жеривъ берутъ съ собою домой, и доѣдаютъ ихъ съ своими домочадцами и при безпутныхъ иногда увеселеніяхъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великій праздникъ *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ разпа-

живанію земли; по деревенскіе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою по желанію своему что инестъ изъ пищъ и пищья въ жертву. Картъ при пивореніи молитвы и вышеописанномъ поклоненіи мрянъ приносятъ богамъ нѣсколько изъ крестьянскихъ даровъ въ жертву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостію потому, что жены и дѣти ихъ приемлютъ, также въ пированіи семъ участіе. Напослѣдокъ взоравъ всякъ на пашнѣ своей по небольшой полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой жатвенной праздникъ (Упкинде Байранъ). Послѣ омовенія ставитъ онъ всякаго рода снятой въ томъ году съ полей хлѣбъ съ небольшимъ количествомъ солоду, напитоковъ и испеченныхъ изъ самой свѣжей муки пироговъ, на блюдахъ въ избѣ своей на столъ. Потомъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держитъ жертву противъ солнца, и съ покорностію благодаритъ богамъ за ихъ благословеніе; послѣ чего угощаютъ своихъ приятелей.

Первенствующій Вотятскій богъ есть такъ называемый *Илмеръ*, коего жилище кладутъ они на небесахъ, и вѣруютъ, что все видимое ихъ глазами есть его твореніе. День празднества установленъ ему во время весны, и моленіе бываетъ посреди поля, куда сходятся женщины и мужчины, прося его, дабы онъ умножилъ плодородіе въ ихъ зем-

земля
спвен
по ж
велич
живов
ковыя
I
богин
пирор
манер
ляшѣ
благот
прине
новле
гдѣ
носил
частн
ждаго
вапъ
и есп
осты
случа
елено
тва
и сва
тяки
се п
въ по
мѣсп
муже
изъ

земляхъ. Какъ сей Илмеръ есть могуще-
 ственнѣйшій изъ всѣхъ другихъ боговъ,
 то жертва ему посвященная согласна съ его
 величествомъ, потому что всѣ закалаемая
 животныя должны быть бѣлой шерсти, ка-
 ковыя сушь лошадь, корова, овца и теленокъ.

По Илмеръ заступаетъ первое мѣсто
 богиня называемая Калдыни Мумасъ, о ко-
 торой Вотяки сказуютъ, что она есть
 мать Илмера. Вотяпскія женщины мо-
 лятъ ее о рожденіи дѣтей, а дѣвицы о
 благополучномъ замужествѣ и въ жертву
 приносятъ бѣлую овцу. Сей богинѣ уста-
 новлены два празднества: одно публичное,
 гдѣ совокупно все женское общество при-
 носить ей обыкновенную жертву; а другое
 частное или домашнее, въ которомъ ка-
 ждаго дому хозяйка можетъ ей жертво-
 вать во время нужды своей.

Вторая богиня называемая Шунду Мумы,
 и есть мать солнца. Ее молятъ во время
 оспы и другихъ болѣзней на дѣтяхъ ихъ
 случающихся. Всеобщее празднество уста-
 влено для нее въ день святыя пасхи: а жер-
 тва ей приносимая есть пшеничный хлѣбъ
 и свареная изъ ячменныхъ крупъ каша. Во-
 тяки въ деревняхъ живущіе опираются
 сіе празднество такимъ образомъ: избравъ
 въ полѣ или въ лѣсу какое нибудь чистое
 мѣсто, сходятся наразвѣтѣ дня всѣ, какъ
 мужескій, такъ и женскій полъ, а старшій
 изъ ихъ общества пріемлетъ хлѣбъ, и чашу

кашею наполненную въ руки свои: попомъ всѣ падаютъ на колѣна, и смотря на солнце, вопиють: мати солнца, спаси отъ болѣзни дѣшей нашихъ; выговоривъ сіи молитвы, преклоняются лицами къ землѣ; а послѣ возставъ, ѣдятъ всѣ вмѣстѣ жертвенную пищу. Конецъ праздниества язычниковъ есть пьянство и другія веселья упражненія являющія знаки торжества.

Вотьятское суевѣріе, такъ далеко простирается, что самыя неодушевленныя вещи приемлютъ отъ нихъ почтеніе боговъ. Изъ числа ими обожаемыхъ вещей значимѣйшій есть, такъ называемый Модоръ, который ни что иное, какъ вѣтви пихтоваго дерева. Сколь благоговенно чтутъ они сіи священныя вѣтви, тому послужитъ доказательствомъ то, что они говорятъ о немъ: „Сіе есть одно изъ первенствующихъ вещей нами обожаемыхъ, и то самое, которое называемъ мы модоромъ или богомъ храминпелемъ домовъ нашихъ: и есльи коенется имъ рука, не только инозаконныхъ, но и пѣхъ самыхъ, которые ихъ обожаютъ, то непремѣнно покой семейства моего, и самое благополучіе наше разрушится какимъ нибудь нещасливымъ случаемъ“

Должность снимать его съ мѣста, имѣетъ одинъ престарѣлый Вотьякъ, живущій въ ихъ деревнѣ; когдажъ онъ умретъ, то мѣсто его заступаетъ сынъ его, а буде нѣтъ кровнаго наслѣдника, то ближайшій изъ родствен-

ствен-

ствен
вѣтви
вѣтви
шияго
дзго
доску
храм
жнѣ
ибо
сего

дому
не пр
смерн
пвями
Моло
больс
сіе д

Таны
рыя
домаш
честн
посвя
не ест
миска
ими
ни ж
в
вья
опъ
Они

спвенниковъ его можетъ брать священныя вѣтви. По прошествіи каждаго года предъ вѣтвями, служащими имъ за образъ домашняго ихъ бога, убивающъ на жертву молодого теленка, коего уши кладущъ на ту доску, гдѣ лежатъ пихтовыя вѣтви, а эта храмина, гдѣ оныя вѣтви пребываютъ, служащъ вмѣсто храма Модору посвященнаго: ибо жертвеннаго теленца убивающъ посреди сего мѣста.

Еслили какому нибудь Воляшскому дому понадобится другія вѣтви, то онъ не прежде можетъ ихъ получитьъ, какъ по смерти того шарика, который предъ вѣтвями отправлялъ должность священника. Молодой его наследникъ имѣетъ право удовольствоваться желаніе просящаго: но все сіе долженъ онъ сдѣлать безъ корысти.

Черемиса, живущіе близъ береговъ рѣки Танына, чшутъ также оныя вѣтви, которыя называютъ они Кудоводошъ, но есть домашній богъ. Жертвоприношеніе различивуетъ только шѣмъ, что Черемиса посвящали ему чернаго барана. Сей богъ не есть общественный богъ для всего Черемискаго и Воляшскаго народа: ибо между ними есть такіе, которые не дѣлаютъ ему ни жертвы, ни почтенія.

Какъ ни почитаютъ Воляки пихтовыя вѣтви, однакожъ дерева ихъ не издѣты отъ употребленія на домовыя строенія. Они хранятъ только одно дерево, стоящее

щее въ дремучемъ лѣсу, которое избравъ ихъ прародители назвали Модоромъ, и потомки ихъ довольствуясь вѣшьями на нихъ вырастаемыми

Воляки будучи издревле охотники до боршевыхъ пчелъ, вздумали, что надлежитъ обожать и дятла, какъ такое животное, которое живучи въ лѣсахъ причиняетъ вредъ боршевымъ деревьямъ. Они поймавъ пчеленницами дикую утку, рѣжутъ въ своихъ лѣсахъ, и сія естъ жертва дятлу посвященная; внутренность ся оспивляютъ въ лѣсу на пищу дятлу, а прочее варя дятль сами.

Киремень имѣетъ также почтеніе отъ Воляковъ, и день празднества установленъ ему во время начатія пашни. Тогда убиваютъ они въ жертву черного барана, котораго покупаютъ на общія деньги, во время случающихся съ ними болезней ищутъ они спасенія у Киременя; а гаданіе лукавыхъ ворожцовъ объявляетъ имъ, какая жертва будетъ ему пріятна. Все дѣйствіе сихъ отгадчиковъ, которыхъ Воляки Тунами называютъ, состоятъ въ томъ. Они взявъ деревянную ложку, наполняютъ ее водою; потомъ кладутъ въ нее серебряную копѣйку: но по чему узнаваютъ они желаніе боговъ, то, какъ шансво имъ однимъ извѣстное, не объявляютъ простому народу. Довольно того: люди непросвѣщенные и непонимающія ихъ коварнаго дѣйствія, исполняютъ повелѣніе ихъ такъ священно, что естляибъ

естляибъ
лишнихъ
однако
безпрес

Ос

нѣско

своимъ

сятъ

чипобъ

въ ры

слахъ

въ же

такой

поръ,

щанія,

отъ дѣ

нѣско

посни

Чѣ

святы

попада

старо

ревню

оспаив

раютъ

опда

куда

возбу

лѣсовъ

хране

себя

шутъ

естьлибъ прреченная жертва стоила ему лишиться большей части своего богатства; однакожъ болѣзню спраждущій человекъ безпрекословно все исполнилѣ.

Остяки изъ давнихъ времянъ почитали нѣкоторую богиню, которая съ сыномъ своимъ нагая сидитъ на стулѣ: ей приносятъ многую жертву и дары, и просятъ, чтобъ даровала она имъ щастіе въ охотѣ, въ рыбной ловлѣ и въ прочихъ ихъ промыслахъ. Кто обѣщался принести ей нѣчто въ жертву, и не исполнилъ своего обѣта, такой мучимъ и терзаемъ былъ до тѣхъ поръ, пока не освободился отъ своего обѣщанія, и ежели кто приносилъ жертву не отъ добраго сердца, такъ чпо онъ о томъ нѣсколько сожалѣлъ, тотъ умиралъ скоропостижною смертію.

Чуваша и Мордва, хотя просвѣщены святымъ крещеніемъ, однако между ими попадаются семьи, которыя живутъ по старой вѣрѣ, и рѣдкую можно найти деревню, при которой бы не были видны остатки прежняго ихъ богомолія. Они избираютъ на такой конецъ мѣсто нѣсколько отдаленное отъ своего жилища въ лѣсу, куда для пишины, и можетъ быть, и для возбужденія потомковъ своихъ къ любленію лѣсовъ, дабы тѣмъ удовлетворить ихъ сохраненію, удаляются; а не для сокрытія себя отъ иновѣрцовъ, какъ нѣкоторые пишутъ; ибо кому не извѣстно, что уже
въ

въ самую глубокую древность, язычники чрезъ такой набожности предѣлѣвъ сохраняли свои лѣса, посвящая ихъ въ покровительство разнымъ ими обожаемымъ идоламъ Мѣсто богомолія Чуваши называютъ Ирзямъ, а Мордва Кереметь, и которое не иное что есть, какъ четверугольная площадь тыномъ, или пряслами огороженная, и имѣетъ три ворота, съ востока запада и сѣвера Съ восточной стороны вводящъ они жертвенной свой скотъ, въ западныя ворота входящѣ люди; а чрезъ сѣверныя приносящъ воду. Неподалеку отъ восточныхъ воротъ вкапываютъ при столба, изъ которыхъ къ одному привязываютъ жертвенную лошадь къ другому быка или корову, а къ третьему овца, и называютъ сн столбы Тиржигать. При западныхъ воротахъ врываютъ еще три столба. Оба на ихъ языкѣ. По введении жертвеннаго скота, привязываютъ они прежде къ восточнымъ столбамъ, при томъ закаляютъ при западныхъ. По закланнн жертвы, кожи животиныхъ разѣшиваютъ на восточныхъ столбахъ, на которыхъ кожи мѣлкихъ животныхъ исчезаютъ, а крупныхъ, какъ-то, лошадей и рогатаго скота продаютъ, и покупаютъ на оныя деньги соль для будущаго богомолія. Въ сторону отъ западныхъ воротъ поставляютъ калду или повѣшь, посрединѣ которой врываютъ два столбика съ поперешикомъ, дабы удобно можно было на-

вѣши-

вѣши
живот
харай
ворота
на ко
мясо
цовъ,
К
молте
или въ
малол
богом
полд.
вляе
никако
жестко
мольн
щемъ.
сырой
ню и
личес
всякъ
на оне
рову,
ней и
Собра
изъ н
мѣсн
и вар
ливаю
вающ
молит

вѣшивать копы для варенія закладныхъ животныхыхъ; и сіе мѣсто называется у нихъ харай жигать, п е. кухня. У сѣверныхъ воровъ сѣбянѣ полковъ или широкая лавка, на которой они разрѣзываютъ свареное мясо на сколько кусковъ, сколько богомольцовъ, и лавку сію называютъ Хума.

Когда они предпринимаютъ свое богомоліе, тогда всѣ вообще омываются водою или въ банѣ, и надѣваютъ чистое платье; малолѣпныя остаются въ домахъ, а на богомолье ходятъ одни пожилыя обоего пола. Обыкновенное ихъ богомоліе опирается на пятнищамъ. сей день они уже никакой работы не опираютъ: но въ торжественіи прерождаютъ время. Богомольные ихъ обряды состоятъ въ слѣдующемъ, со всей деревни собираютъ солодъ, сырой медъ и прочія наобности къ варенію пива и меда, и наваривъ довольное количество, выносятъ на мѣсто богомолія, всякъ со своей стороны смотря по достатку; на оное же мѣсто при одятъ лошадь, корову, или овцу, или гуся живыхъ; но свиней никогда на мольбу не употребляютъ. Собравшись всѣ вмѣстѣ, Іомзя или старшія изъ нихъ, убиваютъ приведенной скотины на мѣстѣ, и обрядивъ разкладываютъ огонь, и варятъ все въ кашницѣ. Сваривъ все, разливаютъ по чашамъ кашницу, и раскладываютъ говядину, распорядивши начинаютъ молиться на востокъ, всемъ миромъ, и просятъ

схлѣвъ того, что кому похребно: вышній боже, дай богъ хлѣба, дай богъ скотину, дай богъ рабятъ за скотиною ходитъ, былъ бы я здоровъ; помилуй богъ: чего прошу, того дай: скотины больше дай, дай богъ дѣшей, богъ великій государь! чего прошу, того дай: дай богъ больше денегъ. Проговоря сѣ, стоятъ долго во всякой тишинѣ, потомъ становаются на колѣна, и постоявъ на колѣнахъ, падають при раза ничкомъ на землю. Уповаательно, что сѣ поклоненіе взято у Татаръ, которые такое же въ обыкновеніи имѣють. Мольба ихъ продолжается около четырехъ часовъ, а по окончаніи оной садятся за столъ, и по лавкамъ ѣдятъ и пьютъ, что у нихъ было уготовано. Послѣ обѣда вторично начинаютъ молишься, такимъ же образомъ чрезъ два часа; оставшееся послѣ ихъ стола все раздѣливъ по равну между собою, беруть домой и одѣляютъ своихъ домашнихъ.

Сѣ ихъ общее богомолье бываетъ во время недороду хлѣба, прошеніемъ также въ изобильныя годы въ знакъ своей благодарности, когда уберутся хлѣбомъ въ Ноябрь мѣсяцъ, которой они Цюгуй называютъ, во время засухи, мокроты и повѣтрія.

Солнце и луна не только за божество почитали, но и приносили жертву солнцу въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а луна въ новомѣсячье съ тою только разностию, что симъ своимъ божествомъ не само-

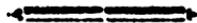
самова
ребца,
какъ-ш
дипво
пинъ
миръ.
царсн

К
нихъ
кажд
юшь
или г
ценны
ныхъ
чаъ
густу
и зов
не вы
пенны
дверей
же об
того
влять
спор
или ст
Такія
въ по
знаком
такъ
У
въ сре
съ д

самоважную свою жертву упитаннаго жеребца, приносили, но другихъ животныхъ, какъ-то, овецъ, гусей и прочая, съ сею молитвою Мордва солнцу. Вышнее солнце свѣтитъ все царство, свѣти и намъ и на нашъ миръ. Новомѣсячю, мѣсяцъ свѣтитъ во все царство, освѣщай насъ и хлѣбъ нашъ.

Кромъ всеобщаго богомолія бываетъ у нихъ участное, которое отправляется у каждаго въ домъ. Время богомолія избираютъ они передъ обѣдомъ, приготова оцу, или гуся, которые должны быть доморощенные, ибо на молитву покупаютъ животныхъ за грѣхъ вмѣняется; а бѣдные въ случаѣ недостатка на мольбу употребляютъ густую кашу, нарядивъ на столъ, ставятъ и зовутъ за оной всѣхъ своихъ домашнихъ, не выключая и женатыхъ дѣтей; а степенные или старикъ со старухою, ставъ у дверей, и опививъ оныя, молятся такимъ же образомъ, какъ выше упомянуто. Естли того дому старикъ не въ состояннй отправлять сего богослуженія; то просятъ посторонняго человека старику солѣшняго, или старше; а моложе брать не дозволяется. Такія участныя богомолія ввелися у нихъ въ то время, когда они болѣе стали быть знакомы съ Россіянами, и переняли у нихъ, такъ называемые годовые праздники.

У Чувашъ Аласторскаго уѣзда бываетъ въ срединѣ Керемета деревянная хижина съ дверью на востокъ, въ которой ѣдятъ

жerpиву стоя; и для того посплавлены тамъ длинныя и скапертямипо крытыя столы. Въ среднѣ оной жижины вопкнутъ въ землю длинной сквозь кровлю проходящій шестъ, на которомъ въ верху утверждено, съ низу плоское, а къ верху острое желѣзное кольцо; сему значку не отдается никакого почтенія, и въ простыхъ отверстныхъ кереметахъ никогда онаго не бываетъ.

Лопари будучи язычниками въровами, да и теперь въруютъ въ Юбмела, общаго бога; и думаютъ при томъ, что кромѣ его есть еще добрые и злые мужскаго и женскаго пола божки и богини меншаго достоинства, живущи и правительствуютъ они, по мнѣнію ихъ, либо въ небѣ, какъ Юбмелъ и Редіанъ, принимающій къ себѣ тѣхъ, кои жили благочестиво, либо на воздухѣ, какъ Бенве (солнце), Горангелисъ, называемый также Ля Ипоръ, и значущій Грозу, Буагъ, Олман располагающій бурями и порывистыми вѣтрами, либо на землѣ на священныхъ горахъ, какъ Ленбъ Олман, богъ зебровловска Маде-ракко съ премою своими дочерьми богинями, женскія дѣла успрояющими и судящими, Саиво Олгакъ, нагорные волшебниковъ боги и проч. Подъ землею же поверхностью обитаютъ, по ихъ разсужденію, и владычествуютъ, Лбме Акко, мать смерти, у которой разлучившіяся съ тѣломъ души пребываютъ до самаго рѣшенія ихъ судьбины, а въ средночій земли или ада, гдѣ Пе-

Песка
надъ
Они в
злые
кობа
Разны
опмѣ
рыхъ
нокм
жден
еще и
С
каши
свое
ренъ
почит
Лувра
ковыхъ
ревья,
начерн
наход
пяни
ста
сптан
что н
блжн
оныхъ
живущ
ихъ м
стоян
корня
енные

Пескаль, глава злыхъ духовъ, господствуетъ надъ беззаконниками Рота и другіе боги. Они вѣруютъ также, что и въ водѣ есть злые боги и богини, въ прочемъ бояся они кобола, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ и проч. Разные Лопари имѣютъ не рѣдко совѣмъ опимѣнную о всѣхъ вообще, или о нѣкоторыхъ только богахъ вѣру, и при томъ не только между собою не согласны въ разсужденіи количества оныхъ, но исповѣдуящъ еще и чуждыхъ боговъ и духовъ.

Святѣя горы служащъ имъ вмѣсто канищъ, и заимствуютъ всегда прозваніе свое отъ оленей, какъ на примѣръ Спиренъ Алда, олень горы Спира: не меньше почитаютъ они святѣя озера (Аилекасъ Лувра), ирѣки (Пассе Юокъ), во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ споятъ освященныя деревья, на коихъ видны разные Лопарями начертанные виды, а по близости оныхъ находятся сдѣланныя ими отъ трехъ до пяти футовъ въ вышину жертвенники. Мѣста сіи кажутся и принявшимъ уже Христіанской законъ Лопарямъ такъ спрашны, что не смѣютъ безъ жертвы къ нимъ приближиться, и потому они въ околѣцѣ оныхъ, ни звѣрей не ловятъ, ни сами не живутъ; наипаче же женщинамъ должно, по ихъ мнѣнію, убѣгать такихъ мѣствъ. Тамъ стоятъ у нихъ деревянныя безобразныя изъ корня вырѣзанные, или изъ камней устроенныя идолы. Первые называютъ они па-

жами, а послѣднихъ, кои видны больше при озерахъ и рѣкахъ, и состоятъ изъ цѣлыхъ грудъ спрранно сгромощенныхъ камней нарицаютъ Сеапами. Когда ловятъ они въ псковыхъ озерахъ рыбу, то должно имъ наблюдать безмолвіе, не водить за собою собакъ, не брать себѣ въ подмогу женъ и проч.

Жершвы приносятъ они по случаю болѣзней, падежа оленей, бесплодныхъ женидбъ и другихъ временныхъ угибшеній. Волшебникъ долженъ имъ сказывать, къ какому божеству надобно имъ обратиться, также какую и гдѣ надлежитъ принести жершву и проч., на такой конецъ употребляетъ онъ иногда волшебной свой барабанъ, который есть не иное что, какъ продолговатый круглый съ одной стороны кожей обтянутый ящикъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ представляены изображенія небесныхъ свѣтилъ, также звѣрей, птицъ, заручишельныхъ знаковъ и сему подобнаго. Волшебникъ положи на оную кольцо, и удая колошущкою, которую составляетъ мохнатый оленнй рогъ, можетъ по мнѣнію Лопарей узнать попому изображенію, на коемъ ляжетъ попрыгивающее кольцо, какой даешь ему отвѣтъ на еѣ до прошедшаго и будущаго касающіеся вопросы. Они призываютъ также барабаномъ своимъ и духовъ. При чемъ тѣло ихъ обмираетъ,

а ду
сто,
кто
пуган
спран
у них
вѣдя
подъ
ихъ
рыван
и про
духам
громъ
было
бы все
зовани
и дер
лѣнос
остро
ютъ
копю
спру
содери
прин
при ч
нихъ
спю
изъ н
жекъ,
спру

а душа переселяется на сборное духовъ мѣсто, и тамъ съ ними переговариваетъ.

Держащіяся таковыхъ мѣнѣй люди, которые при томъ и по сложенію своему пугливы, должны изобиловать сновидѣніями, спрашилищами, суетвѣрїями и сказками: да у нихъ и подлинно всего того довольно: мѣдвѣдя и п. называютъ они не симъ именемъ, но подъ шубнымъ старикомъ. Они вѣрятъ, что ихъ чародеи могутъ производить и прерывать вѣспры и дождь, также призывають и прогоняють несѣкомыхъ, разговаривають съ духами и проч., но при томъ говорятъ, что громъ ихъ преслѣдуетъ, и что если бы не было грому, то волшебствомъ уничтожилась бы вселенная. Нѣкошорымъ рѣченїямъ и образованїямъ присвояють они особливья силы, и держатся другихъ симъ подобнымъ нелѣпостей.

Народы обитающіе на Курильскихъ островахъ за Камчаткою, въ юртахъ имѣють вмѣсто идоловъ кудрявья спружки, которыхъ они весьма хитро дѣлають. Сїи спружки называютъ Ингуль или Иннаху, содержащѣ въ нѣкоемъ почтенїи. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами сѣдлають; а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостїю оставляють, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жерпвенныхъ кожъ, ни спружекъ, въ прочемъ носятъ съ собою оныя спружки, во всякіе опасные пути на море,

и бросають въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ Сувои, что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, который тѣмъ умилоствивить надѣются.

Гаданіи, оныя суть множественныя и различныя: ученые люди выдавали сочиненія свои гадательныя на нѣсколько вѣковъ, столѣтніе календари и времячныя гадательныя книжки, по теченію планетъ, или кому какъ вздумалось, гадаютъ картами, костями, бобами, тыквинными сѣменами и прочимъ. Древніе Славяне употребляли гадательства: 1. метаніе въ верхъ деревянныхъ кружковъ, съ одной стороны бѣлыхъ, а съ другой черныхъ. Когда брошенные кружки упавъ ложились бѣлою стороною въ верхъ, то знаменовало сіе доброе предвѣщаніе; а когда упали бѣлымъ въ низъ, то худое; когдажъ ложились одинъ бѣлымъ, а другой чернымъ въ верхъ, то значило посредственное; 2. производилось конемъ свято-видовымъ *см. Святозидъ*; 3. выводилось изъ оборотовъ и крику летающихъ птицъ; 4. изъ крика животныхъ и изъ встрѣчи оныхъ; 5. изъ движенія пламени и дыма; 6. по теченію воды по пѣнѣ и струямъ; 7. по полагаемымъ пруткамъ и прочая, а по деревьямъ нашимъ слѣдующія происходивъ:

1. Поютъ дѣвушки, такъ называемыя подблюдныя пѣсни; собравшись спавятъ на столъ красное деревянное блюдо, покрывають

юпѣ
на пла
попом
кольц
друго
крест
плато
хлѣбу
на ку
вающ
сняп
грез
снѣ,
нма
нѣше
участ

въ зо
коми
бора,
въ п
кала
ко
его
а д
пото
нец
ея н
смо
закр
пош
ея

юшѣ его большимъ платкомъ, и кладутъ на платокъ кусокъ хлѣба и холоднаго угля, потомъ всякая загадывается на перстиѣ, на кольцо, на наперкиѣ, на запанкиѣ, или на другой какой нибудь малой вещи, и перекрестя блюдо той вещью, кладетъ подъ платокъ всякая. Во первыхъ поютъ пѣсню хлѣбу, и по окончаннн ломаютъ его и уголь на кусочки, и раздѣляя по себѣ, завертываютъ въ рукавъ рубашки, съ которыми и снятѣ для долженствующей быть сонной грезы. На конецъ приѣвая къ каждой пѣснѣ, кому выинится, тому сбудется, вынимаютъ свои вещи, и по содержанію пропѣтой для нее пѣсни предбугадываютъ свою участь, щитая то за неложное.

2. Сидя въ пустой горницѣ, смотрятъ въ зеркало: дѣвица приходитъ въ пустую комнату одна, принеся съ собою два прибора, зеркало и свѣчу, ставитъ все оное въ порядкѣ на столѣ, и сѣвъ противъ зеркала гадаетъ, *суженой ряженой, приди ко мнѣ ужинать*. Минутъ за пять передъ его приходомъ, начинаетъ зеркало шускнуть, а дѣвушка протираетъ его нарочно для того изготовленнымъ полотенцомъ; наконецъ придетъ нѣкто, и смотритъ черезъ ся плечо въ зеркало; и когда невѣста разсмотритъ всѣ черты на его лицѣ, тогда закричитъ, *чуръ сего мѣста*: то дьяволъ тотъ, который принималъ на себя образъ ся жениха исчезнетъ, и дѣвица съ того времени

времени жениха своего знать уже будетъ точно. Но сіе учинитъ робкая, а иная не такъ боязливая, не будетъ еще чурать, и женихъ или принявшій его на себя образъ дьявола, переставъ глядѣться, следетъ съ нею за столъ, и вынувъ изъ кармача ножичекъ или перстень, или что другое, положитъ на столъ, тогда уже дѣвушка зачураетъ, и сія положенная вещь остается ей въ добычу, и дѣйствительно бываетъ она похищена тогда у ее жениха, что многія увѣряютъ.

3. Носятъ кожу коровью или коневью къ проруби, и тамо садятся на нее, очертясь кругомъ отъ проруби огаркомъ, нарочно для того изготовленнымъ. По времени выходящій изъ проруби водяные черти, взявъ кожу и съ тою особою, которая сидитъ на оной загадавши, носятъ мгновенно въ дальнія разстоянія, напримѣръ: въ домъ будущаго жениха и прочая. По окончаніи же сей работы, желаютъ присвоить себѣ сѣдящую на кожѣ, и съ великимъ стремленіемъ лешатъ къ проруби, дабы погрузиться съ нею въ воду, гдѣ успѣвать должно выговорить при самой проруби *чуръ сего мѣста*, чѣмъ спасти себя можно, а инако слѣдуетъ неминуемая гибель.

4. Лютъ олово или свинецъ, воскъ и золото въ воду, загадывая прежде, и какое изображеніе выльется, то и вѣрять крѣпко, что то въ жизни съ ними случится.

5.

преж
услы
судби
куско
идуш
немъ
рону
какая
спым
мужко
лоды
полъ
депъ
шина
вѣря
за бо
то бы
и пр
цотом
нисп
буду
ѣтъ
то д
ливор
жено
ко вѣ

5. Слушаютъ подѣ окнами. загадавъ прежде, и какое слово. ошѣ бывшихъ въ избѣ услышатъ, то пошому и располагаютъ свою судьбину.

6. Выходятъ за ворота съ первымъ кускомъ въ роту, и спрашиваютъ у мимоидущаго обѣ имени, въря, что шѣмъ именемъ мужъ ее будущій называться будетъ.

7. Полютъ снѣгъ, и въ которую сторону броситъ оной, то и слушаютъ тамо, какая прежде собака залаетъ, ежели толстымъ голосомъ, то быть ей за старымъ мужемъ, а когда понкимъ, то быть за молодымъ.

8. Берутъ въ темнотѣ изъ полѣнницы полѣно, и когда оное гладко, то мужъ будетъ хорошей, а ежели суковато и съ трещинами, то дурной и сердитой. Другіяжъ върятъ, когда полѣно суковато, то быть за богатымъ, а когда попадаетъ ей гладкое, то быть за бѣднымъ.

9. Снимаютъ ночью куръ съ насѣсти, и принеся въ горницу, даютъ клсвать щотомъ пшеницу, или другой какой зернистый хлѣбъ; а пошому и отгадываютъ будущую свою участь.

10. Слушаютъ сидя у окна въ горницѣ, въ то время, когда уже всѣ лягутъ спать, то дѣвица загасивъ огонь, сядетъ къ затворенному окошку, загадавъ *суженой ряженой, поѣзжий мимо окна*. Черезъ нѣскольکو времени находящаяся въ страхѣ дѣвица,

слышитъ мимо окна ея вѣдущихъ кричащихъ и свистящихъ людей, что толкуетъ она добрымъ знакомъ веселой ея жизни, а когда пробѣзжаютъ или проходятъ тихо, то значить бѣдное состояніе жениха.

11. Вывѣсивають бѣлое полошенице изъ окошка ночью, гадая, *суженой, ряженой, приди и уприся*. Ежели по вывешеніи скоро полошенице оное будетъ намочено, то значить, что погожь года бышь дѣвицѣ за мужемъ; а ежели къ упру, то еще не бытъ долго; а когда по упру свиметъ сухо, то не быти ни когда.

12. Слушаютъ у церкви, ходящъ ночью къ церковнымъ дверямъ или окнамъ и загадавъ слушаютъ, и когда поютъ, послышится имъ, надгробныя пѣсни, то разумѣется дѣвущкѣ въ тотъ годъ умереть; а когда брачныя, то бышь за мужемъ.

13. Дѣлають изъ прупиковъ мостикъ, и кладутъ его подъ подушку во время сна загадывая, *кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ*. Сіе разумѣется, что должно ей во снѣ по присниться.

14. Вѣдятъ пересоль, въ то время, какъ ложатся спать. Дѣлають какую нибудь пищу, соля ея весьма круто, для того, что бы ночью имѣть жажду; и ложатся загадавши, *кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ литъ мнѣ подастъ*.

15.

15. Слушаютъ въ банѣ, холятъ ночью хъ банѣ, и пришедъ отворяти у оной двери, и оборотившись задомъ въ двери, и открывъ задницу наклоняются и гадаютъ, *шени меня, мани меня куньимъ хвостомъ по голой задницѣ*, и когда почувствуетъ, что прикоснулось къ ней нѣчто мохнатое, то значить жить богато; а когда что холодное, то бѣдно.

16. Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свинья туши, отъ которыхъ слышится имъ голосъ, а по оному и опредѣляютъ будущую свою судьбину.

17. Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу, и въ которую сторону ляжетъ оной на скомъ, въ той сторонѣ и быть ей за мужемъ; а когда къ воротамъ, то въ томъ годъ еще не выдадутъ.

18. Холятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ, и имѣя за плечьями мѣсяцъ, смотрятъ въ зеркало, загадавъ, *суженой, ряженой, покажися ми въ зеркалѣ*, которой также приходитъ, какъ и въ пустой избѣ

19. Садятся на лошадь, и завязываютъ ей глаза, и потомъ дають волю лошади, въ которую сторону сама она пойти захочетъ, то и вѣрятъ, что въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ за мужемъ.

20. Сажаютъ пѣтуха и курицу подъ решето, связавши ихъ хвостами, и которая изъ нихъ повлечетъ за собой другую, то по тому и исполняются загадавшей брачные обряды.

21. Слушаютъ у жипницы: здѣсь слышится имъ пересыпка хлѣба; шумъ отъ жерновъ, или работа на гумнѣ, многолюдство работниковъ и прочая, а потому и узнаютъ, жить ли богато или убого.

22. Выѣбливаютъ ключи за окошко, и когда придетъ нѣкто пошевелитъ оныя, тогда дѣдушка спрашиваетъ его объ имени, и оной нѣкто, то есть лѣшій, или другой дьяволъ отвѣтспивуетъ по имя, которымъ называется се будущій женихъ.

23. Кладутъ подъ головы гребень, загадывая, суженой ряженой, причеши ли въ голову, и увѣряютъ, что во снѣ приходитъ дьяволъ во образѣ будущаго ее жениха, и причесываетъ ей волосы.

24. Аукаютъ выбѣгая изъ двора, и въ которой сторонѣ будетъ отъзыватьсѣ ехо, въ ту сторону выдаютъ ее за мужъ, а при томъ примѣчаютъ скоро, или продолжительно, понко или полспоголоса.

25. Ложатся навзничъ въ снѣгъ, и по утру ходятъ осматривать, ежели оное вылеглое мѣсто гладко, то мужъ будетъ смиренный и спокойный, а ежели изсѣчено, то вздорный и драчливый.

26. Кладутъ на столъ три шапки, и гадаютъ также какъ и о прочемъ сбытии будущей ихъ судьбины.

27. Сучатъ нитки, и пускаютъ въ воду, по извиванію коихъ въ водѣ располагаютъ свое гаданіе, къ добру, или худу.

28.

28. Слушаютъ подв вересю, въ помѣ
уповани, что опѣ того познаютъ, какова
ремесла будетъ ее мужъ и уаѣряютъ, что
слышашъ иногда скрипитъ перо, то быть
за подьячимъ, иногда хлопаетъ, то быть
за кучеромъ и прочая.

Черемиса и Чувашаи приводя скопину
на мѣсто убѣенія, обливаютъ ее холодною
водою и примѣчаютъ, естли она почув-
ствовавъ возливаемую на себя воду, вздро-
гнетъ и встряхнется, то гаданіе въ пользу
приносящаго жертву совершится, естли
же будетъ стоять неподвижно, то сіе
предвѣщаетъ имъ печаль или бѣду, и то-
гда уже въ жертву назначенная скопина
бываетъ избавлена отъ приготовленной ей
смерти, и брошена такъ какъ пропитная
богамъ. Съ великимъ сокрушеніемъ отхо-
дятъ они отъ мѣста своего моленія, ибо
по мнѣнію ихъ, нѣтъ никакой надежды
умилостивить разгнѣванное божество, и
отвратить стремящуюся на нихъ печаль.
Такимъ образомъ гадаютъ они во время
болѣзни и во время случившихся съ ними
бѣдъ. см. Вѣра и Святовидъ.

Георгіевъ день, то есть 23 Марта,
неоптѣнно должно выгонять скопину въ
поле, а кто въ сей день заводитъ шумъ,
то вѣрятъ, что того неоптѣнно уьетъ
громомъ.

Глаза

Глаза свербятъ, у кого засвербитъ подъ глазами, тому въ тотъ день о чемъ нибудь плакать.

Горангелисъ Ая или Торъ, Лопари признають сего богомъ грозы. См. Вбра.

Гостепрїимство, когда Камчадалъ подружиться желаетъ съ другимъ, то зоветъ будущаго своего друга въ гости, и топивъ для него юрту весьма жарко, и готовивъ всякаго кушанья, какое у нихъ за лучшее почитается, такъ много, что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленїи гостя въ юрту, и гость и хозяинъ раздѣляются до нага: хозяинъ скупавъ юрту, подчиваетъ его пригопвленнѣмъ кушаньемъ, наливаетъ щербу въ превеликую чашу; а между пѣмъ, какъ гость щербу пьетъ или хлебаетъ, хозяинъ поливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое каменье, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость спарася все, что у хозяина приспрано, свѣсть, и жаръ его вытерпѣть; а хозяинъ спарася принудить, чтобъ гость взмолился, и просилъ свободы отъ нищи и жару; въ противномъ случаѣ, сколько гостю то за удовольствїе, столько хозяину за скупость и безчестїе причитается. Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и изъ юрты выходитъ воленъ; но гость по тѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя при-

призна
до дес
ванья
глядѣ

К
что на
жно б

баками
и та
прони
спо х
спо д
поры
однак

за зна
ихъ сп
Ежели
мянуп
не бу
жаени
пѣмъ,

лучин
обыча
не об
уже
можно
то г

собак
на сам
пока
друга;
случи

при-

признаетъ. Во время Ызды рветъ его разв до десяти, отъ чего послѣ того подчинянья дни по три, не локмо Ысть, но и глядѣть на пищу безв движеня не можетъ.

Какъ гость изв силы выйдетъ, такъ что ни жару шерпѣть, ни Ыспь ему не можно будетъ, шо ошкунается отъ того собаками, плашьемъ, или что хозяину нравно; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Наиропиивъ того получаетъ отъ хозяина вмѣсто хорошаго своего плашья обноски, вмѣсто добрыхъ собакъ худенькя сученки, которыя о себѣ почти ходить не могутъ, однакожъ оное за обиду не почитается, но за знакъ дружества, когда въ томъ сѣ обѣихъ споронъ равнымъ образомъ поступаетъ. Ежели же шотъ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ въ гости, то обранной приѣзжаетъ вторично въ гости, однакожъ не сѣ шѣмъ, чтобъ Ысть, но чтобъ за свое получишь отдарки. Хопя гость, какъ у нихъ обычай, ни чего о причинѣ приѣзда своего не обвѣяетъ, однакожъ хозяинъ о томъ уже вѣдаетъ, и отдариваетъ ему по возможности, а буде ни чемъ не подаритъ, шо гость переночевавъ у него запрягаетъ собакъ своихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ, потыкая ошталомъ въ землю, пока что нибудъ получишь отъ своего друга; ежели же другу его, или отдарить случится не чемъ, или отъ скупости не

захо-

захочется, то гость уѣзжаетъ домой съ великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его крайнимъ непріятелемъ. Но сіе весьма рѣдко случается: ибо обидѣть друга своего за такое почитается безчестіе, что никто съ обидѣвшимъ вѣкъ не похочетъ дружитья: ибо естли кто кого позвавъ въ гости, не столько какъ надлежало, упочиваетъ, по сіе вмѣнялось за такую обиду, которую ніемъ всегожало не иначе, какъ погублемспити надлеоспрога, въ коемъ случилось толь непріятельское дѣйствіе. Таковожъ безчестно и другому за подарки свои требовать отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда случается у нихъ какая пирушка, однакожъ жаромъ не морятъ, и подарковъ не требуютъ. Ежели подчиваютъ перничьимъ или киповымъ жиромъ, то хозяинъ накроя жиру ремнями, становится передъсидячимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суетъ въ горло крича, будто съ сердцею, а ножомъ отрѣзываетъ сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ни чѣмъ, кромѣ объявленнаго способа достать не можно; ибо при томъ случаѣ, чегобъ хозяинъ у гостя не потребовалъ, отказать ему стыдно; чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ ни-

жняго

жняго
закъ
имѣя
изъ
прома
всяки
Камч
ке с
его с
ни на
по К
въ го
навар
верхи
давая
Камч
за б
даван
мому
ради
се д
въ п
двери
и п
чада
тѣхъ
онда

ванге
пиво
нако
чшо

жнѣго Камчатскаго острога, нѣкоторой ка-
 закъ изъ новокрещенныхъ Якушовъ. Онъ
 имѣлъ у себя по памошнему обычаю друга
 изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ
 промыслилъ нарочитую лисицу, домогался
 всякими образы достать оную, однакожъ
 Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на ка-
 кіе его подарки, не хотѣлъ лишиться сво-
 его сокровища. Казакъ видя, что другъ его
 ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ
 по Камчатскому обыкновению: зазвалъ его
 въ гости, выполнилъ баню весьма жарко,
 наварилъ рыбы довольно, и посадя его на
 верхней полокъ, началъ подчивать, не под-
 давая на каменку; но какъ примѣтилъ, что
 Камчадалъ не довольно жаръ почитаетъ
 за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ под-
 давать, и сколько наподавалъ, что и са-
 мому быть въ банѣ нестерпимо было; чего
 ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, копорому
 сіе дозволяется, изъ бани вонъ, и споялъ
 въ передбанникѣ, а между тѣмъ опворяя
 двери, безпрестанно поддавалъ на каменку,
 и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Кам-
 чадала измолиться; но казакъ мучилъ по
 тѣхъ поръ, пока Камчадалъ обѣщалъ ему
 отдать, о чемъ онъ спарался.

Не можно сказать, сколь оное подчи-
 ваніе Камчадалу пріятно было: онъ кля-
 тливою утверждалъ, что съ роду не видалъ
 такого жару, и никогда не могъ надѣяться,
 чтобъ казаки гостей, такъ изрядно могли

И

под-

подбивать, и лишенія своего сокровища, не токмо не почелъ себѣ за убытокъ, но казака онаго дружество, яко доброе прославлялъ у своихъ товарищей, объявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи Рускихъ ни мало не умбютъ гостей подбивать.

Громъ, прѣмъя люди говорятъ, что когда громъ гремитъ, то Илія пророкъ ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, и убиваетъ стрѣлою прогнѣвавшаго Бога, дьявола, которой тогда весьма укрывается, и обращаясь въ разные виды, а особливо во младенцевъ, проситъ у людей укрытія; но ежели бы оной и за ликъ Божій спрятался, то и тотъ образъ не пощаженъ будетъ. Громовая стрѣла убивъ дьявола, уходитъ въ землю, и тамо три года пребываетъ; по прошествіи того времени обнаруживается и ее находятъ, которая состоитъ изъ кремня. Въ случаѣ колотья, окачиваютъ ее водою, и оною водою обливаютъ больного Увѣряютъ пожилые простолудины, что ежели кто часто, или всегда ѣстъ гнилой хлѣбъ, то будто тотъ грому бояться не будетъ; услышавъ же первый разъ по зимѣ громъ, умываются сѣ серебра, чая получить бѣлизну и красоту тѣла, также и здоровье.

Грѣховъ очищеніе, Камчадалы между прочею церемонією, очищеніе грѣховъ получаютъ

лучаю
прупи
сквози
раза,
ваюпи
ховъ

У
довой
очищу
но въ
спини

Поме
по не
надъ
носни

мѣсп
числ
лпав
понн
юпн
посн
ситъ

бака
побв
вонъ
даем
нію

лучають снѣмъ образомъ: взявъ березовой пруть, и согнувъ его кольцомъ, пропускаетъ сквозь оное жону свою и дѣтей по два раза, которые прошедъ въ кольцо, обертываются по одному разу, и пѣмъ отъ грѣховъ очищаются.

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищаютъ, а отправляется оной неотмѣнно въ Ноябрь мѣсяцѣ; чего ради и очистителемъ грѣховъ называется.

Церемонія начинается метеніемъ юрты. Потомъ два старика, имѣвшіе въ рукахъ по повесью тоншичу, нѣчто пошептавъ надъ соромъ, приказываютъ его вонъ выносить.

Съ полчаса спустя, вынимаютъ изъ мѣсна вонъ старую лѣстницу, мѣсто вычисляютъ, и старикъ невѣдомо что пошептавъ, положитъ туда щепочку обвитую тоншичемъ, послѣ того новую привязываютъ съ равнымъ шептаніемъ, а старую поставятъ къ стѣнѣ: ибо вонъ ея выносить, не окончивъ праздника, не дозволено.

Между пѣмъ приборъ къ ѣздѣ на собакахъ принадлежащей, санки, алаки, узды, побѣжники, ошпалы и прочее изъ юрты вонъ вынесутъ, для того, что, оной ожидаемымъ на праздникъ врагамъ по ихъ мнѣнію противенъ.

И 2

Не

Немного помешкавъ, принесутъ въ юрпу сухой травы, и постелютъ подъ лѣспницею. Старикъ, которой обыкновенно на все нашепываетъ, пришедъ къ лѣспницѣ съ тремя бабами, сядетъ на правую сторону, а бабы по лѣвую; у каждого изъ нихъ бываетъ рогожка, а въ нихъ юкала, сладкая трава, сухая икра, телюней жиръ, въ кишкахъ и кусками, изъ юколы дѣлаютъ они топоры, и сладкою правою увиваютъ; а изготоя все по обычаю, старикъ и каждая баба отправляютъ отъ себя по чловѣку въ лѣсѣ за березою, навязавъ на поясы, на топоры и на голову тоншичь, и отдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, немного себѣ изъ того оставя.

Послѣ того старикъ и бабы вставъ съ мѣстъ своихъ, обойдутъ вокругъ лѣспницы одинъ разъ, махая тоншичемъ, которой въ своихъ рукахъ имѣютъ, и приговаривая, Алхалалай, а за ними обходятъ и тѣ, которымъ надлежало идти за березою, которые обошедши, и отправляются въ путь свой: а старикъ и бабы тоншичь свой на очагъ положатъ, а оставшей запасъ бросятъ малолѣпнымъ, какъ бы на драку, которой они разхватавши сѣдаютъ.

Между тѣмъ бабы дѣлаютъ изъ сладкой травы и изъ юколы киша, а сдѣлавъ вынесутъ вонъ изъ юрпы до времени, и положатъ на балаганъ, пошомъ запоняютъ

ютъ
лѣспницѣ
тую
въ ямѣ на
обернута
и же

старикъ
рытвѣ
раною
а ме
называ
сладко
болван
полож

Въ
юрпу
него
погон
кой
сладку
ему на
спавя
Ханши

С
и обе
говар
по ра
шей
мало
чико
въ ю

ютъ юрту; а старикъ выкопавъ передъ лѣстницею яму, приноситъ камбалу обернутую тоншичемъ, и пошептавъ положилъ въ ямку, и сперва самъ на томъ мѣстѣ обернется прожды, а послѣ и всѣ мужчины и женщины до малолѣтнихъ.

По окончаніи сего дѣйствія, другой старикъ начинаетъ сарану варить въ корытахъ каленымъ камнемъ, которою сараною имѣютъ быть подчиваны враги ихъ; а между тѣмъ, у кого были болванчики называемые урилыдачь, обязываютъ ихъ сладкою правою, а другіе дѣлаютъ новыхъ болванчиковъ Ипунгъ именуемыхъ, и въ потолокъ надъ очагомъ тыкаютъ.

Въ тожъ время старикъ принесетъ въ юрту березовой кражъ, и начинаетъ изъ него хантая дѣлать, а сдѣланному первой поѣи въ него оспрожка, навязываетъ сладкой правы на шею, а по немъ и прочіе сладкую праву, или тоншичь приносятъ ему на жертву, по совершеніи которой поставятъ его на очагъ вмѣстѣ съ старымъ Хантасмъ.

Старикъ взявъ два небольшіе камня, и обернувъ въ тоншичь, невѣдомо что наговариваетъ, потомъ закопавъ ихъ на очагъ по разнымъ угламъ раскладываетъ небольшой огонь, а вокругъ лѣстницы посадитъ малолѣтнихъ, чтобъ имъ хватать болванчиковъ, которые съ верху имѣютъ быть въ юрту брошены, дѣли расхватывъ ихъ

обвязываютъ сладкою правою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Хантая, пошатипъ вкругъ очага за шею, а прочіе за нимъ слѣдуютъ, и Алхалалаай кричатъ, а попомъ на шаромъ его мѣстѣ посцавляютъ.

Послѣ того обсядутъ вкругъ очага всѣ спарики, сколько ихъ въ юртѣ ни будетъ: тотъ, которой на все нашептываетъ, возметъ въ руки обвинную поншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говорить начинаетъ: отъ Купхи намъ приказано, воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; чего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ и миловалъ, не причинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару; сію рѣчь перерываетъ, онъ нѣсколько разъ, между тѣмъ всѣ прочіе спарики вспаютъ, и попяя ногами, и плеская руками кричатъ Алхалалаай, а по окончаніи оной всѣ спарики вспаютъ съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки, запляшутъ и закричатъ Алхалалаай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ то же кричатъ.

Во время крика начинаютъ выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глаза, и кривя ротъ, и представляя себя, какъ возможно спрашными, которыя дошедъ до лѣстницы, поднимаютъ руки къ верху, и дѣлая спрашныя тѣлодвиженія, пляшутъ и кричатъ во всю голову, а попомъ одна за другою подають на землю, будио мертвыя, и разносимы бываютьъ муццинами по мѣстамъ своимъ,

своимъ
по п
не он
ныя
плачу
пяго
надъ
лонан
няп
въ дв
челов
ходя
хадом
I
вкруг
шену
шонши
прово
сылан
съ и
юрши
блену
начну
юрши
сколь
того
равн
сей
Посл
бѣшен
резу
бѣжи

своимъ, гдѣ лежатъ аки бы безчувственны по тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старикъ не опшечетъ каждая порознь. Опшечанья бабы и дѣвки весьма много кричатъ и плачутъ, будто отъ великой болѣзни и тягости; а между тѣмъ старикъ позорожа надъ пепломъ, бросаетъ его дважды къверху лопатой, а по немъ и прочіе тожь учинятъ; послѣ того старикъ насынавъ пеплу въ два ковша, посылаетъ съ нимъ двухъ челоуѣкъ дважды изъ юрты: которые выходятъ не обыкновеннымъ окномъ, но шапхадомъ, и усыпаютъ пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя, обтянутъ вокругъ всей юрты веревку изъ травы пленую, къ которой мѣстами привязанъ поншичь, и такимъ образомъ день они проводятъ, а въ вечеру возвращаются посланные за березою, которые совокупясь съ нѣкоторымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юрты Камчадаловъ, внесутъ на юрту срубленную подъ корень превеликую березу, и начнутъ бить ею въ окно или въ двери юрты, при чемъ топая ногами, кричатъ сколько у кого будетъ голосу; напротивъ того и бывшіе въ юртѣ отвѣтствуютъ, равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжается около получаса. Послѣ того выскочитъ изъ угла дѣвка, какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣстницѣ, за березу схватится, а къ ней на помощь прибѣжитъ еще бабъ съ десять, но Тоюнкъ

того острожка, стоя на лѣспницѣ, не допуститъ ихъ. Между тѣмъ береза спускается ниже, и какъ съ полу достать оную возможно будетъ, тогда всѣ бабы ухватясь за березу, начнутъ тянуть ея въ юрпу съ ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ; но стоящіе на юртѣ держатъ крѣпко, напоследокъ весь женской полъ, аки пораженный нечистымъ духомъ, попадаетъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась: ибо она до тѣхъ поръ виситъ на ней, и кричитъ пока береза концомъ на полу спанетъ, тогда и она по примѣру прочихъ на землю повергается, такъ какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему отговариваетъ, и всѣхъ отпештаетъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которою онъ трудился долгое время; она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма тошно: при томъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ея, совѣщивалъ болѣзнь нести великодушно, которой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбьей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора часа, брошено въ юрпу восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая права и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и чепыре рогожи, кото-

которымъ березу и жиръ посла выхъ головныхъ ской нія. были Камча чего чпо, ковъ, залив стави толче жили спояа болван вольна а бол колапа шичу и кан пламя ними дѣлан

копорья даваны были съ кормомъ послан-
нымъ за березою, а въ нихъ находилась
березовые обрубки и запасъ остаточной.
рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую траву
и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ, кожи
послали передъ лѣстницею, а изъ березо-
выхъ обрубковъ начали дѣлать воспро-
говыхъ болванчиковъ, Камуда называе-
мыхъ, во образъ тѣхъ бѣсовъ, кои въ жен-
ской ихъ полѣ вселяются во время пляса-
нiя. Помянутыя кожи тюленьи опсулены
были тѣмъ бѣсамъ еще въ осени, когда
Камчадалы сряжались на тюлений промыслъ,
чего ради и не употребляютъ ихъ ни на
члю, кромѣ того, что подъ себя спелютъ.

Сдѣлавъ пятьдесятъ пять болванчи-
ковъ, посадили ихъ рядомъ, и сперва зыма-
зали брусницею лице имъ, послѣ того по-
ставили передъ нихъ въ прѣхъ посудахъ
полченой сараны, и передъ каждого поло-
жили маленькую ложку. Такимъ образомъ
спояло кушанье нѣсколько времени; а какъ
болванчики, по мнѣнiю Камчадаловъ, уже до-
вольны были, то сарану сѣбли они сами,
а болванчикамъ надѣвъ на головы травяные
колпаки, и навязавъ сладкой травы и тон-
шичу на шею, связали ихъ въ три пучка,
и каждой пучекъ по два человекъ съ во-
племъ и плясанiемъ въ огонь бросали, а съ
ними вмѣстѣ жгли и щепы, которыя при
дѣланiи ихъ нарублены.

И 5

Около

Около полуночи вошла въ юрту шап-
 хадомъ или выводомъ баба, у которой на
 спинѣ привязанъ былъ кипъ изъ сладкой
 травы и рыбы, сдѣланной въ началѣ еще
 праздника, и ползла вокругъ очага; за нею
 слѣдовали, два Камчадала съ тюленьими
 кишками, сладкою правую перевитыми, и
 крича по вороньи, кишками по кипу били.
 Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ
 бывшіе въ юртѣ малолѣтніе, и кита у
 ней расперзали, а баба побѣжала вонъ пѣмъ
 же выходомъ; но стоявшей внѣ юрты на-
 рочно для того Камчадалъ поималъ ее, и
 взведши на юрту, началъ спускать по
 лѣстницѣ въ низъ головою; для принима-
 нія ея бросились нѣсколько бабъ и дѣвокъ,
 съ такимъ же какъ прежде воплемъ, а послѣ
 всѣ вмѣстѣ плясали: кричали до тѣхъ поръ,
 пока на землю попадали, при чемъ было и
 опшештываніе по прежнему жъ, а между
 тѣмъ Камчадалы расперзаннаго малолѣт-
 ными кита по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того затопили юрту,
 и бабы спряпать начали: каждая принесла
 свою посуду и толкушу, и спали полочь
 шеламаинное коренье, икру и кипрей съ нер-
 личьимъ жиромъ; а какъ все оное испол-
 кли какъ тѣсто, то старикъ взявъ хомягу
 (посуда), ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ
 каждой бралъ по ложкѣ полкуши; а собравъ
 отдалъ хомягу другому старику, которой
 на все нашештывалъ, и бабъ падающихъ
 опго-

опго шап-
 съ на
 вая, кой
 сколаще
 шно нео
 старыми
 дой и
 между
 Камчадалъ
 у
 по утѣмъ
 нерши на-
 конер, и
 нихъ по
 гайнѣ ма-
 спльнѣмъ,
 нихъ сабъ
 таннѣрѣ,
 дальнѣе и
 днаниду
 вездѣмъ
 Камчадалъ
 хожѣту,
 какъ посла
 сли юльч
 свои пер-
 гайнѣ пол-
 кладѣту
 рамъ съ
 дальнѣмъ
 пучкѣмъ
 лись чѣмъ
 по-

отговаривалъ. Оный старикъ сѣлъ къ огню съ полкушею, и невѣдомо что наговаривая, по обычаю бросилъ изъ полкуши нѣсколько въ огонь, а остальное отдалъ обратно шому, къѣмъ полкуша была собрана; а старикъ разносилъ паки по бабамъ, и каждой давалъ по ложкѣ вмѣсто жерпивеннаго; между тѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, около девятого часа по утру, посланы передъ лѣспницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на которыхъ сѣли три старухи, каждая изъ нихъ имѣла пучекъ поненькихъ ременныхъ гайтановъ, раскрашенныхъ нерпичьей шерстью и поншичемъ; въ прислужникахъ у нихъ былъ старикъ, которой обравъ гайтаны, и обжегши на огнѣ, обратно имъ отдалъ. Старухи вставъ съ мѣстъ своихъ, ходили одна за другой по юртѣ, и окуривали вездѣ обоженными оными гайтанами; а Камчадалы, жены ихъ и дѣти во время прохожденія старухъ хватались за гайтаны, какъ за нѣкоторую вещь освященную и прясли ихъ. Окуря всѣхъ, сѣли старухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у прочихъ гайтаны, вторично пошла по юртѣ, прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юртѣ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ старухи, у которыхъ пучки съ гайтанами были, плясали и бѣснлись по прежнему; пожь учинила, обшедъ юрту

юрту и претія, а наконецъ всѣ попадали замертво.

Прислужникъ взявъ гайтаны у лежащей старухи, приложилъ ихъ къ лѣстницѣ, и по тѣхъ поръ держалъ, пока всѣ бывшіе въ юртѣ опѣ мала до велика къ нимъ прикоснулись; напоследокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайтаны, каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждого человѣка, окуривъ прежде мужа, себя и дѣтей своихъ.

Спустия съ полчаса, Камчадалы послали передъ лѣстницу нерпичью кожу, а къ двумъ сполбамъ, что по споронамъ лѣстницы, привязали по мальчику: послѣ того вошли въ юрту два старика, и спрашивали у мальчиковъ, когда прибѣжася отецъ ихъ? на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣтствовано имъ: зимою. Старики положи передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, копорья сладкою правою обшиты были, вонъ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрту, и начали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла шапгадомъ баба, у которой подъ пазухой былъ сдѣланной изъ сладкой правы волкъ, и набитой медвежьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими сѣстными ихъ припасами. За бабою шелъ Тоюонъ того оспрожка съ напянувшимъ лукомъ, у которыхъ голова и руки обвязаны были тоншичемъ, сверхъ
того

того
спрѣ
мами.
кругъ
жипе
жене
до л
чадал
пазу
подъ
бабы
домо
волка
до ш
копю
одна
извес
левъ
по м
Посл
своим
прис
волка
поль,
рое ч
Ханн
шво
самн
саеп
и д
чно

того у Тоїона на поясу, на сайдакѣ и на стрѣлѣ навѣшенъ былъ поншичь же повѣсьями. Какъ баба обошла подлѣ стѣны въ кругъ юрты, съ послѣдовавшими ся всѣми жителями того острожка мужеска пола и женска, скачущими и кричащими, и дошла до лѣспницы, то нѣсколько человекъ Камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подъ лазухи, и взбѣжали съ нимъ по лѣспницѣ подъ самой верхъ юрты; чего ради всѣ бабы обступя лѣспницу и всякими образы домогались взойти на оную и достать волка; но стоявшіе на лѣспницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хопя онѣ нѣкоторыхъ силою съ лѣспницы низвергали, однакожъ намѣренія своего не могли произвестъ въ дѣйство; но упрудясь и обезсилѣвъ всѣ попадали, и замертво разнесены по мѣстамъ и отговариваны по прежнему. Послѣ того Тоїонъ, которой съ натянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между пѣмъ одалъ, приступилъ къ лѣспницѣ, и стрѣлялъ въ волка, а прочіе мужики стащили его на полъ, и расперзавъ сѣбли, удѣля нѣкоторое число медвежья жира для подчиванія Хантаевъ.

О семъ дѣйствіи такъ какъ и о китовомъ, о которомъ выше объявлено, хопя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ сусвѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ, однакожъ кажется, что оно представляется вмѣсто комедіи, только

только для увеселенія, или чтобъ имъ
прямыхъ китовъ и волковъ промыслять и
ѣсть, какъ съ правяными поступали; а
баснь, которую они представляють, есть
слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Кам-
чадалъ, имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыно-
вей: опходя на промысль, принужденъ онъ
былъ дѣшею однихъ оставлять въ юрпѣ,
и для безопасности, чтобъ не ушиблись, при-
вязывать къ столбамъ. Въ несбытность его
приходили къ дѣтямъ его волки, и спра-
шивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ? ко-
порымъ они отвѣтствовали, зимою; дѣти
его отъ того страха чрезъ долгое время
безъ ума были. Между нѣмъ отецъ съ про-
мыслу возвратился, и увѣдавъ, что во время
его оплучки происходило, пошелъ промы-
слять волка, и заспѣшилъ его изъ лука.
Что же касается до китоваго дѣйствія,
то правяной кишѣ дѣлается во образъ но-
симаго волнами мертваго киша, вороны изъ
кишекъ во образъ вороновъ клюющихъ трупъ
его, а малые ребята шерзающъ его во образъ
Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ, старикъ
обжигалъ поншичь, котораго съ каждой
семьи по повѣсьму огню на жертву собралъ, и
окуривалъ онымъ юрпу два раза. Обожженной
поншичь положилъ онъ весь на очагъ, вы-
ключая одно повѣсьмо, которое на пото-
локѣ

локѣ
сишѣ

берег
пора
семь
домъ
свои
коль
чипа

поша
номъ
изъ
ходи
оное
спок
мѣсп
свое
входо

чнла
рикъ
ривал
о пал
прун

малу
для
огнѣ
огню
тву

локѣ надѣ очагомѣ повѣсилъ, гдѣ оно виситѣ во весь годѣ.

Вскорѣ послѣ того нанесли въ юрту березоваго прутья, по числу семей, изъ котораго каждой Камчадалѣ взялъ на свою семью по одному прутю, и изогнувѣ кольцомѣ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которыя выступя изъ кольца вонѣ, обертывались кругомѣ. Сіе почиается у нихъ за очищеніе грѣховѣ ихъ.

Какѣ всѣ очистились, то Камчадалы пошли съ прутьями вонѣ изъ юрты жупаномѣ, а за ними слѣдовали и внѣ сродники изъ мужеска и женска пола. Внѣ юрты проходили сквозь кольца вторично, а потомѣ оное въ снѣгѣ вшыкали, приклоня на востокѣ вершинами; Камчадалы сброся на томѣ мѣстѣ весь поншичь, и опрясши платье свое, возвратились въ юрту настоящимѣ входомѣ, а не жупаномѣ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенія, случилась одна больная дѣвка, которую старикѣ посадя на снѣгѣ, съ полчаса опговаривалѣ, прикорнувѣ передѣ нею и опершись о палку, напоследокѣ отрясши платье ея прупомѣ, опустилѣ въ юрту.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую пшичку, да гольца нарочно для того изготовленныхъ, и пожара на огнѣ, по частямѣ раздѣлили, и пришедѣ къ огню, бросили въ огонь въ три раза на жертву тѣмѣ врагамѣ, кои на праздникѣ приходятѣ

ходящѣ и въ бабѣ вселяются. Они, сказываютъ Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, только остроголовы, возрастомъ съ прехъ-лѣшняго младенца, ходящѣ въ лисьемъ, собольемъ и рассомачемъ пласть. Сказываютъ, что враги къ бабамъ въ ротъ входящѣ до пятидесяти и больше.

Потомъ запоили юрту, и накаля каменя, начали сухую рыбу варить въ корытахъ, а сваря обливали щербую хантасевъ, обрѣшающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юртѣ спояла, а рыбу сами ѣли.

Нанослѣдокъ должно имъ было березу изъ юрты вынести, чего ради два человекъ взлезли по ней на юрту, (а по лѣстницѣ выходить грѣхъ), подали оную сидящимъ въ юртѣ, которые обнесишь вокругъ всей юрты, опнесли оную на балаганъ, гдѣ лежишь она во весь годъ, а почтенія ей ни какого не отдается; такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ обрядахъ не малая опмѣна въ разсужденіи южныхъ. Юрта у нихъ была вымещена, надъ полками сдѣланы грядки, а на нихъ наложены поперешные колья съ обтесанными головками, которыя по ихъ называются Урилыдачь. Сверхъ Урилыдачей, около очага наложены были сухія дрова для праздничнаго употребленія; за дровами или и за

кольемъ

коль
далы
писав
вонъ
нѣско
вход
бочки
онъ
шорк
онме
опред
вани
буду
Ури
ешел
шонн
одна
у ба
дѣво
шичь
поло
шонн
мяну
но на
спар
ловъ
шичь
салас

кольемъ на Урилыдачей Ъздили Камчадалы съ церемоніями, такъ какъ вышеписанные Камчадалы за березою.

Немного спустя, всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли, и разошлись по балаганамъ, и нѣсколько помещавъ, возвратились. Въ юрту, входили сперва старухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а напередъ себя опускали онѣ сладкую праву, къ которой у нѣкоторыхъ привязанъ былъ Кипрей и Юкола; оныя принасы принимали у нихъ нарочно определенныя къ услуженію при празднованіи два Камчадала, которыхъ и называють буду ниже сего служителями, и вѣшали на Урилыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу поншичу, а потомъ отходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двумя двойнишными дѣвочками, у бабы была въ рукахъ сладкая права, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ поншичь, баба снявъ у дѣвочекъ съ головы положила на очагъ, а послѣ нея и дѣвочки поншичь изъ рукъ на огнище бросили; помянутая баба не мать онымъ дѣвочкамъ была, но нянька, а мать ихъ одна входила въ юрту.

Послѣ того привели къ очагу дряхлую старуху, у которой и въ рукахъ и на головѣ, такъ какъ и у другихъ былъ поншичь, которой она сброся на огнище, отрясалась, приговаривая невѣдомо что.

I

Вскорѣ

Вскорѣ потомъ вышли два мужика изъ угловъ, сѣли по сторонамъ лѣспинцы съ топорами и съ деревянными чурками; служители приносили къ нимъ со всякаго угла по пластинѣ юколы, которую они положи на чурки топорами надрубивали приговаривая, чтобъ юкола была спора, и изъ балагановъ не убывала, надрубленную юколу разносили служители по тѣмъ же угламъ, и раздавали обратно, у кого взяли, отломавъ сперва по малому кусочку, и на огнище брося, послѣ того стали они ѣсть, подчивая другъ друга съ угла на уголъ, и первой день праздника ихъ въ 11 часу по полудни, тѣмъ окончился.

На другой день по утру рано, онѣ каждой семьи мужикъ или баба, поѣхали по сосѣднимъ острожкамъ къ друзьямъ своимъ, для собиранія корму на праздникъ, ибо хотя у нихъ и своего довольно, однакожъ по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей собираютъ, подобно какъ у нашихъ подѣ насѣдку янца.

Въ острожекѣ возвратились онѣ уже вечеромъ, и затопя юрту, бабы начали спряпать, полочъ ягоды и коренья, и оная спряпня продолжалась почти во всю ночь; между тѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безперемѣнно курился; ибо по ихъ обычаю должно бысть неугасимому огню по тѣмъ порѣ, пока спряпня окончится, и угашенія огня при ономъ случаѣ за великой грѣхъ починается.

Изго-

за
нач
рыб
вип
всем
бави

служ
годе
жер
жеви
нищ
въ к
лика
пово
изов
верс
на о
грѣх

очаг
и не
были
сви
изо
про
изг
И
двой
оной
мене
нові

Изготовя кушанье, что учинилось часа за два до свѣту, юршу скупали, и бабы начали вить изъ правы веревки, головы рыбы обвертывать въ тоншичь, накладывать на неи правяныя плешечки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая, пробаивалсь до самого свѣту.

По окончаніи помянутаго дѣйствія, служилсли начали со всѣхъ собирать рыбы головы, обверченныя въ тоншичь, огню на жертву, и класнь на очагъ, а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣстницы на колоду. Послѣ того всѣ бывшіе въ юртѣ обоего пола, опѣ мала и до велика приходили къ очагу и бросали съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторыя семьи изогнувъ кольцо объявленныя правеныя веревки, сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали, сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ починается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу шарикъ, и пощепавъ надъ правою и тоншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки вить, а свивши махалъ два раза по юртѣ, крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прочіе тожъ дѣлали, сіе значитѣ у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

Напослѣдокъ Камчадалъ очищаль у очага двойнишнихъ дочерей своихъ, положи на оной хахалчу рыбку и омегу изъ четырехъ мешечковъ, которыя надъ постелей своей повѣсилъ.

Немного времени спустя служители со всѣхъ четырехъ угловъ юрты, крестъ на крестъ брали юколу, и подчивали Урилыдачей, а занимали слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной толкушою, иной сараной, иной суиломъ, или чпо у кого приспособлено было, а послѣ сжали другъ друга подчивать, переходя съ одной стороны юрты на другую, подчивающаеся они, кормя другъ друга изъ своихъ рукъ ложкою.

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага, взяли по хомягѣ (посуда, съ чѣмъ по воду ходящъ) въ руки, а вмѣсто плащя получа отъ служителей по поншичьей перевязкѣ на шею, которыя сняты съ Урилыдачей, вышли изъ юрты вонъ, и пошли на рѣку по воду, слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ; у передовщика была въ рукахъ хомяга да толкуша, а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному наперед, другому назад итти надлежало, сядились на малое время подлѣ лѣспницы, а пришедъ на прорубь, передовщикъ околотя оную толкушкою черпалъ воду, сперва оборачивая хомягу проливъ воды, впогмъ по водѣ, а по немъ и всѣ пожъ дѣлали, и сколько кпо въ одинъ разъ зачерпнуть могъ, то и несъ съ собою. Съ проруби шли они тѣмъ же, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту, спускались въ оную по веревкамъ съ великою осторожностію, чптобъ

не

не
шас
ков
шом
дла
пок
бл
они
но
ход
и о
но
нуб
дав
чн
ган
рик
дла
каз
ко
нес
по
чир
угла
всѣ
пом
оно
каз
не
кры
раз
ных

не расплеснуть, ибо оно за грѣхъ почитается, а принимали у нихъ двое подростковъ, нарочно для того оспавленныхъ, поному что служители сами за водою ходили. На юртѣ стояли они по тѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была; между тѣмъ чепыре раза кричали они изо всей силы плеча руками и топая ногами, а вшедъ въ юрту, топъ, которой ходилъ съ лучиною обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою, напротивъ того изъ воды вынувъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ нипъ вмѣсто освященной.

Потомъ бабы съ остальнымъ отъ подчиванія кушаніемъ, пошли по своимъ балаганамъ, и шамъ остались, напослѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ выслали, а происходило шамъ слѣдующее: сперва шарики приказали служилеямъ зашопить юрту; а когда она испонилась, то служители принесли по горстѣ сухой травы и разбросали по юртѣ, потомъ всю юрту и полки усплали чирелами, (правяными рогожами) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а напослѣдокъ всѣ шарики начали вязать шоншичь, и помѣнявшись другъ съ другомъ, повѣсили оной на спицы, служилеямъ отдали приказъ, чтобъ въ юрты и изъ юрты никого не пускали, и юртеную дверь наглухо закрыли, а сами легли, и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времени спустя, приказали они одному служителю за дверь пощупать, а послѣ открьшь и принесть съ балагану рыбью щеку, да цѣлую рыбьюжѣ голову, а самому ему на балаганѣ ходишь не вслѣли.

Принесенную щеку и голову рыбью принялъ старикъ, и обертя въ поншичь, нѣчто пошепталь на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочіе старики, и попонтавъ объявленную щеку и голову, перешедъ черезъ огнище, возвращались на свои мѣста, потомъ служители вышли изъ юрты вонъ, и тѣмъ окончалось первое пайное ихъ дѣйствіе.

По прошествіи двухъ часовъ, собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малыя ребята, которые того года или хворали или понули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обявзали головы поншичемъ, и давъ имъ въ одну руку поншичу, въ другую сладкой травы, послали вонъ изъ юрты; при выходѣ обносили они сладкую траву вокругъ лѣстницы, и взошедъ на юрну, обошли оной вокругъ три раза по солнцу, а послѣ того споя на верьху юрты, рвали намѣлко сладкую траву и поншичь, и бросали въ юрну, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя поншичевья перевязки на огнище клали, и попонтавъ ногами тѣ, которые хворали, опходили по своимъ мѣстамъ, а которые понули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что

что
лази
пре
очаг
скам

бро
пу,
но
под
двор
юрт
лен
и с
вах
кава
Тако
чиа
исхо
зан
два
пья
слу
у др
они
вяз
нѣ
а п
ром
сча
ши

что они въ по время, какъ понули, дѣлали и какъкали поимянно, опѣ кого тогда требовали помощи, которые пришедъ къ очагу съ теплу ихъ, аки бы изъ воды пѣскали.

Напослѣдокъ принесена рыба щека, и брошена на огнище съ приговоромъ шу, шу, шу, и изломаны на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рогатки, и разбросаны по полу; между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, которыми юрта усилана была, собрали и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ перевязки, бывшія на головахъ у больныхъ и у унопленниковъ, приказали ребятамъ погасить оной каменемъ. Такимъ образомъ тайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дня ни чего больше не происходило. На третей день по утру рано затопили юрту, и положили передъ огнемъ два пучка сухой травы или соломы, и прутья вмѣстѣ связанныхъ, и праздничные служители спали одинъ у одного, а другой у другаго пучка. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пучками, начали ихъ развязывать, и прутье роздали по мужчинамъ, изъ которыхъ иные ихъ намѣлко ломали, а иные въ кольца вили, съ иѣкимъ наговоромъ соломѣ всю перенесли на одну сторону очага, и спали дѣлать Пома.

Сдѣлали его на подобіе человѣка, вышиною около полуаршина, а тайной удѣ

приплели ему сажени въ дѣб и долѣ, и положили его головою къ огню, а тайной удѣ къ пополоку приеязали. Между тѣмъ, какъ Пома дѣлали, нѣсколько человекъ взявъ по одной справинкѣ, выходили вонъ изъ юрты, и обперши столбы у своихъ балагановъ, возвратились въ юрту, и бросили оныя въ огонь, а съ ними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженожъ было.

Какъ Помъ нѣсколько времени пови-сѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ тайной удѣ кольцомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ, по юртѣ приговаривая уфай, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юртѣ то же кричали, напоследокъ сожгли реченнаго Пома.

По сгорѣнїи Пома, спали мечь юрту, пригребая весь соръ къ лѣстницѣ, изъ котораго каждой Камчадалъ бралъ по маленьку, и относилъ въ лѣсѣ усыпая дорогу, по которой на промыслы ходятъ; въ то же время и бабы всѣ на юрту вышли, и спали въ кучу.

Камчадалы возвратясь изъ лѣсу, кричали, стоя на юртѣ, четыре раза, плеща руками и топая ногами, а послѣ вошли въ юрту, а на нихъ мѣста сѣли бабы, и многократно кричали Алулуу.

Между тѣмъ юрта истопилась, и оставшіяся головни по обыкновенію начали выметывать, но снѣдшія на верьху бабы, ухватя оныя, обратно въ юрту метали, и
чтобъ

что
выбр
рого
муш
раск
сгон
пан
числ
скал
сали
и си
какъ
прес
сели
пус
ков
но ш
онѣ
руч
пѣв
въ
рон
рона
цип
дио
рона
опе
вак
спо
вны

чтобъ мущинамъ ни одной головни вонъ не выбросить, но закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямъ ихъ испосѣли сами; мущины взбѣжавъ по лѣстницѣ, силою двери раскрыли, и вышедъ на юрту бабъ долой стоняли, между тѣмъ другіе головни метать успѣвали; но понеже бабы мущинъ числомъ превосходили, то нѣкоторыя ихъ паскали, нѣкоторыя головни обратно въ юрту бросали, чего ради въ юртѣ отъ дыму и искръ и сидѣть почти не возможно: ибо головни какъ ракеты, то въ верхъ, то въ низъ безпрестанно летали; и продолжалось сіе веселіе ихъ съ полчаса. Напослѣдокъ бабы пустили головни выбросить, а тѣхъ мужиковъ, которые выбѣжали ихъ ошубеать, но тѣхъ поръ паскали и мучили, пока они отъ другихъ вышедшихъ на помощь не выручены были.

Послѣ объявленной потѣхи, бабы побѣвъ нѣсколько на верху, стали спускаться въ юрту, а мужики стояли по обѣ стороны лѣстницы фрунгомъ, и каждая сторона домогалась сходящихъ бабъ перетянуть на свою сторону, отъ чего происходило между ими сраженіе, и которая сторона перемогала, та бабу, какъ въ полонъ отводила.

Когда случается, что бабы взяты бываютъ на противныя стороны, то каждая сторона выкупаетъ своихъ пленниковъ, равнымъ числомъ завоеванныхъ, а ежели одна

спорона овладѣетъ большимъ числомъ, такъ члю другой нечемъ выкупить будетъ, то она ходитъ, какъ бы войною для ихъ освобожденія, при чемъ не малой бои происходитъ.

По окончаніи объявленной потѣхи расклали они небольшой огонь, и сожгли съ Урильдачей и по другимъ мѣстамъ испѣвшей поншичь, а служители принесли по два маленькихъ голычка и испекши мѣлко на допкѣ искрошили и поставили у дѣспницы по правую сторону, послѣ того пришелъ старикъ и перебросалъ въ огонь большую половину рыбы приговаривая ша, то есть возьми; а оспатки раздѣлили служители по Камчадаламъ имѣющимъ у себя маленькихъ болванчиковъ Урильдачь называемыхъ; головки послѣ сего огня вонъ не мечутся, но перегараютъ въ юртѣ.

Наконецъ дѣлили они по себѣ омегъ, которой остался въ мешечкахъ, послѣ очищенія двойнишнихъ дѣвокъ; самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходить въ дѣсѣ, и поимать маленькую пшину, которая жарится и дѣлится по куску всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждой надкушавъ, въ огонь бросаепѣ.

Сей праздникъ праздновали Камчадалы до прибытія Россіянъ по цѣлому мѣсяцу, начиная съ новолунія.

Грѣхъ.

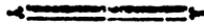
Грѣхъ
драш
опаса
купа
раю
скаб
что
мясо
одно
и чи
чинь
Глав
спво
щадя
мнѣ
какъ
уби
не
въ се
по са
нуш
щав
венс
пода
гап
раж
щас

Грѣхъ. Камчадалы почитаютъ за грѣхъ драпаться или ссориться надъ кислую рыбюю, опасаяся совершенной гибели. Грѣхъ совокупляться съ женою, когда съ собакъ сдираютъ кожи, опасаясь чесотки. Грѣхъ скабливать снѣгъ ножемъ съ обуви, вѣря чю опъ того приключится буря; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ, опасаясь нещастія въ ловлѣ и чирьевъ; грѣхъ ножи или топоры носить въ дорогѣ опасаясь погодъ и бури. Главный грѣхъ у нихъ скука и безпокойство, котораго убѣгаютъ всеми мѣрами не щадя иногда и своей жизни. Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть нежели не жить, какъ имъ угодно, опъ чего частыя самоубійства происходятъ.

Гусь красный, Каамыки думаютъ, что въ сей птицѣ живетъ злыи духъ, и когда по случаю увидятъ краснаго гуся, то клянутъ его чрезмѣрно, и лице свое отвращаютъ, такъ какъ опъ нечистой птицы.

Дажбогъ, *Дануба* или *Дажба,* Славенскій Кіевскій богъ, почитали его богомъ подашемъ благъ, и также еще богомъ богатства, имѣлъ храмъ въ Кіевѣ.

Двойни. Въ Россіи у протестантовъ раждающіяся двойни предзнаменуютъ дому щастіе; а у Камчадаловъ почиталось то

за превеликое несчастіе, и одному изъ рожденных неотмѣнно должно было по явленіи на свѣтѣ вкусить смерть, такъ какъ и рожденному въ худую погоду, однако сего иногда примиряютъ съ бѣсами. См: *Шаманы*.

Деньги мѣдныя, видѣнныя во снѣ, мѣдныя деньги значашъ слезы.

Дидилія, подѣ симѣ именемъ почиталась у нѣкоторыхъ Славянъ богиня родовъ или родинъ, которую и молили о плодородіи дѣшей.

Дидь или *Дидо*, богъ Кіевскій, почитаемъ былъ богомъ отвращенія любовной страсти, такъ какъ братъ его Лелью возбужденіемъ оной.

Догода, Славянскій зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.

Дождь, ежели кто выѣхалъ въ дорогу, а въ то время поидетъ дождь, то значить сіе благополучную дорогу, да и во всякомъ предпріятіи шествіе дождя почитаютъ за щастіе.

Доки, такъ называются въ деревняхъ тѣ люди, которые всякое чародѣйство или порчу опиговорить, то еснь отврашпль

мо-

могутъ
не въ

рять.

подѣ

долѣ

полкѣ

всяче

битѣ

перѣ

Говор

рыхъ

и по

и му

битѣ

пѣхъ

держ

дей

въ кѣ

ходѣ

Когдѣ

спящѣ

во о

юшѣ

спивѣ

кого

ему

въ н

хлоп

такъ

не во

могутъ, а сами чародѣйства производить не въ силахъ.

Домовой, или *дѣдушко домовой*, вѣрятъ, что во всякомъ домѣ живетъ чортъ, (подъ именемъ домового, онъ ходитъ въ домъ по ночамъ во образѣ челоуѣка, и когда полюбитъ которую скотину, то оную всячески откармливаетъ, а буде не полюбитъ, то скотина соевѣмъ похудѣетъ и переведется, что называется *не ко двору*. Говорятъ, что онъ пѣтъ лошадямъ, коноярхъ любитъ, заплетаетъ на гривѣ косы и подкладываетъ сѣно, завиваетъ, также и мужикамъ въ бородахъ косы, конхъ любитъ; но конхъ не любитъ лошадей, у пѣхъ расплетаетъ, и почти всю гриву выдергиваетъ, также будто подбиваетъ лошадей подъ ясли, онъ чего лошадь поднимаетъ въ конюшнѣ великой стукъ, иногда же находятъ ее въ великомъ пону, или мылѣ. Когда домовой покажется ночью безъ огня спящимъ людемъ, что дѣлаетъ особенно во образѣ монаха, то смѣлаки спрашиваютъ къ добру или худу, и онъ отвѣтствуетъ, что будто и сбывается. Ежели кого въ домѣ не полюбитъ, то дѣлаетъ ему всякіе спрахи и безпокойства, бросаетъ въ него всячиною однако не попадетъ, хлопаетъ дверьми, наваливается на спящихъ, такъ что ни конмъ членомъ дентнуться не возможно, хотя память и есть, и ежели

при-

дою онъ воешь, наконецъ щиплетъ до снѣя, но боли на томъ мѣстѣ не бываетъ; когдажъ хозяину умереть, то домовой по всякую ночь воешь. Вопяки называютъ домового Албастъ и Коболтъ, живетъ онъ въ пусныхъ домахъ, деревняхъ, и не только тамъ, но и въ баняхъ ихъ шалитъ, въ разсужденіи чего и сожигаютъ они вещья свои избы и другія строенія.

Доржа-Зодьба, Еркею и Дойшинъ-Бурхани, духовныя Калмыцкія книги высоко ими почитаемыя, между которыми однакожъ Доржа-Зодьба великое преимущество имѣетъ. *с. м. Віра.*

Дорога, въ понедѣльникъ выѣзжать въ дорогу не должно, увѣряютъ, что оная благополучна быть не можетъ, также добра не предвѣщаетъ, когда переѣжитъ черезъ дорогу заяць, или другое животное. Когда кого провожаешь, и хочешь, чтобъ опять скорѣе имѣть съ нимъ свиданіе, то при послѣднемъ прощаніи, и возвратившись домой, должно скорѣе назадъ оглянуться.

Дѣдушка содяной. Си отмѣнные черти живутъ въ водѣ, а особливо мушной, то есть лиманахъ или нальменяхъ, рукавахъ,
зали-

зали
подл
сѣю
не в
онаго
ском
сдѣл
ють
шев
въ ж
дьяне
ворон
пак
бѣгае
или

на бе
его не
епи
манн
ловѣ
игра

дитс
прид
пым

заливахъ, озерахъ, болотахъ и генерально подлѣ мельницъ. См: *водяной дѣдушко*.

Дятель, птица. Вотьяки обожаютъ сію птицу въ такомъ разумѣ, чтобъ онъ не вредилъ ихъ лѣсовъ, и для сего поймавъ онаго, дѣлаютъ въ лѣсу клепку, гдѣ нѣсколько времени его питаютъ, а потомъ сдѣлавъ ему публичное моленіе, опускаютъ на волю; а чтобъ не вредилъ онъ бортевыхъ ихъ деревьевъ, по приносятъ ему въ жертву дикую утку. Ежелижъ черный дятель, перелетитъ черезъ дорогу, либо воронъ, или кокушка сядетъ на кровлю, также естляи увидитъ и то, что южъ бѣгаетъ, то все сіе предзнаменуетъ смерть или тяжкую болѣзнь.

Ехо, когда кто кричитъ въ лѣсу или на берегу рѣки, то ехо обыкновенно слова его повторитъ, о сѣмъ утверждаютъ, что ено отзывается лѣшій, имѣя намѣреніе заманить къ себѣ въ жилище кричащаго чловѣка, также и того, которой будетъ играть на какомъ нибудь инструментѣ.

Желѣзница, или бѣшеная рыба, водится въ великомъ множествѣ въ Волгѣ; придавленной имъ ощущаетъ его мохнатымъ, то значитъ къ добру. Передъ бѣдою

рыболовы и прочіе просполюдины увѣряютъ, что ежели кто оную рыбу употребитъ въ пищу, то неоптѣнно сойдеиъ съ ума, для чего попадающуюся ее въ невода многими количествомъ бросаютъ опять въ воду, или отдаютъ за ничто Мордвѣ и Чувашиамъ, которые употребляютъ ее въ пищу съ ума не сходяиъ.

Жертвы, есть еще въ Россійской имперіи такія области, гдѣ идолопоклонство не совсемъ испреблено: напримѣръ, Россійскій Лопарь приготовляясь къ такому обряду очищается, и привязываетъ крѣпко всѣхъ собакъ, чтобъ которая нибудь не перебѣжала черезъ его дорогу, и потомъ взявъ съ собою кости, или рога пребуемаго богами въ жертву звѣря, пускается въ путь къ святому мѣсту, не говоря о томъ никому, а увидѣвъ оное, кидается опрометью на земь и ползетъ къ своей святыни. Потомъ возлагаетъ приношеніе свое на жертвенникъ, молится приложивъ лице свое къ землѣ, и вспавъ возвращается въ свое жилище. Большая половина жертвъ оспается просто на мѣстѣ, а остъ того превеликія скопляются груды костей и роговъ, но нѣкоторые и зарываютъ оныя, потому можетъ быть, что даряиъ подземнымъ божествамъ. Мяса не приносятъ они ни когда въ жертву, будучи крѣпко увѣрены, что боги не примнутъ покрыиъ онымъ кости.

Ежели

Еже
ную
завъ
она
жерт
крови
рѣку
на се
себѣ

говѣ
пого
ножи
подъ
женн
и ког
замок
замы
или к
соглас

пого
частно
клавъ
ваеис
сего с
младен
снаго
яниѣ

Ежели собака приминся глотать жертвенную кость, то должно ее убить, и вырѣзавъ изъ нее ту же самую кость, которую она изгрызла, положить вмѣсто оной на жертвенное мѣсто. Иногда выпускаютъ они кровь назначенныхъ въ жертву звѣрей въ рѣку, или проливаютъ молоко, либо вино на земь въ жертву для умилостивленія къ себѣ земныхъ и водяныхъ боговъ, см: *вѣра*.

Заговѣнье, суевѣрныя женщины въ заговѣнье не шьютъ, и вѣрятъ, что отъ того непременно сдѣлается заусеница или нохтобда неизлѣчимая.

Замки, суевѣрныя старухи кладутъ подъ порогъ замки, въ то время, какъ жениха съ невѣстой ведутъ изъ церкви, и когда они перешагнутъ чрезъ незапертой замокъ, то тотъ часъ его поднимаютъ и замыкаютъ, и ключъ бросаютъ въ рѣку или колодезь, чтобъ жили мужъ съ женою согласно.

Заслать младенца, безпечныя, а отъ того крѣпко спящія, или пьяныя женщины часто сонныя придавляютъ младенцовъ, кладъ съ собою на постелю, что и называется заспала. Кромѣ непрощительнаго сего согрѣшенія вѣрятъ, что душа онаго младенца не наслѣдитъ уже царствія небснаго; а сіе сибшное произвело еще невѣроятнѣйшее суевѣріе. Разсуждаютъ простаки,

К

что

что такой женщи́нѣ должно стоять въ церквѣ одной три ночи, очертившись кругомъ ибломъ, которое очерченіе долженъ учинить священникъ. Въ первую ночь будутъ ходить мимо ее бѣсы, и нося ее младенца ей показывать. Во вторую ночь нося мимо ее будутъ его давить, бить и щипать, и говорить ей, что бы она вышла только изъ круга, то и опдадутъ они ей младенца; а какъ скоро она изъ него выступитъ, то и будетъ добычею дьяволовъ. Въ третью ночь мучатъ его несказанно, увѣщевая ее, чтобъ вышла она изъ круга, а когда не выдетъ, то измучатъ его до смерти. По вспѣтіи же пѣснѣй они исчезаютъ и оставляютъ матери младенца мертвого, котораго она показываетъ послѣ всѣмъ и учиняетъ ему должное погребеніе.

Затмѣніе, всякое затмѣніе лунное и солнечное, по увѣренію грубыхъ невѣждъ значитъ неотмѣнно общественное несчастіе, то есть или моръ, или войну, наводненіи, пожары и прочая, и даже до нынѣ никто увѣрить не можетъ; сей сожалительный человѣческій родъ, что то неотмѣнныя дѣйствія природы, и порядочныхъ расположеній оной правила, ибо сіе предано имъ отъ древнихъ писателей, какъ на примѣръ: Тоя же зимы (1202 года) быша знаменія многа на небеси, въ пять часовъ нощи потече небо все, и быть червлено

коя

яко
на х
видѣ
порт
сія в
яко
мени
солн
ваюн
гладь
или
ки е
затм
косну

3
на з
каку
изъ ч
бены
наго
вещь
пока
пивно
ломас
ной, п
чорта
юпъ
дѣюш

3
что 3

яко кровь, и бѣ видѣти снѣгъ на земли и на хоромѣхъ, яко кровь проліяна, и мнози видѣша печеніе звѣздное на небеси, и опторгахуся звѣзды отъ небеси на землю, и сія видѣша человекѣ ужазошася збѣло, мняше яко конецъ міру грядетъ, понеже убо знаменія на небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ лунѣ, или инемъ чемъ бывають не на добро, но проявляютъ, или гладъ, или смерть, или ратныхъ нашествіе, или междуусобныя брани и рапи. А Вопяки ежели примѣшатъ солнечное или лунное затмѣніе, то говорятъ, что оборотень прикоснулся къ солнцу или лунѣ.

Звѣроловительства. Вогуличь собираясь на звѣриной промыслѣ, беретъ съ собою какуюнибудь вещь для щастія, напримѣръ: изъ чурки выдѣланную колодицу съ пришибеннымъ сободемъ, или въ кабканѣ пойманнаго звѣря, и сему подобныя другія. Оную вещь столь долго хранишь и почитаешь, пока бываетъ удача въ промыслѣ, въ противномъ случаѣ бросаетъ съ презреніемъ, ломаетъ и ругается ею такъ, какъ вредной, придавая ей прозваніе шайтана, по естъ чорта. Сіе значить, что суевѣры почитаютъ ту вещь за свято, отъ которой надѣются себѣ, какойнибудь прибыли.

Земля, всѣ простолюдины вѣрятъ, что земная твердь основана на четырехъ

превеликихъ китахъ, которые держатъ на себѣ сію грамаду, и одинъ уже изъ сихъ китовъ умеръ, отъ чего и послѣдовали великія на землѣ перемѣны; а какъ всѣ оныя перемрутъ, то тогда послѣдуетъ преставленіе свѣта.

Зеркало, начало сей вещи суевѣры производящъ отъ слѣдующей причины: нѣкоторый монахъ спасаясь въ пустынь, и читавъ въ священномъ писаніи сіи слова: просите и дастся вамъ, усумнился, и желая удостовѣриться, что все ли получить можетъ, чего захочетъ, пошелъ просить къ нѣкоторому царю дочери его себѣ въ невѣсту. Царь почулся сему требованію, сказалъ о томъ своей дочери, которая столь же удивившись, отъѣшествовала отцу своему, какъ сіе дѣло чрезвычайное, то должно, чтобъ монахъ, ежели хочетъ получить меня въ невѣсту, сдѣлалъ также чрезвычайное, то есть, принесъ бы мнѣ въ подарокъ такую вещь, въ которую бы я всю себя видѣть могла, а сіе происходило еще тогда, когда зеркало выдуманно не было. Монахъ сіе услышавъ, пошелъ искать такой вещи. Ходя по лѣсамъ долгое время, вошелъ онъ въ нѣкоторую пустыньку, которая тогда ни кѣмъ не была обитаема, посидя нѣсколько времени, услышалъ онъ тяжкій стонъ, а на вопросъ его отъѣшествовано ему: почтенный монахъ, сжаляся на мое спрдааніе; ибо уже нѣсколько лѣтъ

заклю-

закла
вним
сей
всемъ
имѣя
шой
ему
крест
ромъ
шоро
удив
онъ
поше
томъ
свяще
власа
коль
и во
ищен
ковъ,
дѣлен

надъ

у нѣ
имѣ
лицы
лося
живо
жест

заклученъ я въ семъ рукомоиникѣ обита-
 вшимъ здѣсь монахомъ, выпусти меня изъ
 сѣи пещицы, и я шебѣ могу услужить,
 всемъ тѣмъ, чего ты пожелаешь. Монахъ
 имѣя къ тому случай, предложилъ ему о
 той вещи, которую дьяволъ доставить
 ему и обѣщаль, онъ снялъ съ рукомоиника
 крестъ, и его выпустилъ. Дьяволъ въ ско-
 ромъ времени принесъ къ нему зеркало, ко-
 торое монахъ взявъ въ руки, чрезвычайно
 удивился, и опнесъ оное къ царю, однако
 онъ брачнаго супружества отказавшись,
 пошелъ умолять о своемъ согрѣшеніи, въ
 томъ, что онъ возмѣлалъ сомнѣніе противу
 священнаго писанія. И какъ сія вещь доста-
 влена монаху дьяволомъ, то для того рас-
 кольники въ зеркало никогда не глядятся,
 и во всѣхъ ихъ домахъ ни единого не отъ-
 ищешь, кромѣ какъ у свѣтскихъ раскольни-
 ковъ, ибо между оными есть и таковое раз-
 дѣленіе.

Зимцерла, богиня владычествующая
 надъ началомъ дня, то есть заря.

Змѣи, сіи пресмыкающіяся почитались
 у нѣкоторыхъ Славянъ домашними богами,
 имъ приносили въ жертву молоко, сыръ,
 яицы, и все то, что на столъ поставля-
 лось. Запрещено было всѣмъ дѣлать симъ
 животнымъ вредъ; а въ противномъ случаѣ
 жестоко наказывали, а иногда и жизни ли-

шали преступниковъ сего закона. Увѣряютъ, что сіи гады входятъ къ человѣку во лнупренность. Ежели спящему на полѣ, когда грѣзилось, что онъ пилъ весьма студеною воду, естли ему пошнится по упражнѣ, ежели мерещится, что у него въ животѣ ворочается или раздувается жившъ, то никто уже не смѣетъ сомнѣваться, что у него въ желудкѣ обитаетъ змѣя. Такова поятъ парнымъ и наговореннымъ коровьимъ молокомъ, смѣшаннымъ съ коноплянымъ масломъ столько, сколько желудокъ его вмѣститъ можетъ, потомъ привязываютъ его за ноги въ жарко нагретой банѣ къ потолку, и держатъ до тѣхъ поръ, пока не вырветъ изъ него, какъ говорятъ черенки, съ которою рвотю, по увѣренію ихъ, и змѣя выходитъ.

Змѣи огненные, къ нѣкоторымъ жемамъ и дѣвицамъ летаютъ ночью огненные змѣи, то есть воздушные дьяволы, и имѣютъ съ ними плотское совокупленіе, отъ чего тѣ женщины весьма худѣютъ. Пролѣзая въ зимнее время ночью поля, видятъ падающія съ неба звѣзды, кои также почитаютъ за оныхъ же дьяволовъ, и крестясь произносятъ сіи слова: *аминь, аминь разсылся.*

Знаменіе см. зашмѣніе.

Зничь

по
храм
ченіе
набѣ
знях
любв
вая
ряна
хнов

вянѣ
рука
вали
мног
поры
во хр
дава
прой
будѣ
то и
полно
тѣмъ

по во
домъ,
сіе:
зубъ,
отъ
стутѣ

Зничь, священный неугасаемый огонь: по многимъ Славенскимъ городамъ имѣлъ храмы, жертвовали ему частію изъ полученныхъ отъ неприятелей корыстей, и плабными Христіанами; въ тяжкихъ болѣзняхъ имѣли къ нему прибѣжище Корыстоплюбивые жрецы обманывали народъ, сказывая отъвѣты болящимъ, о которыхъ увѣряли, что будто получили ихъ чрезъ вдохновеніе сего божества.

Золотая баба, богиня нѣкоторыхъ Славянъ: храмъ ее стоялъ при рѣкѣ Обиге, въ рукахъ держала она младенца, коего называли ее внукою, подлѣ ее испукана лежало множество музыкальныхъ орудіевъ, отъ которыхъ повсеминутно происходилъ шумъ во храмѣ. Она почиталась пророчицею и давала отъвѣты. Никто не осмѣливался пройти мимо ее безъ принесенія какой нибудь жертвы; а ежели ничего не имѣлъ, то вырывалъ изъ платья своего волосъ, подносилъ ей оной, кланяся въ землю, и шѣмъ ее чпился умилоствивить.

Зубы, когда у дѣшей падаютъ зубы, то велятъ ребенку спать къ запечкѣ за домъ, и бросить зубъ за печь, приговоря сіе: *мышка, мышка, на тебѣ реляной зубъ, а ты дай мнѣ костяной, въря, что отъ того зубы скорѣе и безъ боли ростутъ.*

Зѣвина или *Зѣвонія*, богиня Славенская, оная почиталася богинею роцъ и лѣсовъ, и ей молились о щастливыхъ зѣвроловн-тельствахъ.

Игра бѣсова, когда какая Башкирка не за долго до разрѣшенія отъ бремени впадеши въ болѣзнь, а особливо когда будещи чувствовать отъбѣнное въ животѣ давленіе, или судорожные порывы, то Башкирцы безъ всякаго сомнѣнія приписуютъ сіе прикосновенію нечистаго духа; въ такомъ случаѣ приываютъ своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайшанъ-Курязя (Чертовидца), который съ великими обрядами дѣлаетъ съ чертомъ сраженіе и его прогоняетъ, и сіе то называютъ они игра бѣса.

Идолъ, сдѣланный руками человѣческими болванъ, которыхъ древніе идолопоклонники почитали за боговъ подъ разными именами и видами. Кромѣ видовъ человѣческихъ были идолами, и нынѣ язычниками почитаемые, деревья, зѣбри, пшцы и прочая, на примѣрѣ: Вогуличи покланяются подобной видомъ оленю скалѣ; Вотяки почитаютъ своимъ идоломъ вѣтви лихповаго дерева, а другихъ идоловъ носятъ въ своихъ сапогахъ ходя на зѣбриной промыслъ; Камчадалы чшупѣ жерди съ обвостренными головками; Остяки признаютъ за боговъ куклы. Куряльцы щепки или спружки.

Въ

Въ
въ
ош
жен
ру
ни
и п
чан
рева
нья
въ
лен
идо
нѣк
ром
Язы
чая
и пр
мѣш
пом
юш
ино
виш
вен
жеп
рочи
пог
пина
нег
Д
емы

Въ семидесяти верстахъ отъ Обдорска, въ лѣсу стоятъ и нынѣ такіе идолы: одинъ представляетъ мужское, а другой женское лице, одетые сукномъ и мягкой рухлядью, обвѣшены жеспиными изображениями звѣрей, людей, птицъ, лолокъ, рыбъ и прочаго; кругомъ ихъ лежатъ копылы, чашки и другая домашняя утварь, а на деревьяхъ около ихъ шалашей висятъ содранныя шкуры со звѣрей, принесенныхъ имъ въ жершву; да и по другимъ мѣстамъ населеннымъ язычниками, таковыя же есть идолы. см: *вѣра*. Домашнихъ же своихъ инокоторыхъ идоловъ помазываютъ они жиромъ и кровью въ знакъ даваемой имъ пищи. Язычники идоловъ чтутъ много, но не получая отъ нихъ помощи, послунаютъ тому и пропивно. Напримѣръ Остяки, когда примѣтятъ, что иѣтъ хворому отъ идола помощи, котораго они просили, то ругаютъ его бранными словами, низвергаютъ, а иногда и колошатъ.

Изурочить, кто вдругъ кому подивится, или скажетъ онъ слава Богу здоровенекъ, и толпъ похудѣетъ или занеможетъ, про такого говорятъ, что онъ изурочилъ, и у него слово худо; а ежели только поглядитъ, и человекъ отъ того или скотина захвораетъ, то говорятъ, глазъ у него благъ, дуренъ, или изурочилъ.

Изюмъ, раскольническая шайка, называемые подрешетники, употребляютъ изюмъ

нѣсто причащенія святыхъ таинъ, наполя оной нѣкою отравою, и тако вкусивше отъ тѣхъ ягодъ желаютъ себѣ смерти, и хопятъ, или сожещися, или улавитися, или въ водѣ упопиться, и многіе во иступленіи ума своего сами себя погубили.

Икать, ежели кто икаетъ легко, то вѣрятъ, что его въ то время кто нибудь поминаетъ, а когда икаетъ тяжело, то его бранятъ.

Ильинъ день, то есть день святаго пророка Іліи: Пермьки собираются въ сей день изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, и приводятъ съ собою быка или теленка, котораго закаляютъ и обществомъ употребляютъ въ снѣдь. И такъ пророкъ Ілія умоляетъ бываетъ отъ нихъ приношеніемъ быка; а Прокопій закланіемъ барана. Въ сей день ни гдѣ не выгоняютъ сшала, вѣря и другихъ увѣря, что въ сіе время всѣ свирепыя звѣри и ядовитыя галины оставаяя свои норы, ходятъ по лѣсамъ свободно.

Ильмеръ, первенствующій Вотяцкій богъ. см: *вѣра*.

Имя, нѣкоторые суевѣры при крещеніи дѣтей даютъ имъ другія имена, а первое прилѣжно таятъ, вѣря яко бы невѣдая пераго, или подлиннаго имени, колдунъ имъ не можетъ ничего учинить, то есть, не можеть

жест
При
перв
млад
въ к
нест
имя
перв
конт
кам
чно
назв
срок
часн

чьег
сам
наре
шек
имя
год
бол
жиз
нес
был
знак
чип
кан
имя
дах
нан

жѣтъ сдѣлашь ихъ оборотынями и прочимъ. При рожденіи посылаютъ на улицу, и кто первой на встрѣчѣ попадется, то дають младенцу его имя, и призываютъ иногда и въ кумовья его, мня, что отъ того младенца будетъ долголѣтень. Корякамъ дають имя старья бабы, ставятъ двѣ палочки, и перевязываютъ ниткою на срединѣ, вѣшаютъ на ниткѣжъ камень обшипый въ кожу каменнаго барана; а при томъ невѣдомо что шепчуть; и спрашиваютъ у камня, какъ назвашь младенца, напоминая имена его сродниковъ, и на которомъ имени покажется камень, то бываетъ младенцу и имя.

Имянины, когда празднуютъ день чьего нибудь тезоименитства, то въ началѣ самомъ обѣда, берутъ со стола большой нарочно для того пирогъ сдѣланной съ кашею, и разламываютъ оной надъ головою имянинника, что знаменуетъ цѣлый будущій годъ жить ему въ благоденствіи, и чѣмъ болѣе разсыпается по немъ каша, тѣмъ жить ему достаточнѣе. И надобно также неопмѣнно, чтобъ во время празднества онаго былобъ что нибудъ разбито, сіе также знакъ благополучія; а когда того не случится, то бьютъ нарочно рюмку или стаканъ. Здѣсь и въ Москвѣ посылаютъ къ имяниннику подарки; а въ другихъ городахъ имянинникъ заказываетъ маркишанту, или булочнику печь стибни, и посылаетъ по

по одному ко всякому изъ своихъ родственниковъ.

Иргибашъ-Юма. Божество Черемисъ обитающихъ въ Башкирїи, см: *вѣра*.

Исторія, нѣкоторыя исторїи, и лѣтописи наши наполнены многими суевѣрными повѣствованїями, которыя и донынѣ служатъ великимъ развратомъ непросвѣщеннымъ Россїянамъ: я удовольюсь выпи- сать нѣкоторыя изъ лѣтописца названнаго Никоновскимъ; гдѣ грубость невѣжества прошедшихъ вѣковъ довольно откровенна, а оный напечатанъ безъ всякой вычистки, не смотря на то, что о случаяхъ наносящихъ соблазнъ, никтобъ сожалѣть не сталъ, ежели бы они въ печатанїи и пропущены были, понеже для просвѣщеннаго челоуѣка служатъ они вздоромъ, для простолюдина соблазномъ; а для исторїи излишествомъ, напримѣръ:

Того же лѣта 6632, востана волсви лживїи въ Суздалѣ, избиваху спарую чадъ бабы, по дьяволу по ученїю и бѣсованїю, яко сїи держатъ гобино и жито, и голодъ пуцаютъ и бѣ мятежъ великъ, и гладъ по всей спранѣ той, яко же мужу своя жена даяши да ю, кормятъ себя челядиномъ.

Въ сїяжъ времяна прїиде волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и пришедъ къ Кїеву глаголаша сице: повѣдая людямъ, яко на пятое лѣто

лѣт
пр
ской
ской
же
хан
паг
убо
кну
хан
и н
сово

спс
сла
дер
въ
глад
мѣ
ни
они
ци
люб
их
озер

Сод
лин
волх
и К
Ян
дѣл

лѣто Днепру пещи на вспясть, а землямъ
пріити на иная мѣста, яко спашаи Грече-
ской земли на Руской, а Руской на Грече-
ской и прочимъ землямъ измѣнишися, ег-
же невегласи послушаху, вѣрнии же насмѣ-
хася глаголюще: бѣсѣ побою играеть на
пагубу тебѣ, се же и бысть ему во едину
убо ноць бысть безвѣсни: бѣси бо под-
кнуша на зло водятъ, но семъ же насмѣ-
хаются, ввергше вѣ пропасть смертную,
и научивше глаголати, яко се скажемъ бѣ-
совское наученіе и дѣйство.

Бывши бо единою скудости вѣ Ростов-
стей области, воспаша два волхва отъ Яро-
славля, глаголюще: яко мы свѣмы, кто обиліе
держитъ и придоста по Волзѣ, гдѣ придоста
вѣ погостѣ, ту лучшая жены наричуще,
глаголюще: яко сія жито держитъ, а сія
мѣхъ, а сія рыбу, а сія скору, и привожаху къ
намъ сестры своя и матерь и жены своя;
они же вѣ мѣчпаніи прорѣзоваше имъ за пле-
щима, и выимася любо жито, любо рыбу,
любо бѣлку: и убиша многи жены, имѣнія
ихъ отнимаху за ся, и придоста на Бѣло
озеро, и бѣ у нихъ иныхъ людей пріста.

Того же лѣта случися пріити отъ
Святослава, дань емлюще Яну сыну Выша-
тину: и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два
волхва пришли, и ужа многихъ по Волзѣ
и Пошекснѣ погубили, и пришли еще, семо-
Янъ же испыта, чьи есть смерди; и уви-
дѣвъ же Янъ яко Князя его, и посла къ
нимъ

нимъ иже около его сущь, и рече: выдайте
 волхвовъ тѣхъ, семо яко смердіевъ Князя
 моего и мои, они же сего не послушаша:
 Янъ же самъ поиде безъ оружія, и реша
 ему опроцы его: не ходи безъ оружія из-
 соромятъ тя, онъ же повелъ взять ору-
 жіе опрокомъ; бѣста бо съ нимъ VI. опрокъ,
 и поиде къ нимъ по лѣсу; они же сташа
 испочнившися противу; Яневи же идущу
 съ попоркомъ, выступиша отъ нихъ три
 мужа, и прїидоша къ Яневи, рекуще ему:
 видя идещи, на смерть не ходи; Яневи же
 повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде,
 они же сунушася на Яна, единъ же грѣшисъ
 топоромъ; Янъ же оборотя топоръ и удари
 пыльемъ, и повелъ опрокомъ своимъ сѣчи
 ихъ; они же побѣгоша въ лѣсѣ; убиша же
 ту-Попина Янсва; Янъ же шедъ во градъ къ
 Бѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете
 волхвовъ тѣхъ, не идутъ отъ васъ за лѣпо;
 Бѣлозерцы же шедше яша ихъ, и приве-
 доша ихъ къ Яневи, и рече имъ Янъ, что
 ради полико погубиста челоуѣкъ? онемъ
 же рѣкшимъ, яко ти держатъ обиліе, да аще
 испребимъ сихъ, да будетъ обиліе, аще хо-
 щещи предъ тобою вымемъ жито, или рыбу,
 или иное что. Янъ же рече: по истинѣ
 лжа то еспь: сотворилъ естъ Богъ чело-
 вѣка отъ земли, составлена костьми и жи-
 ламы отъ крови, и нѣсть въ немъ ни что
 же, но токмо Богъ единъ вѣсть, она же
 глаго-

глат
 лон
 Бо
 вен
 рас
 сош
 чело
 же
 тѣхъ
 Янъ
 бѣсѣ
 хри
 они
 имъ
 днѣ,
 сѣхъ
 Ан
 не ме
 жени
 вы
 днѣ,
 егда
 хри
 въ о
 нему
 у ме
 толк
 жеш
 рече
 реша
 Клев
 мичѣ

глаголаста вѣмы, како есть сотворенъ че-
 ловѣкъ? Янъ же рече: како? они же реста,
 Богъ мывся вѣ мовницѣ, и вспошѣвъ отресея
 ветхомъ, и сверже сѣ небеси на землю, и
 распресе сапана сѣ Богомъ, кому вѣ немъ
 сотворити челоуѣка, и сотвори дѣаволь
 челоуѣка, а Богъ душу вѣ онъ вложилъ, пѣмъ
 же аще умретъ челоуѣкъ, вѣ землю идетъ
 тѣло, а душа къ Богу идетъ, и рече имъ
 Янъ: по истиннѣ прельстилъ есть васъ
 бѣсѣ, коему Богу веруете? и реща Анти-
 христу, онъ же рече имъ: то гдѣ есть?
 они же рекоша, сидитъ въ безднѣ, и рече
 имъ Янъ: то кѣи то Богъ сѣдитъ вѣ без-
 днѣ, то естъ бѣсѣ, а Богъ естъ на небе-
 сѣхъ, сѣдитъ на престолѣ славимый отъ
 Ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ,
 немоуще нанъ зрѣти, а сихъ Ангелъ свер-
 женъ бысть за гордость сѣ небеси, его же
 вы глаголете Антихриста и естъ вѣ без-
 днѣ, яко же вы пого глаголете ждуще,
 егда снидетъ Богъ сѣ небеси сего Анти-
 христа, емъ свяжетъ узами, и посадитъ
 вѣ огнѣ вѣчнемъ сѣ слугами его, иже къ
 нему вѣрують; вамъ же и здѣ прѣяти мука
 у меня, и по смерти тамо Онемъ же гла-
 голющимъ наши бози повѣдають, не мо-
 жеши намъ сотворити ни что же; онъ же
 рече имъ: лжущъ вамъ бози ваши; они же
 реща, намъ снати предъ Святославомъ вѣ
 Клевѣ, а ты намъ не можеши сотворити
 ничто же? Янъ же повелъ бити ихъ и тор-
 гати

гати брады ихъ, сямъ же бѣннымъ и по-
 порганнымъ, рече имъ Янъ: что вамъ бози
 ваши скажутъ, онемъ же глаголющимъ,
 спати намъ предъ Святославомъ, и повелѣ
 Янъ клячь вложити во уста ихъ, и привя-
 зати ихъ ко упругу, и пусти предъ собою
 въ лоды, а самъ за ними поиде, и спаша
 на усть Шоксны, и рече имъ Янъ: что вамъ
 бози ваши повѣдаютъ, они же реша: тако
 молвятъ бози наши, не быти намъ живымъ
 отъ псѣбъ, и рече имъ Янъ: то вамъ право
 повѣдали; они же рекоша: аще наю пу-
 стиши, много ти добра будетъ; аще ли
 насъ погубиши, то многу печаль примеша
 и зло; Янъ же рече: аще васъ пушу, то
 зло ми будетъ отъ Бога, и рече Янъ къ
 повозникамъ: аще кто у васъ убиенъ бысть
 отъ сихъ, они же реша: у меня мати, а
 другии рече: у меня сестра, у меня жена;
 Янъ же рече имъ; мстите своихъ; они же
 поимше ихъ биша, и возвѣсиша ихъ на дубъ,
 опрестѣе примше отъ Бога и о правдѣ;
 Яневи же идущу во свояси, въ другуюжъ
 ноцъ медведь възвѣзъ угрызе ихъ, и тако
 погибоша наущеніемъ бѣсовскимъ, инемъ
 вѣдуще и глаголюще, а своя погибели не
 свѣдуще, аще быста вѣдали: не бы пришли
 на мѣсто се, и деже япыма быти има, аще
 и япа быста, почто глаголаста, не умрети
 нама; оному мыслящу убити я, но се есть
 бѣсовское наущеніе, бѣси бо не вѣдаютъ
 мысли челоуѣчскія и тайны не свѣдуще,
 Богъ

Бо
 чес
 бо
 же
 ни

 чи
 и
 он
 на
 ми
 пор
 он
 вс
 пр
 ян
 и
 по
 бѣ
 пр
 ша
 он
 бо
 по
 он
 два
 ла
 под
 бо
 он
 не
 по

Богъ же единъ въспъ помышленія челоу-
ческая, бѣси бо не вѣдають ничто же, супъ
бо немощни и худи взоромъ, яко и се ска-
жемъ о взорѣ ихъ и о немощи и обмраче-
нїи ихъ.

Въ сїя бо времяна и въ лѣта, сїя ключо-
чїя нѣкоему Новгородцу прїити въ Чудь,
и прїиде къ кудеснику, хопя волхвованїй
отъ него, онъ же по обычаю своему, хопя
начати, и призывать начатъ бѣсы въ хра-
мину свою; Новгородецъ же той сѣдъ на
порогѣ тоя храмины; кудесникъ же лежаше
оцепенѣвъ и шибѣ имъ бѣсѣ; кудесникъ же
вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣють
прїити, нѣчто имаши на себѣ, его же бо-
яшся, онъ же воспоминаю на себѣ крестъ,
и опшедъ поставя крестъ, кромѣ храмины
тоя, онъ же начатъ призывать оячь бѣсы;
бѣси же метавше имъ повѣдаша, что ради
пришелъ естъ? по семъ же начатъ вопро-
шати его, его же носимъ на себѣ креста,
онъ же рече: по естъ знаменїе небеснаго
бога, его же наши бози боятся, онъ же рече:
по кацы супъ бози ваши, да гдѣ живупъ?
онъ же рече: бози наши живупъ въ без-
днахъ, супъ же образомъ черны и кры-
лапы, и хвосты имущѣ, восходятъ же и
подъ небо слушающе вашихъ богъ вашижъ,
боги на небесехъ супъ, да еще кто умретъ
отъ вашихъ людей, по возносимъ естъ на
небо, еще ли кто отъ нашихъ людей умретъ,
по носимъ естъ къ нашимъ богомъ въ без-

Л

дну,

дну, яко же бо есть и грѣшницы во адѣ
суть ждуще муки вѣчныя, а праведницы въ
небесныхъ жилищахъ водворяются со Анге-
лы: сице бо есть бѣсовская сила и лѣнопа
и немощь, тѣмъ же прельщаютьъ человекѣ
веляще имъ глаголати видѣнїя являющесе
имъ несвершеннымъ вѣрою, являющесе во
снѣ инемъ вѣ мечтѣ, и шако волхвуютъ на-
ученїемъ бѣсовскимъ. Паче женами, бѣсовская
волшленїя бываютьъ изкони бо; бѣсѣ же
прельсти, и жена мужа, такожде въ родехъ
мнозехъ всѣ жены волхвуютъ чародѣй-
ствомъ и отравою ѣ иными бѣсовскими
бездами, но и мужи прельщени бываютьъ
невѣрнїи опѣ бѣсовъ яко же се въ первыхъ
роды

Предивно бысть въ Полотскѣ въ мечтѣ
бываше въ нощи, стояше шутно по ули-
цамъ аки человекѣцы риццуще бѣси, аще кто
вылазаше изъ хоромны, хотя видѣши и
уязвленъ бываше невидимо опѣ бѣсовъ лзвою
и сѣ того умираху, и не смѣяху излазити
изъ хоромъ, и по семъ начаша во днехъ
являпися на конехъ и не бѣ ихъ видѣши
самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и
шако уязвляху люди Полотскїя и ихъ об-
ласть, тѣмъ бо и человекѣцы глаголаху, яко
на явѣ бьютъ полочаны.

Юмалла или Ямалла, божество Чудскихъ
Славянъ: идолъ сей сдѣланъ былъ изъ дере-
ва, на шеѣ имѣлъ дорогое ожерелье, а въ ру-
кахъ

как
въ
при

см:

боги
жен
дѣш
ствѣ

чада
про
клад
немъ
бы

Бол
чин
ской

Ник
внѣм
вомъ
изъ
комъ
комъ

кахъ держалъ великую серебряную чашу, въ которую поклоняющіяся клали деньги, принося оныя въ жертву.

Каба, богиня Черемискихъ женщинъ.
См: *вѣра*.

Калдыни - Мумасъ, первенствующая богиня Вошяковъ; а особливо Вопяцкихъ женщинъ, которыя молятъ ее о рожденіи дѣтей, а дѣвицы о благополучномъ замужствѣ. См: *вѣра*.

Камень, сидячіе Коряки народъ Камчадальской, многіе имѣютъ вмѣсто женъ просные камни, одеваютъ ихъ въ платье, кладутъ съ собою вмѣстѣ спать, и времяемъ шутятъ съ ними и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы.

Камуда, Камчадальской женской божокъ. Божки сіи дѣлаются оспроголовыми, и почитаются за тѣхъ бѣсовъ, кои въ женской полѣ вселяются во время плясанія.

Канонъ, на канонъ праздника святаго Николая чудотворца, по городамъ и деревнямъ возятъ обыватели бочки съ пивомъ къ каждой церквѣ, и черная или цедя изъ онаго по кружкѣ, подають въ церковь, а при томъ и по восковой свѣчкѣ, которое пиво священники сливажъ въ ушаты,

дѣлятѣ послѣ по себѣ, и сіе то пиво называется канонѣмъ.

Калко-Ороло, Черемиса и Чуваши признавають сего за слугу ихъ божества. *См: вѣра.*

Каша, когда варившаяся въ печи каша выдетѣ на поверхность горшка, и сія выпуклость имѣтъ будетѣ наклоненіе въ задѣ печи, то сіе знаменуетѣ щастіе и изобиліе, а когда въ устьѣ печи, то предвѣщаетѣ раззореніе дома и бѣдность хозяину.

Кереметь, божество Черемиское и Чувашское, такѣ какѣ и *Кереметь-Кайка* и *Кереметь-Пилъ*. Но Кереметѣмъ называется у нихъ и молитвенное мѣсто.

Кикимра, кикимры суть женщины унесенныя въ младенчествѣ черпачами, и посаженныя на нѣсколько лѣтъ колдуями къ кому нибудѣ въ домѣ, которыя бывають невидимы, однако иныя изъ нихъ съ хозяевами говорятѣ, и обыкновенно по ночамъ прядутѣ, и хопя никакого вреда не дѣлаютѣ, но навоятѣ великой страхъ своимъ неугомонствомъ. Говорятѣ, что и мужскѣ полѣ, такимъ образомъ, сажаютѣ въ дома, которые унесены въ младенчествѣ отѣ матерей и воспитаны нечислыми духами, и сіи называютѣся *дьявольское навожденіе*. Также сажаютѣ плотники въ домѣ дьяво-

ловѣ

ловъ или кикимръ, когда имъ не заплачуть за работу надлежащаго; но оной дьяволъ не споль спокоенъ бываеъ, ломаетъ все въ домъ, дѣлаеъ шумъ и стукъ, и наконецъ самаго хозяина выживаеъ изъ дому, отъ чего избавляють доки, или пѣ же плошники, получивъ сполна за работу Древнѣе Славяне кикимру почитали ночнымъ божествомъ и сонныхъ мечтаніи.

Кичеба, богиня Черемискихъ женщинъ, мать солнца. *Сл: вѣра.*

Кладбища, многія могилы и кладбища почитаютъ язычники и магометане за святыя, вѣра, что во оныхъ погребены ихъ угодники. Въ пригородѣ Билярскѣ кладбище называють памошнѣе жители Балышъ-гусъ. Магометанцы не только здѣсь живущіе, но и Башкирцы изъ опдаленныхъ мѣстъ сбѣзжаются лѣтомъ къ симъ развалинамъ, признавая ихъ мѣстами священными; они вѣруютъ, что внутри каменныхъ зданій погребены ихъ святыя, которые не только въ жизни своей, но и нынѣ еще дѣлають различныя чудеса. Набожность и суевѣріе сихъ народовъ достойно также особливаго описанія: ибо нѣкоторые изъ нихъ собираются на мѣсто сего моленія отъ самой подошвы до развалинъ, находящихся на берегу горы, идутъ, падши на колѣна свои, почитая святыхъ; чинуть они и источникъ

вытекающей изъ сея горы. Воду его называютъ они освященною, представляя себѣ, будто бы святыи ихъ, который жилъ близъ его, вкушалъ и обивался ею семъ испочникѣ: и для сего наливаютъ они ею нарочно привозимые съ собою сосуды, и увозятъ по своимъ домамъ, признавая, что она изцѣляетъ ихъ отъ многихъ болѣзней. По окончаніи же обыкновенныхъ моленій, сходятъ они на низъ горы, гдѣ убивая гусей, овецъ и другихъ животиныхъ, приготовляють въ честь своихъ святыихъ, и для празднества своего наилучшій обѣдъ, и не только пѣ, которые сбѣхались для моленія, но и Христіане изъ любопытства смотрѣтъ ихъ приходящіе могутъ были участниками ихъ празднованія и веселостей.

Почтеніе къ симъ развалинамъ осталось между Татарами опѣ времена протцовъ ихъ бывшихъ обладателями сея страны; можно узнать оное изъ словъ видимыхъ во владѣнной крѣпости Билярскихъ жишелей. Татарскіе Цари приставляли безпрестанную стражу ко гробу Балынъ-Гози, и хранишелями сего священнаго мѣста были шесть нарочно избранныхъ мужей. Когда Казань и всѣ области великія Татарии покорены были подъ власть Россійскихъ Царей, по въ то же самое время (будучи безъ призренія) разрушилась и сія священная палата. Спустя нѣскольکو времени Татары вспомнивъ древнюю свою набожность,

нос
даб
на
по
ли
нѣ
ма
бы
по
воз
сем
жн
у
до
се
пр
вы
ше

в
но
по
за
об
там
кн
бу
са
и
по
га
бе

носшь, просили новыхъ Государей своихъ, дабы позволено имъ было возобновить; у падшій и разоренный храмъ. Сіе имъ было позволено, построивъ новую палату, поселили шутъ нѣсколько домовъ изъ роду пѣхъ людей, кои были приставлены во время Татарскихъ Царей, и они должны были быть стражею и хранителями сего мѣста, по ихъ старинному обычаю; вскорѣ послѣ возобновленія каменной палаты, пришли туда селиться предки нынѣшнихъ Билярскихъ жителей, кои пригѣсняя Татаръ жившихъ у гробницъ ихъ свяшаго, довели наконецъ до того, что они оставя сіе мѣсто, избрали себѣ иное жилище; а палата будучи безъ призрѣнія, а при томъ и разрушаема новыми жителями, пришла въ конечное опустошеніе. *см: могилы.*

Кладъ, когда покажется въ ночное время, или въ день одному какое живописное, или теплющаяся свѣча, то должно по той вещи легохонько ударить, и сказать *аминь, аминь разсылся*, которая и оборотится коплombъ, или кубышкой съ деньгами, а сіе называется кладъ; коплы обыкновенно находятъ по явленію какогонибудь живописнаго, на полѣ, въ лѣсу, или въ саду, и такая экспедиція бываетъ опасна, и сопряжена со многими страхомъ, ибо въ то время, какъ вынимаютъ котель, выбѣгають изъ лѣсу черти, и кричатъ, рѣжь, бей, губи; при такомъ случаѣ берутъ все-

гда въ помощь колдуна. Клады полагають такіе суевѣры и не объявляютъ оныхъ, и при самой своей смерти, кои вѣрятъ, что и на томъ свѣтѣ пользоваться симъ имѣніемъ могутъ.

Кликуши, бываютъ кликушами вдохновенныя, или испорченныя женщины, кои приходя въ нѣкоторое неистовство, плещутъ всякой вздоръ, и дѣлають иногда пророчества, онѣ кричатъ голосами разныхъ животныхъ по временамъ, и выкликають того имя, кто ихъ испортилъ.

Клюква, Раскольники изъ Брынскихъ дѣсовъ, когда кого не могутъ уговорить лестію къ ихъ ерешичесству, то дають ягоду клюкву, напоенную нѣкоторою оправою, которую ежели кто свѣсть неопытное получитъ желаніе итти въ Брынскіе скипы; а когда кто свѣвши оную увидитъ огонь, то пришедъ во испугленіе ума, бросается во оной, ибо представится ему рай и Ангелы во ономъ сѣдѣшія.

Колюка трава, когда дымомъ сей травы окуришь ружье, то никакой колдунъ заговорить его не можетъ.

Коляда, идолъ его былъ въ Кіевѣ, и почитали его богомъ мира, праздникъ его совершали 24 Декабря играми, веселѣмъ и пированіями, въ коихъ не оставляли упомясть

пре
леж
дамъ
не о
идол
назы
на к
черу
ходя
бую

(*)
Вино
Что
Что
Что
Воро
Подв
На д
Во не
Во в
Во ш
Что
Что
Что
Да д
Съ б
Да д
Съ в
Под
Наша
А все

преляяныя обрядовъ, и идолу Туру принадле-
 жающихъ; но и нынѣ по нѣсколькимъ горо-
 дамъ и деревнямъ въ память идола Коляды
 не оставляютъ, также безъ употребленія
 идолопоклонническихъ обрядовъ. Въ день
 называемый сочевникъ, то есть 24 Декабря
 на канонъ дня Рождества Христова, въ ве-
 черу собираются нѣсколько дѣвокъ, и при-
 ходя подъ окно къ каждому покупъ осо-
 бую для того дни пѣсню (*), упоминая

Л 5

имя

(*) Прилѣваютъ каждому хозяина и хозяйки имя:

Виноградъ красно, по чему спознашь,
 Что Устиноеъ домъ Малафеевича,
 Что у его у двора все шелкова права,
 Что у его у двора все серебряной шынѣ;
 Ворона у него дощаныя,
 Подворошнички рыба зубья;
 На дворѣ у него да шри шерема:
 Во первомъ шерему да свѣтѣль мѣсяцъ,
 Во второмъ шерему красно солнышко,
 Во третьемъ шерему, часты звѣзды;
 Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиноеъ домъ,
 Что красно солнце, то Улиша его,
 Что часты звѣзды, малы дѣпушки,
 Да дай Боже Устину Малафеевичу
 Съ борзыхъ коней сыновей женишь;
 Да дай Боже Улишѣ Хавроньевнѣ,
 Съ высока шерема дочерей выдавашь,
 Подари государь колядовщиковъ,
 Наша коляда ни рубль, ни полшина,
 А всего полъ-алшына.

имя коляды, что и называется колядуютъ, за что обыватели даютъ имъ нѣсколько денегъ; а опѣ того и во всѣ святыя вечера, начиная отъ Рождества до Крещенія, въ честь свѣхъ же идоловъ коляды и шура, поютъ такъ называемыя подблюдныя свѣсни, дѣлаютъ игрища, наряжаются въ хари, одеваются чертями, гадаютъ и льютъ олово и синецъ въ воду и въ свѣгъ.

Комета, явившаяся и проходящая комета, а особливо съ хвостомъ, значить въ простомъ народѣ общественное несчастіе, то есть моръ, голодъ или войну и прочая.

Конь, см: лошадь.

Коронація, непросвѣщенные люди вѣряютъ, что ежели государь вступающій на престолъ коронуется въ то время, когда одевается листомъ лѣсѣ, то во время владычествія его государство будетъ изобиловать всемъ, то есть, людьми, хлѣбомъ и богатствомъ; а когда въ то время, когда лѣсѣ роняетъ уже свой листъ, то не такъ можетъ быть изобильно.

Корсъ или *Корша*, божество Кіевское: его признавали богомъ болѣзней и свѣхъ припадковъ, и жертвовали для отвращенія оныхъ.

Кость невидимка, должно отыскать черную кошку, на которой бы ни единого волоса

ГОЛОС
ОНУК
ЛОЖА
И КА
СМОИ
ПОИ
ДИИ
ХОДИ
АНШ

К
УМЫ
ЯВЯ
БУДУ
РЫЛО
ШОМ

ПО
ВНЫМ
ПРѢ

К
ЖЕНЦ
ВЪРА

СМ:

КУЕШ
СІЕ
ЖИВУ

голоса не было другого цвѣта, и сваривъ одну, выбрать всѣ кости, а потомъ положить ихъ всѣ передъ зеркало, сѣсть самому и класть каждую кость къ себѣ въ ротъ, смотря въ зеркало, когда же та кость попадетъ, то самъ себя въ зеркалѣ не увидишь, и съ сею то костью можешь уже ходить куда хочешь, и дѣлать что изволишь, будучи ни кѣмъ не видимъ.

Кошка моется, когда кошка станеть умываться къ себѣ лапою, то тѣмъ предвѣщаетъ, что къ хозяину въ тотъ день будутъ гости, а когда спитъ подвернувши рыло подъ брюхо, то предвѣщаетъ лѣтомъ непогоду, а зимой морозы.

Кровь, кому во снѣ пригрезится кровь, то значить, что имѣть свиданіе съ кровнымъ, то есть родственникамъ, который прѣдетъ издалека.

Кудо-Шоче-Наба: богиня Черемискихъ женщинъ, почитается богинею родинъ. см: *вѣра*.

Кудорча, Черемискій богъ плодородія, см: *вѣра*.

Кузнечикъ куеть, кузнечикъ, который куеть иногда по угламъ въ горницѣ, то сіе значить, что обыкновенно выживаетъ живущаго изъ дома.

Куклы,

Куклы: Опяки въ знакъ почтенія опмѣнныхъ у нихъ людей, дѣлаютъ во образъ ихъ куклы, и спавятъ вмѣстѣ съ идолами, а вдовы кладутъ иногда пакія мужей ихъ представляющія куклы съ собою въ постелю, да при томъ когда сами ѣдятъ, не забываютъ и имъ удѣлять своей пищи.

Кукушка: птица сія признается пророческую, и когда она кричитъ въ лѣсу, то бабы загадываютъ, сколько имъ жить, а потомъ сколько она разъ прокричитъ, то и вѣрятъ, что столько той бабѣ и лѣтъ жить.

Кулало: божество Славянское: сей идолъ почитался претѣмъ по Перунѣ. Въ началѣ жатвы, въ день праздника его, то есть 24 Юлія и 29 погожѣ мѣсяца приносили ему жертвы: опроки и дѣвицы, также мужи и жены собиралися въ вѣнкахъ и поясахъ, изъ нѣкоей правы сдѣланныхъ или изъ цвѣтовъ, раскладывали огонь, и взявшись за руки плясали около онаго, и чрезъ него перепрыгивая, припѣвая въ пѣсняхъ своихъ идола Купалу. А въ день Петра и Павла дѣлали при пѣхъ же обрядахъ и качели, скакали на доскахъ и прочая, отъ котораго празднества и святая Агрипина прозвана купальницею, см: Аграфенинъ день.

Кургу-

живу

К
пѣту
ину
не п
отве
пако
холм

К
ужин
ѣсть
и оп
что
голо

Ла
и вес
сил
нес
велик

динн
на ко
ладо
взят
въ со
и нос
щаст

Кургубуртъ-Юла, божество Черемисъ живущихъ въ Башкирїи. см: *вѣра*.

Курица поетъ: у кого курица вспостъ лѣтухомъ, то симъ предзнаменуется хозяину какое нибудь несчастіе, что называется *не передъ добромъ*, и тогда курицѣ той отвертываютъ голову съ произношеніемъ таковыхъ словъ: *не пой курица лѣтухомъ*, или *на свою голову залѣла*.

Кусокъ хлѣба, ежели кто обѣдая или ужиная, опломивъ кусокъ хлѣба, будетъ ѣсть, и не доѣвъ его забывшись оставивъ и опломитъ другой, то сіе знаменуетъ, что кто нибудь изъ родныхъ его пернитъ голодъ.

Лада, Славенская богиня браковъ, любви и веселія: каждая сочетавающіяся приносили ей жертву, надѣяся получить отъ нее щастіе въ супружествѣ; имѣла она великолѣпный храмъ въ Кіевѣ.

Ладонка или *мошонка*: простолоудины привѣшиваютъ ее на потъ шнурокъ, на коемъ носятъ крестъ и кладутъ въ нее ладонь, вѣря что ни колдовство, ни уроки взять его не могутъ; а когда кто роился въ сорочкѣ, то и оную кладутъ шупъ же и носятъ таковыя ладонки по смерть для щастія.

Ладонь

Ладонь чешется: когда у кого за-
свербитъ ладонь, то примѣчаютъ, что не-
ожиданно въ тотъ день щитать ему деньги.

Ласточка: ежели кто убьетъ ласточку,
пиголицу, голубя или синичку, то увѣря-
ютъ, что тотъ въ скопѣ щасія имѣть
не будетъ. *см.*: воробей.

Лейбъ-Олмай: Лопари признаютъ сего
идола богомъ звѣроловительства. *см.*: *вѣра*.

Лихорадка: простолюдны увѣряютъ,
что сихъ лихорадокъ девять сесиръ: онѣ
крылаты и непріязненны челоѣческому
роду; содержатся въ земныхъ челюстяхъ,
на цепяхъ, и когда ихъ спускаютъ, тогда
безмилости нападаютъ на людей. Онѣ столь
вредны, что когда имъ много дѣла однимъ
мечтательнымъ поцалуемъ причиняютъ
трясавицу и обитаютъ во одержимыхъ
лихорадками; щасливъ тотъ, когда при-
коснешя къ кому лихорадка во время много
немоществующихъ, ибо они будучи заняты
дѣломъ, отъ одного больнаго къ другому
перелезая, не такъ долго трясутъ и да-
ютъ отдыхать болящимъ; а въ самыя се-
сперъ недосуги, приходитъ иногда черезъ
день, черезъ два и при. Лихорадки боятся
собачьихъ удавокъ, свинныхъ гнѣздъ и проч.

Лошадь: когда въ дорогѣ распряжется
лошадь, то вѣряютъ, что сдѣлалось въ домѣ
не

незд
что

копи
вой
низн
ства
нося

бипи
его
всѣ

Мавр
бога
изъ

любл
богом
браш

лѣзн
един
къ ш
сѣчь
онѣ
стар

нездорово: а большею частію признають, что жена учинила мужу неврность.

Луна: Мордва почитаетъ мѣсяцъ нѣкопорымъ божествомъ, и увидя его въ первой разѣ новой, кланяются и просятъ, чтобъ низпослалъ имъ во время своего правительствва щастіе, только жертвы ему не приносятъ.

Лучина: ежели кто имѣетъ привычку битъ домашнихъ своихъ лучиною, то весь его домъ будетъ нездоровъ и изсохнетъ всѣ такъ какъ лучина.

Леда: подъ симъ именемъ по сказанію Мавробины, почипали нѣкопорые Славяне бога войны, имя его произведено кажется изъ слова ледъ или леденеть.

Лельо, сынъ Ладинъ: нѣжный богъ любви и веселія, онъ почипался у Славянъ богомъ воспламененія любовной спрасни, а братъ его Дидъ богомъ отвращенія.

Летучій огонь: такъ называемая болѣзнь случается у дѣтей, то избираютъ единороднаго сына или дочь, и велятъ ему къ тому мѣсту изъ кремня и огнива присѣчь огонь, и увѣряютъ, что болѣзнь она отъ того минется безъ всякихъ другихъ стараній.

Лѣшій,

Лѣшій: увѣряють, что лѣшій суть мужеска и женска пола огромной величины, когда ходятъ они между правою, то спановятся съ ней равны, а когда бѣгають по лѣсамъ, сравниваются съ высокою оныхъ; кричатъ ужасно, хлопають въ ладони, и откликаются на голосъ, когда аукають; ходящихъ по лѣсу людей обходятъ кругомъ, чѣмъ затмѣваютъ ихъ память, и принуждаютъ заблуждаться до ночи; а потомъ уносятъ въ свои жилища, еѣшаются они въ лѣсахъ по деревьямъ; у поселянъ работающихъ въ лѣсу просятъ пирога; а взявши опходятъ и кричатъ ужасно **ШОЛЬ, да нашоль;** равномерно уносятъ малыхъ ребятъ въ свои подземныя жилища, и шамъ ихъ содержатъ, изъ коихъ иные чрезъ нѣсколько лѣтъ освобождаются посредствомъ нѣнїя молебновъ, ежели они только будучи у лѣшнихъ въ гостяхъ ничего не ѣли. Лѣшіе всѣ косматые, и великіе охотники до женскаго пола; уносимыя ими ребята бывають по возвращенїи дики, и насилу привыкають говорить и съ людьми обращаться, коихъ лѣшіе сами выносятъ на то мѣсто, гдѣ взяли. Ежели лѣшій въ лѣсу обойдетъ, и человекъ дорогу потеряетъ, то должно все имѣвшееся на немъ платье выворотить и вздеть на изнанку, то пронадаетъ обойденїя сила, и человекъ сыскаетъ дорогу, лѣшаго избавишься можетъ. Снѣ страшилища почтѣлися опѣ древнихъ
Сла-

Слава
ють
живе
и па
и пр
ваеш
заду

спви
урал
багор
лики,
излов
мѣня

прех
ють
щими

М
тели
берега
ряютъ
чешве
ваеш
кости

М
лась

Славяны лѣсными богами. Вотъ какъ называютъ лѣснаго Аида и увѣряютъ, что онъ живетъ въ лѣсу. У него одна нога, да и та наизворотъ нога, одинъ большой глазъ и превеликая пищка, которую впискиваетъ онъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушиваетъ.

Лягушка, Яицкіе козакъ вѣрятъ дѣйствительно, ежели во время багренія на уралѣ рыбы, попадется кому лягушка на багорѣ, которыя бывають тамо весьма велики, потѣ во всю зиму ни одной рыбы изловить не можеть, хотя будетъ переиѣнять багры и мѣста. *см:* муравейникъ.

Мадеракко, богиня, имѣющая у себя прехъ дочерей. Лопари вѣрятъ и признають сихъ богинь устроющими и судящими всѣ женскія дѣла. *см:* вѣра.

Мамонтовая или слоновою кость, жители по рѣкѣ Дону, находя слоновою по берегамъ кости, вѣрятъ и другихъ увѣряютъ, что есть великій подземельный четвероногий звѣрь, котораго бытіе открывается послѣ его смерти, то есть оныя кости не слоновою, но того звѣря.

Марцана, Славянская богиня, почиталась оная богинею жатвы.

М

Масле-

Масленица, вмѣсто предбуготовленія себя воздержаніемъ къ понесенію великаго и строгаго поста, простолоуины почти всю оную недѣлю имѣютъ безъ снятия наполненный столъ особымъ на сей недѣль приуготовляемымъ кушаньемъ, какъ то разнаго рода блинами, оладьями, пряженцами и прочимъ, которое все вообще называется масленицею, и отъ утра до вечера оставя прочія упражненія, пьютъ, и ѣдятъ. Ходятъ ко всѣмъ для прощанья; а къ кумамъ и кумамъ носятъ превеликіе пряники, и также большіе косяки мыла; катаются на горахъ въ различномъ и сибшиномъ одѣяніи, также въ харяхъ и маскахъ. Въ послѣдній вечеръ сырныя недѣли не должно, ни огню разводитъ, ни свѣчь зажигать.

Мастеръ - Пасъ, Мордва подъ именемъ симъ почитаетъ нѣкоего идола, и приноситъ ему въ жертву черную корову, такъ какъ Пасъ - Ачускаю рыжую.

Медвѣдь, Остяки и другіе идолопоклонники звѣря сего почитаютъ особливо, предопредѣляютъ ему послѣ смерти, такую же по крайней мѣрѣ, какъ и себѣ участь. По убіеніи его поютъ извинительныя пѣсни, и оказываютъ повѣщеннымъ шкурамъ много учтивости, дабы они въ царствѣ мертвыхъ имъ не мстили.

Ме-

дѣла
изъ
корн
спав
вапѣ

мери

кно
небо
свер
что

созы
врем

обык
въ к

окна
кром
слан

быва
прин

жавъ
Свер

мѣсн
пор

прим
гда

Мече
мног
своду

Медюнъ, лакомая Бухарская пища, дѣлается на подобіе нашихъ маковниковъ, изъ полченаго маку съ медомъ и пряными кореньями. Кто поѣсть Медюна, тотъ спановится послѣ онаго веселья и замысловатъ.

Мертвецъ, пригрѣзвившійся во снѣ мертвецъ значитъ, что будетъ снѣгъ.

Мечеть, Магомеданскія мечети обыкновенно строятся четвероугольными, съ небольшими башенками по четыремъ угламъ, сверхъ которыхъ мучины, которые нѣчто иное, какъ наши церковныя старосны, созываютъ народъ къ службѣ Божіей во времена опредѣленныя закономъ. Сіи мечети обыкновенно бывають внутри съ сводомъ, въ которыя свѣтъ проходитъ чрезъ многія окна; ничего въ нихъ больше ни находится, кромѣ ковровъ и соломенныхъ рогожъ посланныхъ на землѣ вмѣсто скамей, каковы бывають въ нашихъ церквахъ, на которыя пришедши къ службѣ Божіей, садятся поджавъ ноги по восточному обыкновению. Сверхъ сего есть еще одно возвышенное мѣсто, на которомъ Имамъ или попъ, которой отправляетъ службу, садится. Сіе примѣчено, что оное мѣсто дѣлается всегда къ той сторонѣ, которая къ Меккѣ. Мечети освѣщаются въ noctное время, чрезъ многое число паникадилъ прицепленныхъ къ своду на копейное деревко вышиною

прочемъ въ Магометанскихъ мечетяхъ все весьма чисто; а люди, которые въ нихъ входятъ, наблюдають прилѣжно, чтобъ башмаки свои оставлять при дверяхъ, чтобъ не замарать пола. Когда нѣтъ золота и прочихъ украшений, которыя въ богатыхъ видятся мечетяхъ, въ убогихъ, по крайней мѣрѣ выбѣлены преизрядно бывають стѣны, на которыхъ многія мѣста изъ алкорана расписаны. Предъ мечетемъ обыкновенно дѣлается небольшое четверугольное мѣсто окруженное преизрядно выбѣлеными галлериями, гдѣ также видится написано имя Божіе, съ главными его свойствами на многихъ мѣстахъ; а по срединѣ сего мѣста сдѣланъ фонтанъ, чтобъ пѣ, которые входятъ въ мечеть, всегда могли чинить свои омовенія опредѣленные закономъ. Которые хотятъ быть Имами и Муллами, пѣ всеконечно должны знать Арапской языкъ, потому что весь алкоранъ написанъ симъ языкомъ; а сверхъ сего надлежитъ имъ читать, хотя нѣкоторую часть наилучшихъ толкованій на сію книгу. Въ мечетяхъ читается алкоранъ всегда по Арапски, хотя подлой народъ Турецкой, Персидской и Татарской не разумѣетъ ни слова на семъ языкѣ. Кажется, что духовные Магометанцы возлюбили такимъ же способомъ Арапской языкъ, какъ и Каполики Латинской. Однако у Магометанцовъ хотя уже сіе чинится для неразумія простаго на-

наро
рое
дно
пол
ков
Има
у К
Мула

денн
при
его
ваю
кое
перв
паю
часн
мѣл
разр
хон
вѣр
пал

Иже
зар
пом
так
пом
ски
Иже

народа, что Мулла, прочитавши нѣкоторое изъ алкорана мѣсто опредѣленное тому дню, обыкновенно прибавляетъ небольшое похваление на простомъ языкѣ, для тѣхъ, которые не разумѣютъ Арапскаго языка. Имамъ у Магометанцовъ не что иное, какъ у Каполикковъ первой приходской попѣ, а Мулла, какъ докторъ Богословіи.

Младенецъ, когда кто похвалитъ младенца, то мать облизываетъ ему лице по три раза и плюетъ на землю, дабы уроки его не взяли; въ томъ же намѣреніи обмываютъ его всегда передъ спаньемъ во всякое время; а когда начинаетъ ходить, и первый разъ переступитъ ногами, то хватаютъ скорѣе ножъ, и рѣжутъ онымъ ту часть пола, которая случится тогда промежь его ногами, знаменуя тѣмъ, что они разрѣзываютъ, или разрѣшаютъ его нехождение; а таковой поспѣшностію и суетвѣремъ часто опрѣзываютъ у младенцовъ пальцы.

Могилы, по погребеніи покойника, Ижерцы ночью носятъ на могилы пицу, и зарываютъ ее во она, вѣря, что и на томъ свѣтѣ люди жить должны такъ же какъ и здѣсь, для чего и пица имъ попребна; а какъ могилы ихъ весьма плоски, то оную пицу вырываютъ собаки; Ижерцы же думая, что то сѣдаютъ мер-

твые для того и много разъ оное повто-
ряютъ. Черемисы всякому умершему завя-
зываютъ въ поясъ по нѣскольку копѣекъ,
да сверхъ того надѣляютъ его посудою
и другими домашними надобностями, кла-
дутъ палку, чтобъ было чемъ оборониться
отъ собакъ и пучекъ розовыхъ лозъ, который
по ихъ мнѣнiю отвращаетъ злыхъ духовъ.
Всякой провожатой за горящими на могилѣ
свѣчами сѣдаетъ свой блинъ, и откуся
три куска отъ онаго кладетъ на могилу,
и говоришь *это тебѣ пригодится*; до вы-
носу покойникова горитъ передъ нимъ
восковая свѣча, а на груди лежитъ пирогъ.
Въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, про-
исходящъ общiе поминки: всякъ засвѣтя на
гробахъ свойспивенниковъ своихъ свѣчи, ѣспитъ
на оныхъ мясо или пирогъ, да и покойни-
камъ по небольшой долѣ оставляетъ на
могилахъ. По зарытiи покойника въ землю,
скачутъ иные народы черезъ огонь, вѣря,
что смерть и душа покойника слѣдовавъ
за ними уже не можетъ.

Изнемогающаго и при послѣднемъ изды-
ханiи находящагося Татарина посещаетъ
Мулла, и читаетъ надъ нимъ молитвы изъ
адкорана, до тѣхъ поръ, пока не уснетъ.
Умершаго обмываютъ муццину муцины, а
женской полъ старухи, и въ награжденiе
себѣ получаютъ все, что при смерти на
покойникѣ ни было. Обмывъ обвертываютъ
холстомъ въ три ряда муццину, а женщину
въ

въ и
жнѣ
извѣ
вою
гиль
моли
рядк
лиш
доск
ной
закл
а ос
гил
по р
шав
за
выс
шак
юне
По
юне
чему
шак
град
пол
ком
про
шес
чнѣ
снѣ
как

въ пятеро; собираются всѣ знаемыя, ближнія, и сосѣди мужеска пола, и выносятся изъ дому на лубкѣ, или доскѣ вонъ головою. Не доходя шаговъ съ сорокъ до могилы, оспанавливаются и начинаютъ всѣ молиться Богу на полдень, такимъ же порядкомъ, какъ въ мечетѣ. Проговоривъ молитвы спаявъ покойника въ могилу на доскѣ или лубкѣ, гдѣ ему дѣлаютъ особенной погребъ въ боку, и проходъ въ оной закладываютъ, или досками, или лубьемъ, а оспальное отверстие засыпаютъ. Съ могилы семью умершаго уже не посещаютъ, но расходясь по домамъ: ибо послѣ умершаго иршествовать прежде трехъ дней за грѣхъ вмѣняется; да и домашнимъ первые три дни заготовлять для себя пищу, также не безъ грѣха, по чему они и питаются только подаянїемъ своихъ сосѣдей. По прошествїи трехъ дней, уже собираются въ домъ умершаго всѣ знакомыя, къ чему приглашается и Мулла, который читаетъ по умершемъ въ дому молитву. Награжденїе Муллѣ бываетъ, кромѣ денежнаго подаянїя, кожи всѣхъ шѣхъ живошныхъ, которыя на поминовенїе закалаются.

Другїе поминки бываютъ у нихъ по прошествїи семи дней, а претвы по прошествїи сорока дней: ибо они думаютъ, что въ сіи дни душа ходитъ по мытарствамъ, и приходя въ домъ свой смотритъ, какъ ея поминаютъ; по чему и Му-Азинъ

не остается безъ плащы; онъ получаетъ все оставшееся послѣ покойника, что бы каждый вечеръ надъ могилою, или въ своемъ домѣ читалъ просительныя молитвы на пользу умершаго.

Когда Калмыкъ часуетъ, то приходятъ къ нему Гелюни, и читаютъ свои молитвы, при чемъ бываетъ и нѣкоторый родъ исповѣди, и молитвы продолжаются до послѣдняго Калмыцкаго издыханія; а какъ скоро умретъ, то Гелюнь, что бы болѣе удостовѣриться о смерти, спавитъ на столъ зеркало, и небольшую дорожку къ оному усыпаетъ золою, приказывая душѣ умершаго, чтобъ она никакихъ слѣдовъ на сей дорожкѣ не оставляла; и когда прозорливый Гелюнь ничего такого не приметъ, указываетъ душѣ по своему Сударю, по какому пути она пѣшешествовать должна. Тогда приходятъ сродники и ближайшія, и поютъ обыкновенную голосистую надгробную пѣснь. Гелюнь разсматриваетъ еще свой сударь, и опредѣляетъ куда усанадобить покойника. Имя, годъ и число его рожденія, день и часъ его кончины опредѣляютъ ему похороны. На инаго падаютъ жребій, что бы разтерзану бытъ звѣрями и хищными птицами; другому быть снѣдью рыбамъ; третій сожигается въ пепелъ; а четвертаго предають земаѣ. Послѣднихъ обертываютъ въ восчаную бумагу всѣ члены, и зарываютъ въ земаю со всемъ его воинскимъ

ским
щамъ
коп
брос
звѣ
вид
Но
ющ
уно
воор
щамъ
дер
сего
Уме
кни
звен
погр
щен
ша
ро
шво

бою
проч
прив
чен

онъ
имъ
дѣла
калю
осна

скимъ снарядамъ, куда принадлежитъ пищаля, лукъ, стрѣлы, сабля и сѣдло; а пѣхъ, которыхъ Калмыцкая судьба опредѣлила бросить въ воду, или повергнуть на сѣдь звѣрямъ, зброю кладутъ въ капищахъ, по видимому для вооруженія Бурханскихъ силъ. Но Черноярскіе козаки и другіе проѣзжающіе, не рѣдко сіе суевѣріе въ свою пользу употребляютъ. Напротивъ того Калмыки вооружаютъ себѣ нѣкоего надъ сими вещами скрыпнаго пристава, который всѣхъ дерзающихъ похитить, что нибудь изъ сего освященнаго мѣста казнить смертію. Умершихъ никогда они не выносятъ изъ кибишки въ двери, но поднимаютъ одно звено съзади, куда и вышаскиваютъ. Надъ погребенными ставятъ четыре шеста, обращенные на всѣ части мѣра; на шестахъ вѣшаютъ значки съ надписью, года и числа, рожденія и кончины покойника съ молитвою къ Бурханамъ.

Оспавшееся имѣніе дѣлятъ между собою ближайшіе сродники, какъ то дѣти и проч. на равныя части. Кибишку со всемъ приборомъ получаетъ Гелюнь и прочіе причетники.

Ханы и другіе знатные владѣльцы отъ похороннаго жребія исключаются, но имъ Калмыцкая судьба отъ вѣка predetermined по смерти быць сожженнымъ, выключая одни головныя кости, которыя съ оспальнымъ пепломъ кладутся въ золотой

сосудъ, и отсылаются къ Далай Ламбъ, гдѣ всѣ ихъ угодники опочивають, и которыхъ они Благочи называютъ. Сосудъ наполненной Ханскимъ пенломъ должны провозашь и великіе подарки, дабы умилоствити ихъ свящнню и изходапайспивовати вѣчное Хану блаженство. При такихъ случаяхъ и многіе заживочные Калмыки посылають дары своимъ угодникамъ, Далай Ламбъ и всему его прибору для благоденствія своей душѣ и отшедшей брапнн. Оптуда возвращающіеся привозяпъ извѣстіе, гдѣ чей сродникъ находипся, въ какомъ именно раю или мукѣ, и какими средствами можно кого избавити отъ муки; ибо Далай Лама, по ихъ суевѣрнню, получаешъ обстоятельныя извѣстія отъ своего гаданія о всемъ, что на ономъ свѣпнѣ ни производипъ, и можетъ своимъ предспательствомъ избеззаконника произвестъ въ святыя.

Чуванпнѣ кладуть своихъ покойниковъ въ худыя гробы во всемъ одѣянн, и похороняють оборопн головою къ западу. Сказывають, что еще и нынѣ кладуть они муцннамъ во гробъ всякую мѣлочъ, а нанпаче лапши, кочатыкъ, ножикъ, нѣсколькыкъ и огннѳ. Общее кладбище, которое выбирають они въ отдаленн, какъ отъ деревни, такъ и отъ Керемеша, и отъ всѣхъ большихъ дорогъ, называшся у нихъ Мазарѣ. Трижды отпращають они погребеніе своего сродника, и къ тому нынѣ назы-

нази
сем
ни
они
шк
въ
ныя
дол
кой
мяс
жер

они
кол
мер
кры
но
сѣво
емн
всем
оной
мог
ваго
пѣв
всѣ
кнх
вире
шей
мог
поч
мом
гдѣ

называютъ среду на спраспной недѣлѣ, семикъ, то есть четвертокъ передъ пятицею, и 8 число Ноября, которое Юбуихъ они называютъ; въ сей послѣдній день, не токмо приносящъ у могилы жершву, но и въ головахъ у покойнаго ставящъ деревянные столбы. Выкопавъ яму, въ которую должно столбъ поставишь, бросаетъ всякой изъ находящихся при томъ по куску мяса, и вливаютъ нѣсколько браги, потомъ жершву ѣдятъ пьютъ и веселятся.

Для погребения мертвыхъ копаютъ они могилы, или вколачиваютъ въ землю колья, переплетаютъ хворостомъ, кладутъ мертваго по верхъ земли въ платье, покрываютъ вѣшьями и засыпаютъ землю, но подлѣ головы обыкновенно лежащей къ сѣверу, вколачиваютъ подстой колъ, и не вынимаютъ онаго до тѣхъ поръ, пока со всемъ сдѣлаютъ могильной бугоръ; а какъ оной колъ вынутъ, то остается дыра въ могилѣ. Въ каменистыхъ мѣстахъ складываютъ они кучу камней надъ мертвымъ тѣломъ, потому не удивительно, что во всѣхъ селеняхъ находится множество такихъ могильныхъ бугровъ, коихъ число и впродъ умножашься будещъ, однако по большей части хоронятъ они мертвыхъ около могилъ тѣхъ усопшихъ, коихъ за святыхъ почитаютъ, и при томъ подлѣ старыхъ мечетей, а особливо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже много старыхъ могилъ находится.

Погре-

Погребеніе умершему Черемису бываетъ такимъ образомъ. прежде всего обмываютъ умершаго водою, по обычаю другихъ народовъ; потомъ надеваютъ на него чистую рубашку, онучи и лапти, что все должно быть сдѣлано изъ новаго полотна, и въ самый день смерти его. Могилу выкапываютъ въ общинѣ ихъ кладбищахъ, и вырывъ яму ставятъ въ нее три доски, между которыхъ кладутъ мертвое тѣло, и съ нимъ вмѣстѣ ножикъ, кочетыкъ, (дабы пришедъ на томъ свѣтъ, могъ плести себѣ лапти), деревянную палочку (*), и пукъ прутьевъ изъ шиповаго дерева; а сіе для того, что бы нечистый духъ не прикасался къ тѣлу мертваго: ибо по мнѣнію ихъ, демонъ опасается сихъ прутьевъ. Между тѣмъ, когда происходятъ сіи странные обряды, подходятъ родственники къ мертвому тѣлу и непрестанно говорятъ: *итлютъ вестюнза каниъ манышъ, то есть, ничего не бойся мертвый*. Не понимая и не могли отъ нихъ узнать, къ чему такія увѣренія безчувственному тѣлу, вопрошающимъ. Отверстаются они: что мы возрасли при сихъ обрядахъ безъ всякаго разумѣнія, а только слѣдуя примѣру

опцовъ

(*) Палочку съ умершимъ кладутъ съ такимъ намереніемъ, чтобы онъ могъ оборониться отъ лютой псины, которая находится въ томъ свѣтѣ, гдѣ онъ по смерти обитаніи долженъ.

опцовъ
не
кры
часъ
сына
наго
юшъ
вели
поме
браж
а по
живи
бран
ихъ
обря
рвы
ваю
для
сея
расп

всена
но в
и ма
лою

(*) Не
шев
чсн

опцовъ нашихъ, хранимъ, ни мало ихъ не нарушая. Совершивъ сїи обряды покрываютъ мертвого кавканомъ, и тотчасъ засыпаютъ его землею. Поверхъ засыпанной могилы кладутъ часть испеченнаго хлѣба (*), и вокругъ его наспавливаютъ столь много зажженныхъ свѣчь, сколь велико число изъ дому умершаго прежде померло. Сими свѣщами на тотъ часъ изображаютъ они подобіе умершихъ предковъ, а потому и говорящїи слѣдующія слова: *живите на томъ свѣтѣ согласно и не бранитесь между собою.* Сколь странны ихъ различныя дурачества во всѣхъ ихъ обрядахъ, то смѣшнѣе еще сїе, что они зарывши въ землю мертвое тѣло, огораживаютъ могилу на подобіе околицы; а сїе для того, чтобъ мертвый не выходилъ изъ себя ограды и не топталъ бы на ихъ поляхъ растущаго хлѣба.

Женщины, какъ я уже упомянулъ, при всенародныхъ празднествахъ не бывають; но во время похоронъ допускаются жены и мать умершаго, кои плачучи надъ могилою одѣляютъ деньгами бѣдныхъ людей.

Черезъ

(*) Испеченной хлѣбъ кладутъ для того, дабы умершей пришедъ на мѣсто, которое для него назначено богами, имѣлъ бы на первой случай пищу.

Черемисы думаютъ, что души умершихъ преселяются въ другой свѣтъ (*), о коемъ они инаго понятія не имѣютъ, какъ только заповрженое имя его. Злые и не чтущіе боговъ въ жизни своей будутъ посажены въ нѣкую черную землю, гдѣ будутъ чувствовать непрестанной хладъ и поску: напротивъ того люди праведные и добродѣтельные будутъ обитани въ свѣтломъ мѣстѣ. Все ихъ удовольствіе должно состоятъ въ томъ, что они будутъ бессмертны и безъ болѣзней, и что они будутъ неразлучно съ тѣмъ семействомъ, которое ими было любимо на земли; они будутъ имѣть множество скота и пчелъ; но при всемъ томъ должны они пахать пашню и исправлять другія крестьянскія работы.

Въ четвертокъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста, бывають у нихъ всеобщія поминки и обряды, при семъ употребляемые, какъ у Черемисъ, такъ и у Чувашъ между собою во всемъ сходны. Они избравъ

ка-

(*) Ничто такъ не сходно съ обычаями древнихъ Скифовъ, какъ размышленія Черемисъ о смерти: ибо какъ тѣ; такъ и другіе счищаютъ, что смерть есть не что иное, какъ случай ведущій къ другой жизни, что они оставя сей свѣтъ, вспунаютъ въ предѣлы мира, усироеннаго на небесахъ; гдѣ принявъ новое бытіе, будутъ жить въ тѣхъ же сластолюбивыхъ и зобопахъ, коимъ подвержены были на земли.

как
жизн
дѣл
исп
свар
ре
же
Чер
свѣ
ро
жен
чно
на
св
мал
саю
тел
ил
спр
чан
мѣс

так
что
въ
ш
коче
вещ
ихъ
ш
ихъ

какую нибудь пустую храмину, а иногда и жилую избу, становящѣ при дверяхъ ея двѣ деревянныя чаши: въ одну кладутъ испеченные блины, а другую наполняютъ сваренымъ пивомъ; предъ ними кладутъ березовое полено, которое обспиваютъ множествомъ восковыхъ свѣчь: ибо каждой Черемисянинъ долженъ поставитъ столько свѣчь, сколько велико число умершихъ изъ роду его; а сіе для того, чтобы сей зажженный свѣтъ освѣщалъ ихъ въ томъ мрачномъ обиталищѣ, гдѣ они по мнѣнію ихъ на томъ свѣтѣ обитаютъ. Чаша стоящая съ блинами и съ пивомъ, наполняется еще малыми кусками и каплями, которыя бросаютъ и льютъ поминающіе своихъ родителей и при томъ говорящѣ: *умершіе имѣйте лицу и литіе*. По окончаніи сихъ страннхъ обрядовъ, выносятъ они обѣ чаши на дворъ, и выбрасываютъ на чистое мѣсто, гдѣ потчасъ сѣдаютъ оное собаки.

Босяки похороняютъ своихъ умершихъ такъ точно, какъ бы они за вѣрное знали, что они въ часъ смерти своей вступають въ другую жизнь. Они кладутъ съ нимъ топоръ, ножикъ, чашку, ложку, котелъ, кочедыкъ, новыя ланши, и тому подобныя вещи ими употребляемыя, дабы муртвый ихъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, пришедъ на мѣсто небеснаго жилища. Мнѣніе ихъ о душахъ человѣческихъ согласно съ

Чере-

Черемисами, и обряды погребенія являютъ то же самое невѣжество, которое свойственно народамъ покрытымъ тьмою идолослуженія, и водимымъ стремленіемъ пустаго и несообразнаго суевѣрія.

Киргизцы съ усопшими погребаютъ вмѣстѣ и ихъ оружіе, и могилы осыпаютъ камнемъ, землею, а иногда поставляютъ надъ ними зданія изъ дерева, или изъ дикаго камня сооруженныя. Посреди оныхъ включается тѣло усопшаго, положенное на коврѣ. Тамъ родственники и пріятели его, окруживъ оное, изъясняютъ знаки своего сокрушенія и горести, и внешнею молитву читаемую ихъ Муллою, который вмѣстѣ съ симъ моленіемъ прославляетъ добродѣтели усопшаго, его богатство и его храбрость въ военныхъ дѣлахъ. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія, наследникъ имѣнія усопшаго приготавливаетъ публичной пирѣ, употребляя при томъ слѣдующіе обряды. Онъ долженъ жертвовать при семъ празднествѣ нѣкоторою частію своего имѣнія, какъ то однимъ или двумя пленниками (*), шестидесятью или восьмидесятью верблюдами, панциремъ, десятию или двадцатию лошадьми, нѣкоторымъ числомъ барановъ и тому подоб-

(*) Пленниковъ вообще всѣ Киргизцы называютъ Ясырями. Ицкіе казаки именуютъ ихъ шакимъ же именемъ.

доб
то,
имѣ
жуп
наро
по
нан
и са
безм
дву
спар
заси
кихъ
на п
лиц
ѣжа
верс
скач
доб
рока
рис
ѣду
веч
ден
чина
ста,
корь
обд
Плѣ
посл
рямъ
всю

добнымъ. Основаніе сего празднества есть то, что бы сею частію поспавленнаго имѣнія награждать тѣхъ людей, кои окажутъ при семъ многочисленномъ спеченіи народа опмѣнное искусство въ ристаніи; по чему каждый приготавливаетъ для себя наилучшую лошадь, не исключая изъ того и самаго наслѣдника, но что бы сіе было безмятежно, то къ сему избираютъ они двухъ знатныхъ посредственниковъ изъ старшинъ своихъ, дабы тѣмъ удобнѣе было засвидѣтельствовано проворство сихъ дикихъ рыцарей. Одинъ изъ нихъ оспашетъ на томъ мѣстѣ, откуда начнется ристалище; другій тамо, гдѣ назначено имъ сбѣжаться. Не извѣстно имъ, коликое число верствъ составитъ то разстояніе, которое скажутъ они взапуски; но по словамъ ихъ надобно думать, что сіе дѣлаетъ не менѣе сорока верствъ: ибо приготавливающіяся къ сему ристанію обще со своими посредственниками, бдутъ съ начала весьма тихою ѣздою, съ вечера до полудни другаго дня; а въ сей день, когда сваливъ солнечный жаръ, начинаютъ скакать возвратно до того мѣста, гдѣ ожидаютъ ихъ иназначенныя имъ корысти; и гдѣ приготовленъ для нихъ обѣдъ и веселіе обыкновенное ихъ землѣ. Пѣнника такъ, какъ наилучшую вещь изъ поспавленныхъ въ награжденіе симъ рыцарямъ, беретъ тотъ, который опередитъ всю толпу народа, торжествующаго на

Н

семь

семь празднествъ; панцырь беретъ послѣдующій за нимъ, претей верблюда, четвертый кармазинный кавтанъ и хорошую шапку, пятый лошадь со всемъ приборомъ: послѣдние довольствуются лошадьми и баранами. Сверхъ сего наслѣдникъ имѣнія долженъ выставить на смотръ всему народу наилучшія сокровища усоншаго. Любимая его лошадь въ наилучшемъ своемъ убранствѣ, должна стоять покрыта чернымъ сукномъ; на другихъ лошадяхъ положены наилучшая его одежда, военные снаряды, богатые ковры и кибитки. Всѣ они по порядку привязываются къ протянутой веревкѣ: подлѣ нихъ стоявъ его жены надрывающіяся со слезъ, такожде и всѣ его пѣвники и пѣвницы. Сей обрядъ основанъ на томъ, что бы показать народу, сколь много приобрѣлъ онъ имѣнія во время жизни своей, и чрезъ то оставить его въ добромъ мнѣніи у всѣхъ бывшихъ свидѣтелями приобретенныхъ имъ корыстей. Надъ шюю кибиткою, гдѣ было жилище усоншаго, выставляется черный значикъ, въ знакъ сокрушенія оставшейся семьи.

Мода, сіе есть нѣчто весьма удивительное, и нѣмъ болѣе чудесное воображеніе, что въ нынѣшнія просіянные времена владѣнціи умами и размышленіями не суевѣрныхъ Россіянъ, и есть воображеніе приличное, предписывающее такія правила

вида
сѣмь
нае
гда
высо
добр
и уч
учен
имѣ
себѣ
пря
зума
спра
когда
добр
впан
кія
юшѣ
же
безоб
высо
почи
казе
для
мазь
Здѣс
уша
Перс
въ н
Здѣс
ки, а
шнва
рожу.

вила, что всякой не слѣдовать имъ не
 смѣетъ: а кто пропивится, тотъ изго-
 няется изъ общества, или пшутуется все-
 гдашнимъ дуракомъ. Мода есть выше всѣхъ
 высокихъ наукъ: она предпочищается уму,
 добрымъ человѣческимъ свойствамъ, чинамъ
 и учености, ежели вершонахъ ни чему не
 ученый, и добрыхъ качествъ ни чиновъ не
 имѣющій, взойдетъ въ компанію, имѣя на
 себѣ кавтанъ съ низкимъ лифомъ и большія
 пряжки, то принимается за человѣка ра-
 зумнаго, и жить въ обществѣ умѣющаго, не
 спрашивая объ немъ, кто онъ таковъ; а
 когда придетъ профессоръ, и при томъ
 добрыхъ свойствъ человѣкъ, но лифъ у ка-
 втана его высокъ, да при томъ и малень-
 кія пряжки, то въ шужь минути называ-
 ютъ его невѣжею и дуракомъ, *а по сему
 же и прочая разумѣвай.* Ибо мода и въ
 безобразіяхъ человѣческихъ имѣетъ свою
 высокость, на примѣръ: здѣсь рыжія волосы
 почитаются безобразіемъ, а въ горахъ Кав-
 казскихъ отмѣнною женщинъ красотою,
 для чего и подкрашиваютъ ихъ особыми
 мазями, такъ какъ здѣсь чернятъ зубы.
 Здѣсь женщины носятъ для украшенія въ
 ушахъ серги, а поселившіяся въ Россіи
 Персіяне и другія языческія народы носятъ
 въ носу въ обѣихъ ноздряхъ по кольцу.
 Здѣсь женщины кладутъ на платьѣ наклад-
 ки, а Камчадалки вмѣсто сихъ накладокъ вы-
 шиваютъ на тѣлѣ своемъ кожу, также и
 рожу.

Н 2

Модоръ

Модоръ или *Кудоводошъ*, Вотьяки почитаютъ сего бога хранителемъ домовъ ихъ, и имѣютъ къ нему великое усердіе. *Мозоръ* же ихъ есть не что иное, какъ вѣтви пихтоваго дерева, см: *вѣра*.

Можжевеликъ, вѣрятъ Башкирцы и прочіе народы, что можжевеликъ всѣхъ злыхъ духовъ изъ жилищъ выгоняетъ, и предохраняетъ отъ всякихъ волшебныхъ наговоровъ.

Макошъ *Мокошъ* или *Мокосль*, Славенскій богъ, имѣлъ въ Кіевѣ храмъ, и приносили ему жертвы.

Муравейникъ, должно найти пару лягушекъ совокупившихся, положи ихъ въ буракъ, и надѣлавъ на ономъ дырокъ, бросить въ муравейникъ, и бѣжать отъ онаго не оглядываясь, ибо произойдетъ великій крикъ отъ демоновъ, которые будутъ просить, чтобъ оглянулся, и когда оглянешся, то будешь въ добычу дьяволамъ. Пришедъ чрезъ три дни, должно буракъ вынять, въ которомъ найдешь уже одни кости, между которыми будетъ вилочка и ключечикъ. Ся вила и ключокъ имѣютъ великую силу въ чародѣйствѣ, когда захочешь, чтобъ женщина тебя любила, то непримѣнно ей потяни ключечкомъ за ее платье, тогда она по тебѣ изсохнетъ; а когда больше для тебя

она

она
прим
она

ютъ
ядов
какъ
имѣ
сель
плян
ужас
шим
Иным
для
ином
со мн
за не
уцѣл
умѣр
костн
коно

женщ
М
исход
образ
фавор
а он
выча
сокой

она будетъ уже не надобна, по также не примѣнно ей оппехни пою вилочкою, по она въ одну минуту тебя забудетъ.

Мухоморъ грибъ, Камчадалы почитаютъ его богомъ пьянства и владѣтелемъ ядовитыхъ зелей. Употребляющие мухоморъ, какъ въ горячкѣ бредящъ, и представляются имъ различныя привидѣнія спрашныя и веселыя, по различности темперамента. Иные пляшутъ, иные плачутъ, иные въ великомъ ужасѣ находящяся, инымъ скважины большими дверми, и ложка воды моремъ кажется. Инымъ мухоморъ приказываетъ удавиться для того что люди будучъ ему дивитъся, иному упоминъся или заколотъся, которое со многими исполняетъся, и когда бы не было за ними присмотру, по ни одинъ бы не умѣренно, тѣ чувствуютъ веселіе, легкость и отважность, такъ какъ Турки, которые онѣума наядаютъся.

Мушанъ-Чепъ, богиня Черемискихъ женщинъ, см: *вѣра*.

Мушки,halbпаяемая на лице, ихъ происхождение и начало полагаютъ такимъ образомъ. Нѣкоторый государь имѣлъ у себя фаворита, первѣйшаго въ государствѣ ранга; а онъ былъ низкія прежде породы, и чрезвычайно въ скоромъ времени дошелъ до высокой степени; въ нѣкоторое время на

единѣ государь спросилъ у него о томѣ
 причины. Любимецѣ чистосердечно призна-
 вшись своему государю, сказалъ: что де-
 сять уже лѣтъ тому назадъ, какъ поль-
 зуется онѣ благосклонностию одной дамы,
 которой онѣ во все то время ни имени не
 знаетъ, ни въ лице ее не видилъ, понеже
 всегда бываетъ онѣ взявъ изъ своего дома
 ночью съ завязанными глазами, и время про-
 водилъ въ такомъ покоѣ, который не
 имѣетъ оконъ, ни свѣчь въ него не при-
 носятъ, и будучи возведенъ сю изъ низкаго
 состоянїя, во столь великіе чины, изъ благо-
 дарности просить ее объ опкрытїи не
 смѣетъ, а ее соизволенїя на то не нахо-
 дитъ. Государь услышавъ сіе, сдѣлался весь-
 ма любопытенъ и думая долго, какъ бы
 узнать оную особу, безъ принужденїя изо-
 брѣлъ къ тому слѣдующее средство. Далъ
 онѣ своему любимцу съ прозьбою отъ себя
 кусокъ адскаго камня, и велѣлъ ему непре-
 мѣнно ей положить онымъ на лицѣ у нее
 знакъ, въ то время, какъ они будутъ вмѣ-
 стѣ. Любимецѣ почитая своего государя,
 не смѣлъ ему въ томъ опказать и сдѣлалъ.
 Государь по утру назначилъ при дворѣ балъ,
 и приказалъ всѣхъ дамъ просить неотмѣн-
 но. Замѣченная не примѣтно ей дама, вста-
 вши по утру, увидѣла въ зеркалѣ на лицѣ
 у себя необычное явленїе, которое однако
 сдѣлано было искусно. На балъ ей ѣхать
 необходимо было должно; а съ такимъ

зна-

знак
 и не
 зума
 сред
 коше
 оную
 ее он
 часъ
 гимъ
 думк
 есны
 дамы
 моды
 и се
 доум
 лежал
 мую
 рнась
 воле
 гда
 своег
 кого
 комъ
 шнем
 казал
 ными
 ютъ
 ихъ
 виск
 ронъ

знакомъ появиться было мудро, хотя она и не знала шому причины. Осирота разума женскаго, шопчасъ предшавила ей средство скрыть оной знакъ подъ мушку, которыхъ тогда еще не было, налѣбивъ оную себѣ на лице, увидѣла, что красота ее она не испортила, и такъ приказавъ шопчасъ надѣлать ихъ болѣе, послала ко многимъ знакомымъ съ тѣмъ, что она сію выдумку получила изъ другаго государства, и есть ешо новая мода. Такимъ образомъ всѣ дамы приѣхали ко двору имѣвша новую моду. Всѣ при дворѣ дивились; а государь и его фаворитъ въ чрезвычайномъ были недоумѣнии, что имъ въ такомъ случаѣ надлежало было сдѣлать, и какъ узнать истинную или особу, для шого государь пришеварился не довольнымъ, и не оказалъ благоволенія своего ко оной. новой модѣ, и когда принуждены были снять всякая съ лица своего новую ту прикрасу, то и узнали, кого желали. Сія исторія кончилась бракомъ, а мушки потомъ оспались во всегдашнемъ употребленіи знакомъ и орденомъ кавалерской побѣды.

Налѣпляющіе оныя на лица съ тайными намѣреніями, и мушки ошлѣстствуютъ имъспію той особы, которая имѣетъ ихъ на лицѣ, на примѣръ: бархатная на вискѣ, значитъ нездоровье; на лѣвой сторонѣ лба шафтяная гордость, подъ нижней

ресницей слезы, на верхней губѣ поцалуй, на нижней склонность и прочая.

Медяница, сей родъ гадовъ почитаютъ весьма вреднымъ, которую представляютъ себѣ слѣпою, и будто она получаетъ зрѣніе въ одинъ Ивановъ день, тогда она увидѣвъ челоуѣка или другаго животного, бросается стрѣлкою и пробиваетъ на сквозь наподобіе стрѣлы.

Мыши, торговые мужики и нѣкоторые купцы, непрекословно вѣрятъ, что ежели изъ купленного товара, въ скоромъ времени мышъ что нибудь попоршилъ, то товаръ скоро съ рукъ и съ барышемъ сойдетъ; а ежели изъ самыхъ лучшихъ вещей, то еще скорѣе и прибыльнѣе.

Напускъ, увѣряютъ, что колдуны напускаютъ на иныхъ страхъ, на иныхъ пьянство и прочія пристрастія, отъ которыхъ избавленія сыскать уже не можно, кромѣ ихъ же чародѣевъ; напускающъ также поску, изнуреніе и прочая.

Истолырь, или летучая мышъ, многіе суевѣры лова ихъ сушашъ, и какъ для здоровья, такъ и для щастія, носятъ всегда при себѣ.

Нія или *Ніянь*, идола сего Славяне признавали богомъ или царемъ адскимъ

Ногти,

назы
осну
мене
гашъ
миѣн
нихъ
или
того
дѣла
у се
кою
чія;
вѣсн

въ (р
во в
меж
въ се
иная
были
непр
межд
были
за ш

то е
озера
жерн
а не

Ногти, сусевѣры и большею частію называемые спаровѣры, или раскольники, остригая ногти, кладушѣ ихѣ въ особый мешечекѣ, приказывая по смерти своей полагать ихѣ съ собою во гробѣ, вѣря несомнѣнно, что на помѣ сѣвѣтѣ спросятѣ у нихѣ опичета, во всякомѣ остриженномѣ, или отдѣленномѣ кускѣ ихѣ ногтя, а для того и Аввакумовскіе ногти носятѣ за дѣланные въ перстняхѣ. Бухарки красятѣ у себя на рукахѣ ногти измяпою гвоздиною желпо, что дѣлаютѣ также и прочія; а особливо въ Астрахани богатія невѣсты.

Обиліе держать, въ древнія времена, въ Россіи бывшіе волхвы, или обманщики во время голода увѣряли народѣ, что есть между ими такія люди, которыя удерживали въ себѣ подѣ кожу иную жипо, иная медѣ, иная рыбу, иная бѣлку и прочая, шокмо всѣ были оныя жены, и по согласію глунаго и непросвященнаго народа, вырѣзывали у нихѣ между плечь оныя вещи, чѣмѣ много губили женскаго пола для своей корысти, но за то опѣ великихѣ князей казнены были.

Обливаніе водою, въ древнія времена, то есть во время идолослуженія, Славяне озерамѣ, рѣкамѣ и источникамѣ приносили жертвы, для умноженія плодовѣ земныхѣ, а не рѣдко и людей бросали въ воду, въ

память чего и нынѣ многіе суевѣры въ первый день святыя недѣли и въ другіе праздники, когда кто проспигъ заупрещенною, обливающѣ водою или въ рѣку, озеро, или колодезь бросающѣ.

Обмерѣть, сіе разумѣется, когда человекѣ будучи нѣскольکو времени мершвымѣ, получитѣ пакн свой чувствія, и будетѣ жить еще, и увѣряющѣ, что таковыя чувствововали все съ ними бывшее на томѣ свѣтѣ, какѣ ихѣ водили по мысарспивамѣ и спрашивали во грѣхахѣ отчепя; рассказываютѣ и еще многое, только утверждающѣ, что прехѣ словѣ сказанъ они не могутѣ, о которыхѣ имѣ съ великимѣ страхомѣ запрещено на семѣ свѣтѣ открывать.

Обморочить, сіе называется то, что ежели кто представитѣ вещь иною, нежели она въ самомѣ дѣлѣ есть: цыганки ходя по крестьянскимѣ домамѣ ворожатѣ, и когда замѣтятѣ, у которой крестьянки въ коробкѣ деньги, то оборачиваютѣ ихѣ мершвыми мышами, или крестьянкѣ такѣ они видятѣ, отѣ которыхѣ цыганка ее избавляетѣ, и взявѣ деньги подѣ видомѣ мышей, уходитѣ.

Оборотни, оборачиваются въ разныхѣ животныхѣ сами вѣдьмы, и оборачиваютѣ также на время и другихѣ людей по злобѣ и въ наказаніе.

Орелъ,

боже
что

дере
Иуда
дере
листв
выча
гда
могн
пянѣ

сл:

И
бынѣ
нки

не до
просп
долж
раку,
его ч
всегд
желн

Орель, Якуты сей птицу воздаютъ божескую почестъ, и весьма берегутся, чтобъ ее не убить.

Осина, простолюдины признають сѣ дерево проклятымъ за то, что будто бы Иуда на ономъ удавился, и для то на семъ деревѣ, хопя бы и никакого вѣтру не было, листочки шевелятся, оножъ имѣетъ чрезвычайную силу прошивъ колдуновъ, и когда такому умершему и вспающему изъ могилы, колъ между плечь осиновый вколо- тятъ, то уже оный не вспанетъ никогда.

Палочный бой, см: Перунъ.

Пасъ-Ачускай, божество Мордовское, см: масшеръ Пасъ.

Пауки, Камчадалки, которыя желаютъ бытъ плодородны, бдятъ пауковъ и пупки съ Кипреемъ.

Передній уголъ, пришедъ въ гости, не должно садиться въ переднемъ углу, ибо просняки вѣрятъ неотмѣнно, что впереди должно сидѣть обыкновенно попу или дураку, попу для опимѣнности и почтенія къ его чину, а дураку для того, что оной всегда ищетъ себѣ большаго почтенія, нежели онъ стоить.

Пере-

Переносье свербитъ, у кого переносье засвербитъ, тому слышать про покойника.

*Перунъ, начальнѣйшій и первостатейный Славенскій богъ, его признавали производителемъ грома, молніи, дождя, облаковъ и прочихъ всѣхъ небесныхъ дѣйствій: станъ его былъ вырѣзанъ искусно изъ дерева, голове имѣлъ серебряную, усы и уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держалъ камень, украшенный рубинами и карбункулемъ, на подобіе пылающаго Перуна, по естъ спремающейся молніи, огонь горѣлъ предъ нимъ безпрестанно; храмъ его былъ въ Кіевѣ надъ Бурычевымъ потокомъ на высокомъ холму, также и въ Новѣгородѣ; въ жернову приносили ему воловъ, а иногда и пленниковъ. При сокрушеніи идоловъ, Кіевскій сего бога истуканъ, брошенъ былъ въ Днепръ, и ниже пороговъ выкинутъ въ промъ на берегъ, оиъ чего и прозвалося то мѣсто до нынѣ Перунова гора. Другой же или сей идолъ, когда пащимъ былъ въ Днепрѣ и бѣенъ палками, и испускалъ тяжкое вздыханіе о своемъ сокрушеніи, то и прозвали то мѣсто, по которому влачимъ онъ былъ *чертова беремище*; брошенный болванъ попалъ въ низъ, а идолопоклонники не просвятившіеся еще сяснымъ крещеніемъ, шли за нимъ по берегу плакали и кричали, *выдибай нашъ государю, боже выдибай*, то естъ выплыви или выдь изъ рѣки,*

рѣки
глас
проз
крес
сѣ к
Нов
Вол
въ
копи
пене
когда
пыла
палк
роди
прич
горо
вмѣс
идол

разу
шану
точн
надъ

Чер

ляст
буде
непр
одна

рѣки, и будто бы идолъ потѣ послушая гласа ихъ, вышелъ на берегъ, онѣ чего и прозвалося мѣсто то Выдубичи, однако крестившіеся Славяне, бросили его опять съ камнемъ въ воду. Такимъ же образомъ Новгородскій Перунъ, когда пащили его въ Волховъ, закричалъ, горе мнѣ впадшему въ руки жестокихъ и коварныхъ людей, которыя вчера почитали меня какъ бога, а теперь надо мною такъ ругаются; потомъ когда бросили его съ моста въ рѣку, то плылъ въ верхъ, и выбросивъ на мостъ палку, вскричалъ: вотъ что вамъ Новгородцы въ память мою оспавляю; сіе было причиною, что чрезъ долгое время Новгородцы имѣли обыкновеніе по праздникамъ, вмѣсто игры и увеселенія, въ честь сему идолу, биться палками.

Пескаль, Лопари подъ симъ именемъ разумѣютъ главу злыхъ духовъ или сатану, который по ихъ обитаетъ въ средоточіи земли или во адѣ, и господствуетъ надъ беззаконниками.

Піабаръ или *Піамъ - Аръ*, божество Черемское, см: *вѣри*.

Плакунъ трава, оная трава заставляеть плакать нечистыхъ духовъ, когда будешь при себѣ имѣть сію траву, то всѣ непріязненные духи ей покоряются. Она одна въ состояніи выгнать дѣдушекъ до-
мо-

мовыхъ, кикимрѣ и прочихъ, и открыть пристуи къ заклѣтому кладу, которой сперегутъ нечислые духи.

Платье, ежели кто выходя изъ дому, и затворяя за собою двери самъ, или кто другой прищемитъ оными, или прихлопнетъ полу или подолъ платья, то сіе значитъ, что бытъ назади, то есть опять возвращаться въ тотъ домъ.

Плевать, ежели кто плюя попадетъ къ себѣ ненарочно на платье, то оное значитъ, что имѣтъ ему неопмѣнно въ скоромъ времени обнову, или шерить наприлину.

Плясаніе, мореходцовъ десять челоувѣкъ муции и женщинъ холостыхъ, и женатыхъ, становящихся вкругъ, въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходятъ кругомъ тихо, поднимая одну ногу за другою по тактѣ, и одинъ за другимъ говоритъ слова, такъ что когда половина выговоритъ послѣднія слова, то другая говоритъ первыя, подобно какъ бы кто спихи по степамъ читалъ. Употребляемыя оныя слова всѣ принадлежащія до мореходства. Великая честь опдается тому, кто всѣхъ перепляшетъ, и Камчадалы столь великіе охотники до сей пляски, что они часовъ по двенадцати и по пятнадцати не переставая пляшутъ, то есть оиъ утра до вечера.

Плову-

мира
и га
коч
люди
корс
двор
Анд
уто
злоб

цати
Вла
пре
лиа
дна
быва

внѣ
ныхъ
ляне
чимъ

бото
спив
пос
пола
опѣ

Пловучее озеро, отъ города Влади-
мира въ восьми верстахъ, весьма обширно
и глубоко: по оному плавають въѣмистые
кочки обросшія мохомъ, по чему просто-
людины увѣряють, что плавають по оному
коробы, въ коихъ брошены были въ сіе озеро
дворяне Кучковичи, убійцы великаго князя
Андрея Боголюбскаго, и думаютъ, что сихъ
утопленниковъ за ихъ неблагодарность и
злобу земля не принимаетъ.

Поганое озеро, находится въ осмнад-
цати верстахъ разстояніемъ отъ города
Владимира, увѣряють, что тутъ было
прежде огромное селеніе, которое прова-
лилося сквозь землю, что во ономъ озерѣ
дна нѣтъ, и что времянно слышанъ въ немъ
бываетъ колокольной звонъ.

Погребеніе, см: могилы.

Позвиздъ, *Похвистъ* или *Вихрь*, дре-
вніе Славяне признавали его богомъ бур-
ныхъ вѣтровъ, и всякаго несчастья; Кіев-
ляне приносили ему жертву, какъ и про-
чимъ богамъ.

Полканъ, Славяне почитали его полу-
богомъ, и приписывали ему чрезъ есте-
ственную силу и не воображаемую пры-
тоспѣ въ бѣганіи: онъ имѣлъ съверху до
половины шѣло и сложеніе человѣческое, а
отъ пояса коневъ. Сіе выдуманное чудо-
вище

вище почитаемо было древними народами; но и нынѣшніе Чукчи вѣрятъ, что на отдаленныхъ отъ нихъ островахъ обитаютъ люди, имѣющія собачьи хвосты, а другіе вороньи ноги.

Помѣ, Камчатское божество. Въ праздничныхъ обрядахъ и церемоніяхъ дѣлаютъ они идолъ его вышиною около полуаршина, а шайный его удъ въ двѣ сажени и долѣ; думать должно, что оный по же значить, что древніе Фаллы.

Понедѣльникъ, во оный день въ дорогу не ѣдятъ, опасаясь несчастія; а иные въ сей день не ѣдятъ мяса, ни рыбы, и сіе называется у нихъ *понедѣлничать*. см: *Лятница*.

Поперхнуться, ежели кто положивши первый кусокъ за столombъ въ ротъ, или пивъ первую рюмку поперхнется, то сіе значить, что кто нибудь спѣшилъ къ нему обѣдать.

Порчи, порпятъ людей колдуны и колдовки, лишаютъ ихъ разума, отвращаютъ жену отъ мужа, или мужа отъ жены, и дѣлаютъ постылымъ, впускаютъ въ чрево змію, или ужа, или какую нибудь жестокую вещь, такъ что баба испорченная весьма по чувствуетъ и говоритъ, что она порча часто ей подкапывается подъ сердце, и лежитъ подъ онымъ какъ пироги.

При

Прикрытъ большой, или большей при-
крытъ, права: Сибиряки почитаютъ праву
сую высоко и увѣряютъ, что оная имѣетъ
силу противъ свадебныхъ ворожей, и ко-
гда невѣста отъ вѣнца привозится въ
домъ жениховъ, то оную праву кладутъ въ
такое мѣсяцъ, гдѣ бы невѣста нечаянно
черезъ нее перешагнуть могла; и тогда
по ихъ сказкамъ ни какіе не берутъ невѣ-
сту уроки.

Примѣты, утверждаютъ простолю-
дины, что ежели кто родится злымъ чело-
вѣкомъ, и навсегда опасенъ для всѣхъ зем-
нородныхъ, а особливо для ближнихъ сво-
ихъ и пріятелей, или всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ
онъ имѣетъ дѣло, то природа полагаетъ
на немъ какой нибудь особый знакъ, такъ
какъ бы печать для его особости, на при-
мѣрѣ: бываетъ либо косъ, или рыжъ, мо-
лодой пѣшивъ, кривъ, мигунъ, заяка, кар-
тавый, а когда имѣетъ изъ сихъ два зна-
ка, на примѣрѣ: рыжъ и косъ, то уже и
есть преопаснѣйшій злодѣй, напротивъ
того, кто хорошъ лицомъ, то говорятъ,
что тотъ уже злымъ быть не можетъ.

Присяга, ежели кто изъ Чувашъ дол-
женъ клясться, того приводятъ въ Кере-
метъ, и тамъ принуждаютъ его при много-
кратномъ заклинаніи ѣсть обыкновенное у
Татаръ и Чувашъ кушанье, состоящее въ
О голу-

голушкахъ, или клецкахъ съ коровиимъ масломъ; въ водѣ вареныхъ, что у нихъ Салма называется, но для испытанія ложной клятвы поятъ опивчичика соленою водою, и еспьли онъ при томъ поперхнется и будетъ кашлять, то признаютъ его виноватымъ. Но когда по какимъ нибудь ссорамъ, или другимъ причинамъ, надобно имъ передъ судьями присягать, то кладутъ имъ въ ротъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорятъ, чтобъ мнѣ етого у себя не видашь, то есть хлѣба и соли, ежели я лгу, или въ словѣ своемъ не устою. Рекрушамъ же даютъ хлѣбъ чрезъ сложенные крестообразно тесаки. Когда присягаютъ Ташары, то моются, берутъ алкоранъ, ударяютъ проекратно онымъ себя въ грудь, и говорятъ, ежели я присягаю неправо, то да постигнутъ меня твои клятвы. Присягающій Тунгусъ беретъ тогда одну собаку, и положивъ ее на землю, поражаетъ ее ножомъ въ брюхо, и чрезъ сію язву высасываетъ изъ нее кровь. Сіе наибольшее подтвержденіе, которое они могутъ учинить, о чемъ бы то нибыло, для того, что они совершенно вѣрили, что кровь сея собаки, тотчасъ задавши того, который возмиметъ дерзость чинить ложную клятву, такимъ способомъ. Но таковыя звѣрства нынѣ уже искоренились.

Прове

на-
мама
миръ
дубъ
до п
тре
ялв
Уе
юш
клад
кунь
сте
ряш
или
сл:
дѣл
и в
нима
дол
чпта
нака
ниц
Р
сего
со из

Прове

Прове или *Проно*, Славенскій богъ, кумиръ его стоялъ на великомъ и кудрявомъ дубѣ, а около его на землѣ наставлено было до тысячи, или болѣе идоловъ, о двухъ, о трехъ и больше лицахъ. Передъ Проно стоялъ жерпвенникъ для приношенія жертвы.

Прыгунъ, скакунъ и разрывъ травы. Увѣряютъ, что сіи травы особую имѣютъ въ колдовствѣ силу, и что безъ нихъ кладу никакого вынять не можно, см: плакунъ.

Пуговицы, ежели кто одѣвшись застегнетъ пуговицы не по порядку, то вѣряютъ, что въ тотъ день бытъ ему пьяну или битому.

Пугорша-Юма, божество Черемисское, см: вѣра.

Пятница, то есть пятый день недѣльный пяткокъ, ежели кто въ сей день и въ понедѣльникъ, что нибудь предпринимаетъ, то успѣха изъ того ожидать не должно, въ сей день прятать и шить почитаютъ бабы за грѣхъ, и ожидаютъ въ наказаніе или нохшоды злой, или заусеницы неизлѣчимой.

Радегастъ, божество Славянское, идола сего представляли держащимъ на груди щитъ со изображенною въ немъ воловьєю головою,

въ лѣвой рукѣ держалъ копье, а на шлемѣ имѣлъ пѣтуха съ распростертыми крыльями, и почитали его защитникомъ городовъ, а для того и приносили жертвы, по окончаніи коихъ начинали жертвенный пиръ съ музыкою и плясаніемъ.

Расколъ, начало происхожденія раскольниковъ послѣдовало во времена великаго Князя *Владимира I*; ибо вскорѣ послѣ его владѣнія, нѣкоторый Армянинъ именемъ *Власій*, сочинилъ книгу о вѣрѣ со многими пустошьюми, а умножились оныя по причинѣ исправленія церьковныхъ книгъ при патрїархѣ *Никонѣ Вѣра* раскольническая есть старая икона, осмиконечный крестъ, семь просвиръ въ литургии, старыя книги, сложеніе двухъ перстовъ. Для прельщенія ко своему сумозбродству выбираютъ раскольники дома богатые, а не скудные, и людей удобно къ тому преклоняемыхъ, каковы суть простолюдины, а иначе полъженскій Пришеоряются благоговѣйными, праведными и преподобными, приносятъ съ собою свой хлѣбъ, а хозяйскаго ни чего не вкушаютъ, доколѣ уговоряшъ ихъ, да и своего мало ѣдятъ. Моляшя съ великимъ прилѣжаніемъ и воздыханіемъ, предлагаютъ вопросы изъ священнаго писанія, съ великимъ умиленіемъ съ пошною и блѣдною рожею, и иногда испуская слезы. Простолюдины же удивляются такому ихъ житію, посту,

посл
пав
гда
под
лип
церк
ски
сип
Хри
то
царе
душ
дѣл
ки
сип
рол
поно
кума
шун
3 Па
Фов
рекре
юш
8 Ан
жан
щен
мел
умир
бра
бопе
нни
пред

посту, молитвѣ, кропкому нраву, и почи-
тають ихъ за великихъ угодниковъ; а ко-
гда такимъ образомъ увидяшъ, что они уже
подловили, то начинаютъ во первыхъ ху-
лить церковь Божію, чинъ духовный, книги,
церковную святыню и вся таинства; а
скипы свои чинъ, и вѣру высоко превозно-
сить, потомъ пророчесвуютъ о второмъ
Христовомъ пришествіи, сказуя, яко уже
то время настаетъ, и уже Антихристъ
царствуетъ въ мѣрѣ. И тако уговоря, увѣ-
душъ въ свои скипы, и тамо сожгутъ, раз-
дѣля по себѣ имѣніе ихъ Скипы или шол-
ки ихъ; 1 Христовщина, гдѣ мужихъ но-
силъ на себѣ имя Христа, а дѣвка Бого-
родицы; 2 Ануфріевщина, икоборщина,
поповщина и чувственики; сіи еретики Ава-
кума пропопона почитаютъ святымъ, пи-
шутъ его образъ и сочинили ему службу;
3 Павловщина; 4 Андреяновщина; 5 Иоси-
фовщина, кривошолки, калиновщина; сіи пе-
рекращиваютъ, и особыми дарами приобща-
ютъ; 6 Безпоповщина; 7 Волосатовщина;
8 Андрѣевщина; 9 Иларіоновщина; сіи слу-
жатъ безъ посвященія, и бабы шайну кре-
щенія совершаютъ, и они суть сожига-
тели; 10 Серапіоновщина, женщины голодомъ
умирающія; 11 Стефановщина, живущія безъ
брака; 12 Козминщина, не крестятся и суб-
ботисвуютъ; 13 Рогожники или Рубин-
ники, таскаются по миру въ рогожахъ и
представляютъ себя святыми. Раскольники,

кои называютъ себя старообръ-
 шаютъ вовсе пому спасеніе, кто вмѣстѣ
 съ ними ниже слѣдующаго не признаетъ и
 не исполняетъ, кто не почитаетъ осми-
 конечнаго креста болѣе четвероконечнаго,
 кто не признаетъ святости въ усахъ и
 бородѣ осмиугольной, кто не вѣритъ, что
 голова дана намъ отъ природы единствен-
 но только для помѣщенія бороды, въ ко-
 торой и душа наша обитаетъ, кто въ
 старинныхъ книгахъ невразумительныя
 мѣста не почитаетъ за тайность, кто не
 знаетъ различія шапокъ, какую носить,
 чтобъ быть въ раю, и какой осперегаются,
 чтобъ не обрушиться во адъ, какую ша-
 пку носитъ сатана, и какой боится, кто
 ходитъ въ церкву и не разбираетъ того,
 что лица святыхъ мученицъ пишутся нынѣ
 очень прелестны; а лики угодниковъ не
 довольно темны, кто пьетъ чай и кофе,
 нюхаетъ, куритъ и за губу кладетъ ша-
 бакъ, кто ѣстъ оливки и каперсы, меноги,
 усперсы, угри, заячину, раки, голуби, со-
 сиски, соусы, желеи, калбасы, кто ѣздитъ
 обѣ одной оглоблѣ, то есть съ дышломъ,
 брѣшетъ бороду и подстригаетъ усы, кто
 ходитъ въ башмакахъ и въ Нѣмецкомъ пла-
 тье, кто пудритъ волосы и носитъ па-
 руки, кто знаетъ, пьетъ или ѣстъ съ
 Армяниномъ, съ Кальвиномъ, съ Люшеромъ,
 съ Каполикомъ, съ Ташариномъ, а паче съ
 Жидовиномъ, кто за обѣдомъ поетъ и сви-
 ститъ,

сти старо-
 лѣтнѣстѣ
 тинѣ и
 пивѣ смитъ
 за инаго,
 въ хвѣ и
 умы чшо
 не ивсен-
 не ко
 насѣ въ
 безъ быныя
 сорѣно не
 ломѣшь,
 друѣсья,
 стѣе ша-
 кто
 того,
 при нынѣ
 жидѣ не
 кофе,
 ша-
 вреѣноги,
 юпѣ со-
 щивѣнѣ
 пияѣомъ,
 отѣкно
 радѣла-
 соѣпа-
 ромѣсъ
 и пѣромъ,
 выѣне съ
 ломѣсви-
 нѣ,

стиѣ, что не вѣритѣ, что есть колдуны, лѣшнн, дьяволы, порчи, ягїя бабы, оборотни, кликушки, ворожен, вспающїе мертвецы, кто тремя перстами крестится, за патриарха Никона божится, наряжается въ харю и Ъзидиѣ въ маскарадѣ, кто не умывкою за столѣ садится, и при людяхъ не рїгаешь, вино съ водой мѣшаетѣ, кто не ложится ничкомѣ, встрѣтившись съ паспоромѣ или франкмасономѣ, кто ходитѣ безѣ пояса, знакомство имѣетѣ съ профессоромѣ, зевая не креститѣ рта, за столомѣ чиститѣ зубы и кусаетѣ губы, самдругѣ глядитѣ въ окно, не парится въ мѣстѣ съ женою.

Редїанѣ, Лопари почитаютѣ сего за бога, принимающаго къ себѣ всѣхъ пѣхѣ, кои жили благочестиво, см: *вѣра*,

Родины, когда женщиныѣ приспѣетѣ время рожень, то часѣ рожень старающа шашень, вѣря, что отѣ того женщина родитѣ легко, а въ противномѣ случаѣ тяжело. Родильную молитву, гдѣ деревни отѣ церковей отдалѣли, и попы или дальности ради, а иногда для лѣности не хотя ѣхатѣ, со упоминанїемѣ имянѣ всѣхѣ, которые при родинахѣ были, наговариваютѣ въ шапку, и посланной принесши въ ту избу шапку, выпряся всѣхѣ очистиѣ Кормятѣ за столомѣ отца новорожденнаго кашею, кума и

другія женщины, такимъ образомъ отецъ высылается на сіе время вонъ; потомъ взявъ столовую ложку, кладущъ во оную по пропорціи горчицы, перцу, хрену, соли, уксусу, сорочинскаго сваренаго пшена, то есть каши бабкиной, и обсыпавъ сахаромъ принудятъ оное сѣсть хозяина, знаменуя тѣмъ, что бы и оной что нибудь при сихъ родинахъ претерпѣлъ болѣзненнаго, такъ какъ и роженица. По многимъ городамъ родня посылаетъ къ роженицѣ, такъ называемую *лорушку*: она дѣлается изъ сухой разваренной малины подслащенной сахаромъ или медомъ; сей порушки посылается всегда по кружкѣ отъ всякаго родственника, и по большому круглому пирогу.

Когда женщина у Мордвы насносяхъ и видитъ, что уже ей приходитъ время родить, тогда всякой день гонюють баню, ибо въ банѣ родить почитаютъ онѣ легче, нежели въ избѣ; бабушка всегда необходимо бываеетъ при роженицѣ, по чему и не дозволяется до самаго разрѣшенія онѣ бремени ни кому входить въ баню. Какъ женщина родитъ, то ея обмываютъ, и обмывъ выходитъ бабушка, и сказываеетъ отцу, сродникамъ и сосѣдямъ о рожденіи младенца: однако еще не допускаетъ никого до роженицы, пока она не сдѣлаеетъ крутой каши и не напечетъ блиновъ, и снарядивъ оными въ банѣ споль, впускаетъ всѣхъ знакомыхъ; потомъ бабушка по принятому обыкнове-

нію

нію,
млад
дене
вый
рече
вася
обря

пог
мыка
хоро
коче
чнущ
угоц
киби
жмен
онѣ
Сте
пока
тора
роже
скоро
знаш
изъ
ломъ
шест
за т
пода
ютъ;
наня
средс
рожен

нїю, начинаеть молишься, и дастъ имя младенцу по своему хотѣнїю, а иногда младенецъ получаетъ имя отъ того, кто первый бабушкѣ попадется; какъ скоро наречено будетъ имя младенцу, тогда бываетъ у нихъ и пиршество, и тѣмъ всѣ обряды кончатся.

Когда Калмычка бываетъ на сносяхъ, тогда избираютъ здороваго и мочнаго Калмыка, котораго чествуютъ каждый день хорошею по ихъ обыкновенїю пищею, о которой выше сказано; и какъ скоро начнутся у роженицы потуги, тогда дюжїй угощенный Калмыкъ садится на полъ среди кибишки, и роженицу посадивъ на колѣни жметъ ее охватомъ своихъ рукъ, начиная отъ груди и опуская ихъ до самаго лона. Сїе давленїе продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока младенецъ начнетъ показываться, котораго Калмыцкая бабушка, сидя передъ роженицею на цыпкахъ караулитъ: и какъ скоро покажется младенецъ, то дастъ знать около стоящимъ, которыя палятъ изъ пистолетовъ, дабы нечаяннымъ выстрѣломъ испугать роженицу, и тѣмъ споспѣшествовать къ рожденїю. Дюжева Калмыка за труды гостятъ два или три дни, и подаривъ овцою или жеребенкомъ, опускаютъ; бѣдные которые не въ состоянїи наняты дюжаго Калмыка, двойное имѣютъ средство, первое состоитъ въ томъ: у роженицы, мучащейся потугами, упробу

перепягиваютъ широкимъ ремнемъ и давятъ сверху на низъ; чрезъ что бываетъ имъ, по ихъ мнѣнію, помощь и облегченіе: послѣднее средство мнѣ кажется быть мучительнѣе предъ другими въ томъ, что роженица принуждена бываетъ употреблять всѣ свои силы на собственное себя мученіе. На палку, къ которой придѣлана широкая развилина, роженица ложится животомъ, и давитъ оной сколько достанетъ силъ, до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени, при всѣхъ сихъ способахъ къ облегченію родовъ случается, что роженицы послѣ родивъ долгое время бываютъ безъ чувствъ; а нынѣ и долго спраждувъ разными отъ того болѣзнями, но крѣпкая ихъ природа все преодолеваетъ, и весьма рѣдко между ими слышать можно, что бы когда женщина замучилась родами. Въ прочемъ ни какихъ увеселеній и пиршествъ при родахъ не бываетъ, какъ на прим. у Россійянъ и другихъ народовъ. Новорожденныхъ дѣтей матери кормятъ грудью сами, а знатныя также имѣютъ кормилицъ.

Родительская суббота, всѣ суевѣры, и простакы вѣрятъ, что поминовеніе родителей важно, и дѣйствительно быть не можетъ, когда поминуютъ ихъ не близины, а для того по деревнямъ приносятъ на могилы и пироги, калачи, каши разныя и прочая. Глупый попъ для своего нажитку

снимая

сн
мог
пов
и в
сен
чен

не д
Мо
ден
и н
рых

что
опъ
пос
объ

кото
бога
не по
ни з
спра

вущ
онъ
ряко
бѣга
гахъ

снимая съ себя ризы, поспинаетъ ихъ на могилу на время проговоренія липи, или и потрахиль, получая за то договорную плату, и послѣ въ церковной прапезѣ все принесенное на могилы, сѣдають, попъ съ приченомъ и принесше вмѣстѣ.

Рождество Христово, въ оный день, не должно выпускать скопины изъ хлѣбовъ. Мордва каждое воскресенъе, а особо въ сей день приносятъ въ жертву пшницъ, пирожное и напитки Россійскимъ святымъ, о копорыхъ они никакого понятія не имѣютъ.

Розы, цвѣты, увѣряютъ простаки, что опъ самаго распущенія розъ, то есть опъ той поры, какъ она разцвѣтуть, до послѣдняго числа Августа опасна бываетъ обѣденная пора.

Роци, лѣса и роци у Славянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были посвящены ихъ богамъ; а инья и совсемъ обоготворялись; не позволялося въ нихъ ловить ни пшницъ, ни звѣрей, ни также рубить деревья, подѣспрахомъ потерянія за то живота.

Русалки, дьяволы женскаго рода, живущія въ горахъ, въ рѣкахъ и болопахъ, онѣ имѣютъ весьма долгія волосы, и увѣряютъ простаки, что часто ихъ видятъ бѣгающихъ по горамъ, и сѣдящихъ на берегахъ рѣкъ, гдѣ онѣ чешутъ длинныя свои
волосы

волосы, и когда только увидятъ онѣ чело-
вѣка, то потчасъ бросаются въ воду. Дре-
вніе Славяне почитали ихъ богинями водъ
и лѣсовъ, поклонялись имъ и приносили жер-
твы, по мнѣнію ихъ, имѣютъ онѣ весьма
долгія зеленыя волосы.

Собака воетъ, когда въ которомъ домѣ
собака завоетъ, то увѣряютъ, что бытъ
тамъ нещастію, а ежели на кого собака
попянется, то предвѣщаетъ ему обнову.

Сабанное, празднество, прозвано отъ хлѣ-
бопашеннаго орудія сабана, потому что оно
поржествуется предъ начинаніемъ пашни;
поржество сіе смѣшено съ свѣтскими и
духовными обрядами, и происходитъ слѣ-
дующимъ образомъ:

У Башкирцовъ по вечеру собираются
изъ всей деревни молодые ребята, на оп-
борныхъ верховыхъ лошадяхъ, и проѣхавъ
всю деревню изъ конца въ конецъ, изъ око-
лицы возвращаются, и предъ каждымъ до-
момъ дѣлаютъ великой крикъ и стукъ до-
тѣхъ поръ, пока хозяинъ дому, такую оп-
борную артель чѣмъ нибудь не наградитъ;
по большей части надѣляютъ ихъ куриными
яицами. Собравъ подворную пошлину, моло-
дежь разбѣзжается по своимъ дворамъ, и
по утру до самаго солнечнаго восходу, вся
ихъ артель выѣзжаетъ на поле, и назна-
чивъ не малое разстояніе, пускаются ска-
кашь

кап
внѣ
спин
лодѣ
при
угла
дос
на с
пока
всег
почи
не м
лей
чип
знач
по
енн
ваеп
дру
куш
бор
гой,
деш
нихъ
цар
той
всѣх
всѣ
чеш
хлѣ
внѣ
бавн
каш
ло-
пре-
одъ
ер-
зма
омѣ
ннѣ
ка
у.
каѣ-
оно
нни;
и
каѣ-
нся
ош-
навъ
око-
до-
до
оп-
тѣ;
нми
око-
и
вся
зна-
ска-
кашъ

касть во всю прыть; при вѣздѣ въ дере-
 вню стоятъ обоюга пола зрители, а въ извѣ-
 сномъ разстояніи отъ зрителей или мо-
 лодой дѣтина, или дѣвка держитъ на шестѣ
 привязанной бѣлой плащъ, вышитой по
 угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ, который
 достается въ награжденіе тому, кто всѣхъ
 на своей лошади перегонитъ, и первый пла-
 шокъ сорветъ съ дрепка. Хотя плашокъ
 всегда бываетъ малоцѣнный, однако побѣда
 почитается за велико, и приписываются
 не малыя похвалы побѣдителю отъ зрите-
 лей общимъ восклицаніемъ. Если же слу-
 чится двоимъ прискакать вмѣстѣ къ на-
 значенному мѣсту, и схватиться за плащъ,
 то должны они совершенное плаща присво-
 еніе заслужить борьбою. Борьба у нихъ бы-
 ваетъ такимъ образомъ: они не берутъ другъ
 друга за воротъ, какъ Рускіе борцы, но за
 кушаки, и упоробляють обыкновенныя при
 борбахъ ухватки, хотя плащъ и не доро-
 гой, однако не всякъ охотно пожалеетъ и
 дешевую вещь подарить другому, то у
 нихъ узаконено, что бы на сабанномъ ры-
 царствѣ награжденіе сдѣлано было руками
 той женщины, которая въ деревнѣ моложе
 всѣхъ замужемъ. По окончаніи рыцарства,
 всѣ деревенскія жители сходятся въ ме-
 четъ на молитву, и просятъ бога о урожаѣ
 хлѣба; послѣ чего общее бываетъ въ дере-
 внѣ пиршество, а у молодыхъ разныя за-
 бавы, какъ то борьба, капаніе яциами, ка-
 чели

чели и хороводы; а оппраздновавъ принимаются за пашню.

Свадьба, см: Бракъ.

Свистъ, суевѣры утверждаютъ, что ежели кто свиститъ, то опъ того Богородицынъ ликъ отвращается, и ежели свиститъ въ домъ, по тому дому конечно опуститъ.

Святовидъ, Свѣтовидъ, и также *Святovichъ*, богъ солнца и войны, почитался и имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомъ городѣ Ахронѣ: каждый годъ, Ахронскіе жители, какъ мужчины, такъ и женщины приносили во храмъ подапи по пенязю. Истуканъ Святовидовъ былъ преогромныя величины, здѣланъ изъ дерева крѣпкаго о чепырехъ лицахъ на подобіе фонаря, такъ что опъ всякія страны образъ его видимъ былъ, можетъ быть ето значило чепыре времена года; идолъ сей былъ бѣзъ бороды, съ завышыми кудрями, по употребленію Славянъ Ругянскихъ въ короткой одеждѣ, въ лѣвой рукѣ имѣющій лукъ, а въ правой рогъ изъ металла; на бедрѣ висѣлъ у него превеликій мечъ въ серебряныхъ ножнахъ, въ сторонѣ лежали сѣдло и узда коня его величины чрезвычайныя. Сей кумиръ стоялъ посрединѣ каплицы, стоявшія по срединѣ храма, завѣшенъ опъ всѣхъ сторонъ красными и велико-

ликъ
браз
виде
вой
уде
хну
и в
ниш
свя
ном
дам
Сем
у ко
ляло
сѣсп
вѣре
побѣ
пого
шад
вяза
сто
какъ
дамы
вѣща
имѣ
извя
нѣ,
родъ
вели
жер
знаш
редѣ

ликолѣпными занавѣсами, одинъ только брадатый жрецъ, который именемъ Святовидовымъ давалъ народу опибѣты въ годовой день праздника, входилъ въ каплицу удерживая дыханіе; а когда хотѣлъ отдохнуть, то выбѣгалъ къ дверямъ каплицы, и выставя голову дышалъ, бояся осквернить божество дыханіемъ смертнымъ. Сей священникъ наполнялъ кумировъ рогъ виномъ, съ долгими и торжественными обрядами, и такъ оставлялъ до другаго года. Сему Святовиду посвященъ былъ бѣлый конь, у кося изъ гривы и изъ хвоста не позволялося ни единого выдернуть волоса, ниже сѣсть на него кромѣ жреца, ибо Ахронцы вѣрили, что Святовидъ ѣздилъ на немъ побѣждать ихъ непріятелей, во увѣреніе того предлагали, что когда оставляли лошадь сію, въ конюшнѣ вычесенну и привязанну къ яслямъ, то находили оную часто на утро вспотѣвшу и замаранну, такъ какъ будто бы кто ѣздилъ на ней въ дальній путь. Опѣ путешествія сего предвѣщали щастливый и худый конецъ своимъ рабямъ; во время приношенія жертвы, извѣявали Святовиду превеликое почитаніе, по скончаніи жатвы собирався весь народъ предъ его капище, для проважденія великаго праздника, для коего убивали на жертву множество скота, и при томъ для знашнаго идольскаго пированія, за день передъ праздникомъ долженъ былъ самъ жрецъ пре-

прежде жертвопринощенія и служенія чисто
 вмѣстѣ въ кумирницѣ. Въ слѣдующій день
 празднества, предъ собраніемъ всего народа,
 передъ дверми храма, взявъ жрецъ изъ
 рукъ идольскихъ рогъ съ виномъ, которымъ
 онъ наполненъ былъ за годъ передъ тѣмъ,
 прорицалъ о плодородіи года, ибо ежели
 вина въ рогѣ немного убывало, то почита-
 лось оное признакомъ плодородія; а въ про-
 тивномъ случаѣ плодоносія не надѣялись.
 По семъ выливалъ священникъ вино изъ рога
 передъ ногами Свяшовидовыми, и наполнялъ
 потомъ оный новымъ, пилъ за его здоровье
 и просилъ, что бы людямъ и отечеству
 подавъ изобиліе, богатство и побѣду надъ
 непріятелями, выпивъ же изъ рога вино,
 наполнялъ его снова, и вспаивалъ идолу
 въ руку. А для браннаго гадательства, вшы-
 кали стоймя передъ храмомъ шесть копей,
 по два въ рядъ, одно подлѣ другаго въ рав-
 номъ разстояніи, и ко всякой двойнѣ при-
 вязывали копье поперегъ такъ высоко, какъ
 можно коню безъ приганія перешагнуть;
 потомъ жрецъ по прочтеніи долгихъ и по-
 рожественныхъ молитвъ, взявъ съ вели-
 кими обрядами коня за узду, переводилъ его
 черезъ при поперечныя копыя, и ежели
 конь переступалъ всѣ при правою ногою,
 безъ помѣшательства съ лѣвою, то почи-
 тали оное за доброе предзнаменованіе пред-
 пріемлемыя войны; а ежели онъ пересту-
 пая копыя мѣшался, то признавали за худое
 пред-

пред-
 начи-
 чаніе
 пире-
 муке
 чело-
 вачъ
 дей,
 нѣтъ
 моли-
 хоща
 ваятъ
 щави-
 шени
 бѣду
 сего
 ядени
 ежели
 иногда
 лѣво
 коня,
 шадъ
 присв
 дровъ
 коня
 жени
 видъ
 всѣхъ
 тови
 ляли
 на бр
 добыч

предвозвѣщаніе, по сему конскому шаганію начиналася война или ошлагалась. По окончаніи жертвы, приносили великій круглый пирогъ сдѣланный изъ муста (или меда и муки), въ срединѣ коего могъ умѣститься человекъ; вшедъ во оный жрецъ, спрашивалъ громкимъ голосомъ предстоящихъ людей, видятъ ли его? всѣ отвѣщаютъ: нѣтъ: тогда священникъ обратясь къ идолу, молилъ его, чтобъ въ предбудущій годъ, хотя мало его увидѣли. По семъ благословлялъ народъ именемъ Святовидовымъ, уѣщивалъ его къ прилѣжному жертвоприношенію, за что въ воздаяніе обѣщивалъ побѣду на враговъ по морю и по суху. Послѣ сего препровождался весь тотъ день въ яденіи и пипіи, и за спыдъ почитали, ежели кто тогда не напивался до пьяна; иногда болвану сему приносили въ жертву и пѣнненыхъ Христіанъ, коихъ посадя на коня, во всей ихъ збруѣ, привязывали лошадей ногами къ четьремъ сваямъ, и подъ приставленные съ обѣихъ сторонъ костры дровъ, положивъ огонь, сожигали живыхъ коня и всадника; о сихъ несчастныхъ сожженникахъ утверждалъ жрецъ, что Святовидъ кровію ихъ весьма услаждается. Изъ всѣхъ полученныхъ корыстей давалась Святовиду третья часть; кромѣ сего опредѣляли еще ему для почести, съ его стороны на брань, триста всадниковъ, и оныхъ всю добычу вручали его жрецу, которой полагалъ

галъ ее въ Святовидово сокровище, откуда не позволялося уже ни малѣйшя вынять части. Наконецъ въ 350 году Вагдемаръ король Данскій взявъ Ахронъ, разрушилъ всѣ храмы; а Святовидовъ истуканъ приказалъ разсѣчь на части, и послѣ сожечь; въ нѣкоторомъ Нѣмецкомъ баснословномъ словарѣ названъ онъ Сванповипсмъ, и при томъ объявляется, что былъ онъ знатнѣйшимъ божествомъ у древнихъ жителей въ Лауницѣ, имѣлъ чешыре головы и покрытъ былъ лапами.

Святые финнами Каполическаго исповѣданія почитаемые, въ день всѣхъ оныхъ святыхъ, попятъ финны на канонъ баню, и снабдивъ оную теплою и холодною водою, также вениками и прочими надобностями, ставяпъ на столахъ кушанье, хозяинъ одѣвшись чистенько, и непокрывая ничемъ головы, растворяетъ въ сумерки ворота своего двора съ такою вѣжливостію, какъ будто бы въ домъ принимаетъ гостей; послѣ чего отпираетъ съ не меншею ласкою баню, и погода не много замыкаетъ. Пропустя нѣсколько времени, отпираетъ для выхода мнимыхъ своихъ святыхъ банныя двери, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукѣ склянницу хлѣбнаго вина, коболду (раггене), ставяпъ въ хлѣвахъ; въ сей же самой вечеръ кушанье. Въ честь идола Кирке, закаляютъ въ день всѣхъ святыхъ, ны
самоа

сам
очн
спи
и

зна
дар
про
бам
соб
сма

древ
чимъ
кан

еще
спра
том
бам
вая
онне
воду
по
гда
при
бовна
Тур

самой упренней зарѣ ягненка, котораго очистивъ и не опрѣзывая ни которой части варятъ, а потомъ ставяиъ на столѣ и ѣдятъ.

Сѣверное сіяніе, у престолюдиновъ знаменуєтъ оное нещастіе цѣлому государству, какъ то морѣ, голодъ, войну и прочая, и называется оно огненными столбами, которые сходяся сражаются между собою, а иногда видяиъ они и воздушныя силы сражающіяся между собою.

Семаргль или *Симаергла*, божество древнихъ Славянъ; коему шакъ какъ и прочимъ, приносили они жертвы и имѣли истуканы.

Семикъ, сей день и слѣдующіе по немъ еще три, древніе Славяне праздновали сладоспирасному богу Туру, употребляя при томъ всякую роскошь и веселіе. Дѣвки и бабы собираясь хороводами плясали, и свивая изъ вѣтвѣя вѣнки, цѣловались сквозь оныя съ мужчинами, а потомъ бросали въ воду загадавши, ежели вѣнокъ поплыветъ, то быиъ ей томъ годъ за мужемъ, а когда попонетъ, то оспаться еще дома, а при томъ вмѣшивались тупъ и всякія любовныя дѣйствія въ честь и жертву идолу Туру.

П 2

Сива

Сива, Сива или *Сѣва*, богиня Славянъ Варажскихъ, жившихъ на островѣ Ругенѣ, изображали ее нагою, волосы висѣли назадъ до подколѣнокъ, въ правой рукѣ держала яблоко, а въ лѣвой гроздь виноградный, признавали ее богинею произрастений, и приносили жертву.

Сильный богъ, Славяне такъ называемый испуканъ, имяновали еще и крѣпкимъ богомъ, его представляли въ видѣ человѣка, въ правой рукѣ держалъ онъ копейцо, въ лѣвой серебряный шаръ; а при ногахъ его лежали человѣческая и львиная головы.

Скола птица, простолюдины увѣряютъ, что она имѣетъ ядъ въ своихъ когтяхъ, и когда къ кому оными прикоснется, то уже избавиться отъ смерти не можно.

Скороль, простакъ или большею частію, суевѣры поспавляютъ за великой грѣхъ выговорить въ посты слово *мясо*, и когда случится въ разговорѣ по необходимо, то приговариваютъ всегда *помяни Господи на свѣтло Христова воскресенье* или *на рождество Христова*, то есть на постъ день, въ который слѣдуетъ по постѣ томъ разговѣнье.

Соболиные промыслы, промышленники бывая на сихъ промыслахъ, многихъ вещей не называютъ своимъ именемъ, вѣря, что

отъ
кого
спе

Кал
соел

свѣ
нын
гя
врем
инн
юш
бога
себя
нын

гому
что
необ
нима
вся

суевѣ
пред
чинѣ
дѣви
ти, са
родо

отъ того дѣлается въ ловаѣ несчастіе, когда всякую вещь будетъ называть ее собственнымъ именемъ.

Сова, бѣлая птица, сѣя почитается Калмыками, предвѣщающею и святою, и состоишь у нихъ въ великомъ почтеніи.

Солнце играетъ, увѣряють, что на свѣтлое воскресенье при восхожденіи солнышко играетъ въ видѣ прысенія, и многія для сморѣнія того сядятъ въ то время на колокольняхъ, на горахъ или иныхъ высокихъ мѣстахъ. Мордва называютъ солнце *Чи-Пасомъ*, и почитая его за бога, жертвуетъ всякой ему хозяинъ у себя на дому птицами, пирожнымъ и хмѣльными напиткими.

Соль, соли за столомъ подавать другому не должно, ибо вѣрятъ безъ сумнѣнія, что то бываетъ причиною ссоры, и когда необходимо случится то сдѣлать, то принимая велятъ разсмѣяться, отъ чего будто вся сила предвѣщанія ссоры разрушится.

Сонъ, соннымъ мечтаніямъ, столькожъ суевѣры вѣрятъ, сколько и цыганскимъ предвѣщаніямъ. Видѣнная во снѣ гора значить, что наяву будетъ горе; рѣка, рѣчи; дѣвица, диво; мертвецъ, снѣгъ; мѣдныя деньги, слезы; лошадь, врагъ; собака, другъ; кровь, родство; кало, деньги и прочая.

Сорочины, въ третій день по погребеніи усопшаго, Черемисы ѣдятъ на могилѣ, также какъ и въ первый день лакомятся въ помѣ домѣ, гдѣ случилась кончина за горящими восчаными свѣчами блинами, и посылаютъ нѣсколько кусковъ и на могилу. Также празднуютъ и въ сороковый день.

Сорочка, вышедшій изъ утробы младенецъ въ сорокѣ, почитается отъ простолудиновъ весьма щастливымъ, отъ чего и произошла пословица въ *сорокѣ родился*. Сю сорочку сбывая кладутъ въ маленькой кошелечикъ или мошеночку, и привязываютъ на шнурокъ младенцу, на кошоромъ обыкновенно носимъ крестъ, которая мошонка называется ладонкою, вѣря, что щастіе отъ того младенца въ присутствіи оной сорочки никогда уже не отойдетъ.

Сочевникъ, сіи дни преданіемъ церковнымъ установлены для пощенія, что и названіе значитъ, и должно во оныя воздержаться ницею до звѣзды, то есть до захождения солнечнаго; но суевѣры наши и проstackи переѣняющъ то въ инос, и вставая рано, смотрятъ на звѣзды, которыя восхожденіемъ солнечнымъ помрачнѣли еще не успѣли, и шупъ принимающа за ницу, не поспавая себѣ пресупленіемъ сего преданія и говоря, что они ѣли при звѣздѣ.

Столъ

наз
опи
го
как
пор
кѣ
за
пото
соль
горо
жер
дом
щени
дом
бир
паго
во
рез
нос
гусн
боку
лов
кшо
жесл

Столъ, когда сядутъ за столъ тринадцатъ человекъ, то должно одному неопимѣнно выйти вонъ, или четырнадцатаго добавити, а тринадцатымъ обѣдать никакъ не лзя по увѣренію суетворъ, которые желаютъ вывести изъ того великія бѣды. Также ежели кто просыплетъ за столомъ соль, то предвѣщаютъ изъ того неограниченную домашнюю ссору, *сми*: соль и уксусъ.

Стриба, божество Кіевское, въ семъ городѣ имѣлъ онъ храмъ и приносимыя жертвы.

Стѣны трещатъ, ежели въ какомъ домѣ, хотябъ то и въ новомъ было, трещатъ стѣны, то значитъ, что изъ сего дома живущимъ въ скоромъ времени перебраться должно.

Стефановъ день, то есть день святаго первомученика Архидіакона Стефана, во оный день должно лошадей поить черезъ серебро.

Студенець, такъ называлось священное озеро бывшее на островѣ Ругенъ въ густомъ лѣсу; оно изобиловало весьма рыбою; однако никто не смѣлъ не единья выловить, почитая ихъ святыми; а ежели кто пресупалъ сію заповѣдь, то весьма жестоко былъ наказанъ. Славяне почитали,

также многіе ключи, источники, озера, рѣки и колодези святыми, приносили водамъ ихъ жертвы, ожидая плодородія. Для здравія своего и святости рѣкъ, по вскрытіи купались во оныхъ, не смотря ни на какую холодную погоду, даже дѣлали то и во время жестокой зимы, отъ чего и нынѣ есть, что въ день Богоявленія купаются въ прорубяхъ, не смотря на жестокость мороза, а отъ того многія простудившись умираютъ; но сіе почитаютъ необходимымъ; тѣ, кои въ святки на игрищахъ наряжались чертями, или вздевали на себя, въ такъ называемыхъ ими импермедяхъ, хари.

Суевѣрь, см: Христіяннѣ.

Табакъ, Раскольники праву сію почитаютъ проклятою, и ставятъ въ тяжкій и непростительный грѣхъ ее употребленіе. Когда случится кому въ ихъ избѣ курить табакъ, то они послѣ его курятъ прои сутки безпрестанно ладономъ; а гдѣ упало нѣскольکو крошекъ онаго, то тѣжъ прои сутки скоблятъ и моютъ оное мѣсто, дабы не шокмо его, но и духъ или запахъ оный вывестъ вѣчно.

Тараканы, сію гадину почитаютъ предчувствующею, и когда въ которомъ домѣ быть пожару, то увѣряютъ, что всѣ тараканы дни за два изъ того дома станицами выйдутъ.

Тин-

Чер
беса
на
ска
она
Т
то
деся
дова
прив
и ны
дере
роги,
проч
пезѣ
лона
коду
богом
весел
не по
особн
поры
сем
спѣв
благо
ма
н.

Тинзябрь-Юма, подѣ симѣ именемъ Черемисы почитающѣ бога живущаго на небесахѣ, см: *вѣра*.

Тригла или **Триглава**, богиня Славенская, испуканѣ ее имѣлѣ при лица, и была она то же что Зевана.

Тризна, значитѣ помяновеніе усопшаго, то есть въ препіи или прижды при въ девятыи, сороковой, годовой и прехѣ годовой день. Древніе Славяне отпраляали призны на могилахѣ пицкою и пициемѣ, что и нынѣ многіе по опдаленнымѣ городамѣ и деревнямѣ дѣлаютѣ, носятѣ на могилы пироги, блины, пряженцы, оладьи, колачи и прочая, и всѣ сидя на оныхѣ или въ трапезѣ при церквѣ, присовокупя къ тому, попа и весь причетѣ сѣдуютѣ.

Туны, такѣ называются у Воляковѣ колдуны, см: *вѣра*.

Турѣ, Славяне признавали сего идола богомѣ сладострастія, который на всѣхѣ веселыхѣ пиршествахѣ и игрицахѣ имѣлѣ не послѣднее мѣсто. Въ честь сего бога особый праздникѣ устанавленѣ былѣ, который и нынѣ отпраляется и называется семикѣ, въ который при многомѣ обжорствѣ и питьѣ, часто бабами забывается благопристойность.

Угорь, рыба, подлая люди не бдятъ угря никогда и говорятъ, что тогда только бить его можно, когда въ семи городахъ рыбы отысканы буденъ не можно.

Ужь, въ сѣнокосъ и другую спрадную пору, когда люди имѣютъ свой отдыхъ, посреди поля или въ лѣсахъ ищутъ всегда тѣкихъ мѣстъ, гдѣ водятся ужи. Тушъ уже спать безопасны отъ вредныхъ змѣй, которыя къ соннымъ приходятъ, и въ оплошности впазываютъ въ ротъ къ человѣку, ибо ужъ такихъ змѣй отгоняетъ прочь, и не опходитъ отъ человѣка; а иногда вползши и на грудь лѣжитъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ проснется. Когда кто нечаянно на ужа наступитъ и успеетъ сказать, *ахъ, ненарокомъ!*: но ужъ хотя бы былъ и уязвленъ не ужалитъ. Въ прочемъ почитаютъ его весьма ядовитымъ, такъ что никто его угрызения вылѣчить не можетъ; но все спасеніе уязвленнаго состоитъ въ томъ, ежели онъ успеетъ окунуться въ воду прежде ужа.

Укусъ, за столombъ укусу одинъ другому не подаютъ, вѣря, что то причина будетъ ссоры; а когда необходимо случится то сдѣлать, то велитъ разсѣяться, и отъ того предвѣщаніе ссоры опровержено буденъ.

Урилы-

дало
коль
въ
вмѣстѣ

есть
рыбы
дов
сила
нихъ

ское
пиро

почи
она

плени
ибо
рѣки
же
сибг

У
гдѣ
то
звени
вагош

ны-

Урилыдачь, божество южныхъ Камчадаловъ, сн боги ихъ не что иное, какъ колья съ обпесанными головками, лежащiе въ юртѣ по грядкамъ, оныя почитаются виѣсто Ханшаевъ.

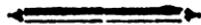
Уродь, Якуты почитаютъ всѣхъ, то есть человѣческаго, звѣрскаго, скотскаго, рыбаго, птичьяго и несѣкомыхъ рода уродовъ сущими дьяволами, и стараются всѣми силами и съ великою боязливостiю отъ нихъ избавиться.

Усладь или *Осладь*, божество Кисское, котораго Славяне признавали богомъ пированiй и всякихъ роскошей.

Утка красная, сiю птицу Калмыки почитаютъ за свящую, и увѣряютъ, что она есть попъ всѣхъ птицъ.

Утопающаго, избавить отъ попленья у Камчадаловъ почитается за грѣхъ: ибо вѣрятъ, что кто его выпацитъ изъ рѣки, тому упонуть будетъ самому, также ежели освободить занесшаго въ дорогѣ снѣгомъ, почитается за тяжкiй грѣхъ.

Уши горять, у кого горятъ уши, того гдѣнибудь въ то время переговариваютъ, то есть подсмѣиваютъ; когдажъ въ ухахъ звенитъ, то загадавъ чтонибудь спрашиваютъ, въ которомъ ухѣ звенитъ? и когда

гда отгадають, въ которомъ ухъ звенить, то неопшвнно загаданное сбуденся.

Филинъ, птица сія починается предвѣспнищею пагубы, и когда прилетѣвъ на кровлю чьего нибудь дома станеть кричать, то кому нибудь изъ того дома, умретъ вскорѣ, или чувствоватъ бѣду. Суевѣры носятъ при себѣ ея когни, дабы привести себя въ безопасность отъ чародѣйства.

Франк-Масоны, сіи собранія называютъ простолюдины дьявольщиною, и вѣрятъ, что естли кто записавшись въ масоны, послѣ раскается, и похочетъ обратиться на истинный путь, то бывашнъ отъ нихъ застрѣленъ, дабы не открывъ ихъ тайны, слѣдующимъ образомъ. Когда принимается онъ въ сіе братство, то прежде всего дастъ имъ рукописаніе писанное его кровію и рукою; а потомъ списываютъ съ него портретъ, и когда онъ имъ измѣнитъ, или раскаявшись захочетъ опсташъ, то стрѣляютъ они въ его портретъ, и гдѣбъ тотъ человекъ ни былъ, конечно будетъ убитъ, и въ то самое время и мѣсто, гдѣ пуля прошибетъ портретъ.

Хантай, божество Камчатское, идолъ его дѣлается на подобіе Сирены, то естъ съ головы по груди человекъ, а опшуда
рыбою,

рыба
пода
лаен
и сп
коп
рой
грѣ
на
и
се
холо
доля
прес
подв
и му
ма
А
ко
ляен
глав
по е
ма
да
имен
и на
ма
7
у Ка
порт
богом
Кид
ма
конх
ма
ма
да
рю,

рыбою, и ставятся обыкновенно въ юртѣхъ подлѣ огнища. Сей Ханшай ежегодно дѣлается новый, во время грѣховъ очищенія, и ставится со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣхъ лѣтъ отъ ея построения *см: грѣховъ очищеніе.*

Холопя, утверждаютъ простаки, что холопя и на помѣ свѣтѣ имѣть будутъ должности работниковъ. Они будутъ безпрестанно паскать дрова, подкладывать подъ своихъ лютыхъ господъ и ихъ жечь и мучить.

Христіанинѣ, суевѣрѣ въ однихъ только наружныхъ поступкахъ и обрядахъ являющагося богобоязливымъ; а въ самомъ дѣлѣ главную должность человека Христіанина, то есть любовь къ ближнему пренебрегаетъ.

Царь морской, Славяне подъ симъ именемъ признавали бога обладателя морями и находящимися во оныхъ живоными.

Цаца, такъ называются молитвенныя у Калмыковъ капища, которыя къ каждому торжеству дѣлаются новыя, а прежнія ихъ богомольныя мѣста или сборища назывались *Кидъ см: вѣра.*

Цвѣты платья, цвѣты матерій, изъ коихъ дѣлаются плащя, значить также и *что:*

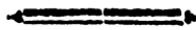
нѣчто: на примѣрѣ бѣлый чистоту, чер-
 ный печаль и проч: зеленого носить не мо-
 жно въ городѣ, а красного въ полѣ. Также
 должно имѣть цвѣты, платье сообразно съ
 лѣтами челобѣту. Красный цвѣтъ въ осо-
 бливомъ почтеннн у всѣхъ Татарѣ, и какъ
 бы ни худое кпо имѣлъ платье изъ ихъ
 принцовъ, однако всегда будетъ у него
 кармазинной красной кавтанъ для церемо-
 нияльныхъ случаевъ. Мурзы ихъ, которые
 нѣсколько выше подлости лучше не будутъ
 имѣть рубахи, нежели красного кармазин-
 наго кавтана. Знатныя женщины сего на-
 рода не думаютъ о себѣ, что онѣ хорошее
 имѣютъ платье, ежели не имѣютъ кра-
 снаго кармазиннаго кавтана. Самыя подлыя
 люди изъ Татарѣ стараются носить изъ
 красного сукна кавтаны, буде они нѣсколько
 другихъ побогачѣе, хопя бы то было и
 изъ простаго сукна. Сіе пристрастіе къ
 красному сукну распространяется до идоло-
 поклонническихъ Сибирскихъ народовъ, ко-
 торыхъ главные думаютъ, что пребогатую
 имѣютъ одежду, когда они смогутъ сдѣ-
 лать красной кавтанъ, такъ что по всему
 Азіатическому сѣверу весьма больше всего
 можно учинить съ кускомъ красного сукна,
 нежели въ четверо противъ того съ день-
 гамр.

Цыганы, Для обманства простаго на-
 рода въ предсказаніяхъ, и для другихъ плу-
 товскихъ ихъ намбрений порпятъ свой
 языкъ

язык
 спа
 тер-
 мо-
 же
 такъ
 нуд
 юш
 не
 ски
 проч
 ног
 лѣс
 рѣи
 коп
 бого
 зыв
 ныя
 зыв
 доби
 лоп
 прес
 чине
 щас
 Но
 жиб
 объя
 почи
 нед
 коп
 гуро
 ным
 жан
 мой
 такъ

языкъ выговаривая слова наизворотъ, переставляя буквы и прочая, см: ворожба.

Чародѣи, Самоѣды въ семъ искусствѣ такъ бывають опмѣнны, что многихъ принуждають тому дивиться. Они пребываютъ въ почитаніи нѣкоторыхъ изъ дерева не искусно вырѣзанныхъ фигуръ человѣческихъ, звѣриныхъ, рыбныхъ, пшичныхъ и прочихъ, также и отрубленныхъ головъ и ногъ отъ дикихъ звѣрей, которыя они въ лѣсахъ вѣшаютъ и имъ молятся. Старѣйшими между ими почитаются ихъ попы, которые по ихъ вопросамъ должны волю боговъ объявлять, будущее напередъ сказывать, и какъ говорятъ, всякія чародѣйныя хитрости на подобіе кощуноевъ показывать. У нихъ былъ золотой идолъ на подобіе старой бабы, которой того ради золотая баба названъ; сей идолъ на всѣ вопросы, которые всегда отъ поповъ ему чинены были, отвѣчалъ, также и будущее щасіе или нещасіе напередъ объявлялъ. Но какъ послѣ того оную землю прилѣжище изслѣдовали, то нашлось, что всѣ объявленія о семъ идолѣ, только за басни почитать надлежитъ. Въ провинціи Обдоріе, недалеко отъ устья рѣки Оби, есть нѣкоторой дикой камень, которой своєю фигурою подобенъ старой бабѣ, съ подобранымъ плащемъ, ребенка на рукахъ держащей; но можетъ быть, что фигура сего камня

камня больше художествомъ такъ сдѣлана была. Сія по фигура, думаютъ нынѣ, къ баснѣ о помянутомъ Самоѣдскомъ идолѣ поводъ подала, а особливо когда примѣчено было, что Обдорскіе Самоѣды въ сей странѣ, которая къ рыбной ловлѣ очень способна была, часто собирались.

Самоѣды одеваютъ тѣхъ идоловъ, которыхъ они въ своихъ лѣсахъ вѣшаютъ всякими мѣхами, и кладутъ на нихъ по своему обыкновенію малой уборѣ. Для ихъ священническихъ обрядовъ и чародѣйства можетъ по служить, что о Самоѣдахъ не далеко отъ Печоры примѣчено. Когда они изъ одного мѣста въ другое переѣзжаютъ хотятъ, то собираются всѣ родственики одной семьи вмѣстѣ, и приносятъ жертву всѣ въ одной полашкѣ. Старѣйшій изъ нихъ, который въ лицѣ священника бываетъ, начинается, тогда въ волшебной барабанъ бить, которой только съ одной стороны кожею обпянуть. Барабанныя палки на пядень, съ одного конца круглы и кожею обшиты, на головѣ у него бѣлой вѣнецъ, а лице покрыто одною частью рубашки, на которой навешены многія малыя зубы и ребра рыбы и звѣриныя, потомъ начинаетъ онъ такъ кричать, какъ напримѣръ: въ Англіи и Голландіи мапозы во время радости, или какъ ловцы на гончихъ собакъ; а тѣ, которые съ нимъ въ собраніи, кричатъ за нимъ, икга, икга, икга. Сей

крикъ

крикъ
сколь
поръ
бѣше
при ч
крыш
чинѣ
то са
тепер
чинни
надле
ция за
при ч
но он
прежн
ющія
По се
рей у
опял
книжа
оной
учиня
а кри
и отъ
жался
въ ог
пока
его к
опъ
что к
на
къ
ла
но
на
ко
по
на
не
ни
шь
ки
ву
въ,
на
въ
ны
на
ско
въ,
ки,
онъ
ни-
ръ:
мя
со-
ни,
Сей
акъ

крикъ попъ, и собравшія съ нимъ нѣ-
скольکو разв сряду дѣлають, и до нѣхъ
поръ не перестаютъ, пока свой попъ будто
бѣшеной замертво навзничъ не упадетъ,
при чемъ онъ кромѣ рубахи, ни чемъ по-
крытъ не бываетъ. Какъ у нихъ о при-
чинѣ того спрашивали, для чего ихъ пону-
по случается? по отвѣчали они, что ему
теперь отъ боговъ о томъ откровеніе
чинится, что имъ дѣлать, и куда бѣжать
надлежитъ. Потомъ всѣ при томъ стоя-
щія закричали прижды! Окгао, Окгао, Окгао;
при чемъ попъ свою голову приподнял,
но опять положилъ.

Нанослѣдокъ онъ всталъ, и паки по
прежнему закричалъ, на что присуству-
ющія отвѣтствовали: Икга, Икга, Икга.
По семъ велѣлъ попъ янъ великихъ звѣ-
рей убить, и вмѣстѣ съ предстоящими
опять кричанъ началъ, потомъ взялъ онъ
кижалъ по обыкновенію нашихъ фигляровъ,
оной до половины въ пѣло вопкнулъ, не
учиня себѣ чрезъ то никакой на пѣлѣ раны,
а крикъ между тѣмъ, какъ онъ него, такъ
и отъ предстоящихъ безпрестанно продол-
жался. Онъ положилъ также оной кижалъ
въ огонь, и его такъ долго не вынималъ,
пока онъ весь не разгорячился, а потомъ
его къ себѣ за пазуху сунулъ, и недалеко
отъ пупа въ пѣло, такъ глубоко вопкнулъ,
что конецъ онаго изъ задницы высунулся.

Р

Вы-

Вынувъ оной кинжалъ изъ тѣла, сѣлъ онъ опять безъ всякаго вреда, потомъ поставили они на огонь кошелъ съ водою, и при томъ опять очень громко кричали, а какъ долго оной кошелъ на огнѣ стоялъ, такъ долго они молчали, между тѣмъ приготовленъ былъ стулъ, на которомъ поплъ въ то время, какъ вода кипела, снявши съ головы украшеніе и рубаху, и сложивши на крестѣ ноги сѣлъ. Въ то время началъ поплъ опять кричать, а потомъ завязалъ онъ у себя около шеи и подъ лѣвымъ плечемъ маленькимъ узелкомъ тоненькую веревку, которая была изъ сайгачей кожи свита, длиною сажени въ четыре, а концы той веревки велѣлъ онъ держать двумъ чело-вѣкамъ съ обѣихъ сторонъ.

Какъ помянутый кошелъ съ кипеткомъ предъ поповскимъ стуломъ поставили, и попа такожде и кошелъ большимъ полотномъ покрыли, то спали оные два чело-вѣка за ту веревку такъ долго тянуть, пока они концовъ вмѣстѣ не сведутъ. Тогда всѣмъ присутствующимъ слышно было, что въ оной кошелъ нѣчто улало; а какъ спрашивали, что оное естъ? на то отвѣчали Самоѣды, епо голова, плечо и лѣвая рука попола, которую у него отъ тѣла веревкою опорвало, для того, что она узломъ завязана была, и что ежели кто на того попа, въ такомъ состояніи смершными глазами посмотришь, томъ по-гожъ

гожъ сѣлъ
по-
така
Окга
скаго
высо
кото
знал
докв
сію
ѣдам
стоя
нія
толь
погд
чаях
попа

инья
они
ловъ
совс
будн
что
дипъ
вятъ
у ни
пуска
ихъ
рыхъ
томъ
жото
юшь

сѣлъ
по-
и
а
вѣл
при-
поплъ
съ
на
поплъ
у
чемъ
ку,
ипа,
той
сло-
неп-
ман,
оло-
чело-
уть,
То-
ыло,
какъ
нѣвѣ-
вая
тѣла
она
кто
смер-
то-
гожъ

гожъ часа умреть. Они при томъ опять также какъ и прежде часно Окаго, Окаго, Окаго, кричали; а между тѣмъ изъ поповскаго плашня дважды человѣческой персти высывался. Сказывали, что по есть нѣкоторой звѣрь, котораго имени они не знали, или сказать не хотѣли; напоследокъ по въ подявни голову всталъ, и тѣмъ сію церемонію окончалъ, не объявляя Самоѣдамъ ничего, что до ихъ будущаго состоянія касается, понеже попы откровенія боговъ тайно содержатъ, а народу оныя только по частямъ объявляютъ, и только тогда, когда онъ о какихъ будущихъ случаяхъ спрашиваетъ, и въ то время онымъ попамъ всякъ во всемъ послѣдуетъ.

Въ прочемъ чиняшъ оныя попы еще иныя многія чудныя пѣлодвиженія, когда они у своихъ сокровенныхъ боговъ отѣловъ просятъ, часто кладутъ они ножъ совѣмъ въ горло, или многожды кажется, будто они то дѣлаютъ: но вмѣсто того, чтобъ имъ оной ножъ проглотить, уходитъ онъ въ черенъ, когда они оной давятъ, потому что такой ножевой черенъ у нихъ по обыкновенію фогляровъ внутри пусть дѣлается. Они такожде и на своихъ товарищей руки возлагаютъ, копорыхъ они до полусмерти давятъ, а потомъ опшравивъ предъ своими богами нѣкоторыя церемоніи, оныхъ оная оживляютъ.

ТѢ Самоѣды, которые живутъ близъ канала Вейгауъ, или морскаго успья, новую землю отъ Сибири отдѣляющаго, имѣютъ еще особенное обыкновеніе, которое такъ же сюда надлежитъ. Въ день святаго Николая чудотворца, опрѣзаяютъ они по оному каналу отъ новой земли, въ такомъ разстояніи, сколько днемъ уѣхать можно. Тамъ есть у подошвы нѣкоторой горы одна яма, глубиною на десять сажень. Около той ямы стоятъ скамьи, на которыхъ Самоѣды своихъ разныхъ идоловъ поспавили, и главнѣйшій изъ тѣхъ идоловъ величиною есть въ человека малаго роста. Самоѣды тамъ ходятъ за охотою, и перваго звѣря, котораго своими стрѣлами застрѣлятъ, отвозятъ къ помянутой ямѣ, сдираютъ съ него кожу, и оную на главнѣйшаго идола надѣваютъ, а мясо бросаютъ въ яму. Они ловятъ иногда также и живыхъ звѣрей, какъ то оленей и сайгачей, и бросаютъ въ ту яму, и ежели такой звѣрь до смерти ушибется, то за щастливой знакъ доброй ловли почитаютъ, ежели же такой въ яму брошеной звѣрь еще живъ будетъ, то думаютъ, что имъ въ томъ мѣстѣ щастія въ ловлѣ не будетъ, и того ради отшуда на другое мѣсто для ловли отходятъ, *сл: ворожен.*

Чер-

Каза
Юан
чудо
или
мья
всѣ
и к
но
пой
сп
кром
Сла
щ
тву
шны
его
шеб
дья
шеб
лям
вола
они
чая
онъ
шей
не м
дас

Чер-

Червецъ или *Камаха*, въ праздникъ Казанскія Богородицы, то есть 8 число Юлія, увѣряютъ, что бываетъ отпѣнное чудо. Въ нѣкоторый день краска Червецъ или вылапившіяся изъ пузырьковъ несѣкомья называемыя Камаха, собираются изъ всѣхъ околныхъ странъ ко одному куску, и когда кто въ день Казанскія Богоматери, то есть 8 Юлія встанетъ на разсвѣтѣ, и пойдетъ въ поле искать Камахи, то предостанавляется ему щастіе найти таковое сокровище.

Чернобогъ или *Чернбогъ*, всѣ вообще Славяне признавали сего за бога обитающаго во адѣ; приносили ему кровавую жертву, печальное моленіе, и дѣлали страшныя заклятія, дабы оператишь отъ себя его ярость или свирѣность.

Черныя книги, такъ называются волшебныя книги, копорыя содержатъ въ себѣ дьявольскія навожденія; онѣ написаны волшебными знаками, а большею частію полями или кружками; находятся всегда у волшебниковъ, по которымъ призываютъ они дьяволовъ; когдажъ попадутся они нечаянно не колдуну, то какъ скоро откроетъ онѣ ихъ, то приступятъ множество чертей, и начнутъ просить работы. Когда не можетъ онѣ имъ дать работы, или и дастъ, да легкую, которую они потчасъ

сдѣлають, по утащатъ его во адъ; а чернокнижники зная по ихъ наукѣ, какихъ черти работъ окончатъ не въ состояннн, такія имъ и дають; напримѣръ приказываютъ имъ выть канаты изъ песку, воды, или изъ солнечныхъ лучей, и таскать оными кипювъ изъ моря или другія какія тяжестнн, по черти болѣе къ нимъ и не пристають, понеже и за то наказаны бывають, что сдѣлать не умѣли.

Четвертокъ великнй, спригутъ во оннй день дѣтямъ волосы съ тѣмъ предувѣреннмъ, что онна отъ того больше раступтъ; а у ошрока въ жизни его не болншь голова.

Чистый понедѣльникъ, такъ называется понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста. Во многихъ городахъ по утру собираются кучами ребята, и держа въ рукахъ ухваты, кочерги, помелы и сковородни, обернутыя тряпицами, кричащъ подходя къ каждому дому. Мы масленицу прокатали, святы вечера проиграли, мы рожественъ постъ пропрjali. Свѣтъ наша масленица дорогая, гдѣ ты ночесь ночевала, подъ кустомъ на дорожкѣ, ѣхали Скамарошки, вырѣзали по прушочку, сдѣлали по гудочку, и вы гудушки не гудите, и вы масленицу не будише.

Чи-

нибу
въ
чихъ
манн
разв
гарск
Въ
пны
ваем
ронъ
обип
безче
нош
и ко
вляа
на бо
юпъ
снм
лѣзн
хран
онн
влас
имен
его

Чихать, когда придетъ кому какая нибудь въ голову мысль; а случится, что въ то время не аяннымъ образомъ другой чихнетъ, то знаменуетъ се, что задуманное дѣйствительно сбудется.

Чертово городище, такъ называются развалины, нѣкоего древняго города Болгарскаго царства, на берегу рѣки Камы. Въ семъ древнемъ городѣ былъ великолѣпный у язычниковъ храмъ, и славился даваемыми отвиѣтами, такъ что со всѣхъ сторонъ стекался для того народъ. Въ храмѣ обиталъ ужасной величины змѣй, котораго безчеловѣчные жрецы умилоспивляли приношеніемъ въ жертву людей иноплѣменныхъ, и которые обыкновенную пищу его составляли. Есть еще другое Чертово городище на берегу рѣки Бѣлой, о которомъ увѣряютъ, что жили выгнаны изъ онаго ужаснымъ множествомъ змѣй.

Чукъ-Кереметь Черемиской богъ болѣзней *см: вѣра*.

Чуръ, Славяне признавали сего бога хранителемъ мѣжей, полей и пашень, и оный больше всѣхъ прочихъ боговъ имѣлъ власти надъ чертями.

Шайтанъ или *Ю*, Черемисы подъ симъ именемъ почитаютъ сатану, и разумѣютъ его прародителемъ всѣхъ злыхъ духовъ.

Онъ живеть, по мнѣнію ихъ, въ водѣ, и
бываетъ особливо въ самый полдень лихъ,
см: *вѣра*.

Шаманы, большею частію бываютъ
у Якутовъ, Коряковъ, Тунгусовъ, Бурятъ
и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ во обычаи;
но у Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ Шума-
новъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ
а всякая баба, а наипаче старуха, и всякой
Кохчучъ вохвомъ и полкователемъ сновъ
почитаются. При Шаманствѣ не бьютъ
они ни въ бубны, ни плашья нарочно для
того сдѣланнаго не надѣваютъ, какъ у Яку-
товъ, Корякъ, Тунгусовъ, Бурятъ и всѣхъ
Сибирскихъ язычниковъ въ обычаи, но на-
шептываютъ на рыбу шаглу, на сладкую
пирыву, на тоншичь, и шѣмъ лѣчатъ бо-
лѣзни, шѣмъ отираютъ нещастіе и бу-
дущее предвозвѣщаютъ; а какія слова при
наговорахъ употребляютъ, или кого при-
зываютъ на помощь, того, какъ великой
ихъ тайны, не можно вывѣдать.

Главное ихъ шаманство бываетъ та-
кимъ образомъ, двѣ бабы садятся въ уголь,
непрестанно шепчуть, одна привязываетъ
къ ногѣ крапивную нипку, раскрашенную
красною шерстью, и качаетъ ногу, естъли
ей ногу поднимаешь легко покажется, по-
сѣе почтается за щастливое предзнаме-
нованіе и за будущей благополучной успѣхъ
предприемлемаго дѣла; а буде тяжело, то

за в
бѣсо
и
жест
ихъ,
нѣе,

Съ в
и во
нпъ
естп
нпъ
нищ
дан;
что
ма-
чала
овъ
зага
кой
врем
овъ
камъ
нпъ
спивъ
для
ку-
чѣе,
охъ
шонъ
на-
женъ
ую
прич
во-
и пр
бу-
За в
при
плен
ри-
тѣмъ
кой
женъ
лѣсѣ
на-
нпъ,
яко
нпъ
кура
ую
обвя
дан
прич
шо
юшь
че-
хъ
шо
за

за несчастливое; между тѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами гушъ, гушъ и скрежещепъ зубами, а какъ явится привидѣнiе, то захохотавши кричитъ! хай, хай. Съ полчаса спустя, бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ, ишки, по есть, нѣтъ; а другая баба, какъ ея помощница шепчетъ надъ нею и уговариваетъ, чтобъ не боялась, но прилѣжно бы примѣчала явленiя, и содержалабъ въ памяти, что загадала. Нѣкоторые сказываютъ, что во время грома и молнiи Билюкай къ Шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадывать.

Естьли сдѣлается кому неблагополучiе, или не будетъ щастiя въ промыслѣ, пошчасъ приходишь къ старухѣ или къ женѣ своей, бываешь шаманство, слѣдующия причины, отъ чего произошло такое зло, и предписуются средства къ отвращенiю. За вѣщную же причину вмѣняется преступленiе какого нибудь суевѣрiя, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившей долженъ вырѣзать болванчика, и отнеся въ лѣсъ, на дерево поставить.

Шаманятъ же они и во время праздниковъ, когда грѣхи очищаются, шепчутъ, курятъ, махаютъ, опираютъ тоншичемъ, обвязываютъ перевязками, отговариваютъ пришедшихъ въ изумленiе, и другiя дѣлаютъ неистойности.

Естьли которой младенецъ родилсѣ въ бурю или ненастьѣ, то на возрастѣ, когда онъ говорить будетъ, шаманѣ надъ нимъ, и примиряютъ съ бѣсами такимъ образомъ. Въ жестокую бурю раздѣваютъ его до нага, даютъ въ руки раковину морскую, которую ему подиявъ къ верху, должно обѣгать вокругъ юрту, балаганъ и сабачьи конуры, говоря си слова къ Белюкаю и къ другимъ врагамъ: раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мочите, и мнѣ отъ мокроты будетъ погибнуть, видите, что на мнѣ нѣтъ плащя, и что я весь дрожу. По окончаніи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья.

Такимъ же образомъ гадаютъ они и прудныя сновидѣнія: ибо Камчадалы столько въ томъ любопытны, что по утру самое первое у нихъ дѣло рассказывать сны, разсуждать и заключать изъ того щастіе или злополучіе; о нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они вѣрныя и не премѣняемыя правила, какъ напримѣръ, еслии вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ казаковъ безъ сомнѣнія, и испражненіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа; плотскимъ совокупленіемъ предвозвѣщаеися щастіе въ промыслѣ.

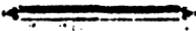
Кромѣ Шамансѣва упражняются они въ хироманшій, и разсуждаютъ о щастливыхъ

выхъ
лини
содѣ
шочк
пала
рой
обще
роды
чаро
за
вѣрн
нѣчи
Шам
за н
укѣ
родо
язво
при
спра
дѣл
запа
межд
манъ
одеж
шту
фигу
ныхъ
колес
може
то
ланы,
они
ан-
ыхъ

выхъ и нещатливыхъ приключенїяхъ по линиямъ на рукъ; но правила свои въ тайнѣ содержатъ. Естлиу кого появится на рукъ шочка, пятно или линия, или вдругъ пропадаетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой Шаманки.

Но восточные Мунгаллы, Тунгусы и обще всѣ идолопоклонническія Сибирскія народы величаются быть очень искусны въ чародѣйствѣ, что больше принять можно за нѣкое грубое неразуміе, нежели за досто- вѣрный знакъ, что они полнинно могутъ нѣчто дѣлать демоискою помощію. И какъ Шаманы, или чародѣи, Тунгусы почитаются за наискуснѣйшихъ въ сей преизрядной наукѣ изъ всѣхъ идолопоклонническихъ народовъ сея части земли, то я теперь объявлю церемонїи, какія они употребляютъ при семъ случаѣ. Когда кто приходитъ спрашиваться у чародѣя о какомъ нибудь дѣлѣ, то надобно, чтобъ онъ ему напередъ заплашилъ сколько за его трудъ, сколько между ими положено будетъ. Потомъ Шаманъ надеваетъ на себя нѣкоторой родъ одежды, копорая вся сдѣлана изъ старыхъ штукъ желѣза, а состоитъ изъ ппичьихъ фигуръ, также звѣрскихъ и рыбьихъ жестяныхъ желѣзныхъ, что все соединено чрезъ колечка желѣзные, такъ что сія одежда можетъ способно вездѣ сгибаться. На ноги то же онъ надеваетъ, а на руки медвежьи лапы, сдѣланныя изъ желѣза, тошъ же мешалъ

и

и на голову, у которыя на челѣ стоятъ желѣзные роги. Потомъ лѣвою рукою беретъ нѣкоторой барабанъ, а правою палку обширную кожу, полевыя мышцы, и начинаетъ скакать и прыгать на крестѣ ногами, а иногда назадъ и напередъ скачетъ онъ такъ, что стукъ желѣза его одежды, совокупно съ стукомъ его барабана, дѣлаетъ звукъ ужасной. Чрезъ сіе время смотритъ онъ въ верхъ глазами на отверстіе, которое на верху его кибитки и непрестано кричитъ, скачетъ и дѣлаетъ, какъ можетъ превеликой шумъ до того времени, какъ онъ увидитъ черную птицу, про которую сказываютъ, что она прилетаетъ и садится на его кибитку. Какъ скоро онъ увидитъ сію птицу, тотчасъ въ безсиліе приходитъ, упадетъ на землю весь въ себя, и пребываетъ въ семъ состояніи чрезъ хорошую четверть часа безъ разума и безъ чувства. Потомъ приходитъ въ себя, встаетъ совершенно здоровъ, и сказываетъ отвѣтъ о дѣлѣ, о которомъ тогда надобно. Говорятъ, что сіи отвѣты никогда ложны не бываютъ на меньшей конецъ, Тунгусы пому вѣрятъ, какъ совершенной правдѣ; но ежели разсудить о предосторожности, что онъ плашу беретъ напередъ, и обѣ оной черной птицѣ, которую какъ скоро увидитъ, то въ безсиліе приходитъ, а видѣть ее ни кто не можетъ кромѣ чародѣя, которой все на ту сторону смотритъ глазами, то

можно

можно
обман
ваше
пако
бывае
дѣлаетъ
его
носив
Числа
числа
гния
солн
ваеко
почи
и кр
и же
щихъ
пруг
е
ой
то
жно

можно легко понять, что то превеликой обманъ.

Ширтѣ, божество Черемиское и Чувакское, см: *вѣра*.

Шукша, по мнѣнію Черемисъ есть такое божество, которое неотлучно пребываетъ между людьми. Онъ примѣчаетъ дѣйстви каждаго человѣка, записываетъ его пороки и добродѣтели, и тотчасъ относитъ оныя богу живущему на небесахъ. Число Шукшей, по ихъ мнѣнію, есть многочисленно.

Шунду-Мумы, второстепенная богиня Вопяцкая, ее признаютъ матерью солда, и молятъ во время на дѣляхъ бываемой оспы, и другихъ болѣзней, см: *вѣра*.

Юмела, подѣ симъ именемъ Лопари почитаютъ общаго бога, и думаютъ, что и кромѣ его есть боги и божки мужскаго и женскаго пола, см: *вѣра*.

Юманашъ, божество Черемисъ живущихъ въ Башкирїи, см: *вѣра*.

Юмонъ-Ава, богиня Черемиская, супруга перваго ихъ бога, см: *вѣра*.

Юлка,

Юлка, ежели у женщины при надеваніи юпки, нѣсколько подола останется завороченымъ, то сіе предвѣщаетъ, что ей въ томъ годѣ родить неоптѣбно сына или дочь.

Ямбе-Акко, Лопари признаютъ сію богиню матерію смерти. Она обитаетъ подъ земною поверхностію, и у нее пребываютъ разлучившіяся съ тѣломъ души, до самаго ихъ рѣшенія судьбины, см: *вѣра*.

Ягая баба, подъ симъ именемъ почитали Славяне адскую богиню, изображая ее страшилищемъ съ ящимъ въ желѣзной ступѣ, и имѣющею въ рукахъ желѣзный пестъ; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питаетъ ею двухъ своихъ внучекъ, коихъ ей присвоили, и услаждается при томъ и сама проліяніемъ крови.

Яица, когда занимаетъ кто яицъ у кого для насѣдки, то черезъ воду, то есть рѣку или каналъ переносить ихъ не должно, увѣряя, что плода отъ нихъ ожидать уже не можно; а когда кладутъ яица подъ насѣдку, то полагаютъ прежде въ шанку, а изъ той уже подъ курицу, вѣря, что отъ того всѣ цыплята будутъ мохноногя и съ хохлами. Дѣлаютъ еще и другое, но здѣсь сказать о томъ не прилично.

Ячмень

Зом...
вель...
и т...
вот...
Лин...
Лом...
пог...
хар...
до...
на.

очи...
кая...
ной...
ный...
ду...
ихъ...
шся

въ у...
естъ...
дол...
лапъ...
подъ...
нику...
что...
ово...
дру...
чно...
чень

Ячмень на глазу, когда такиѣ образомъ заболитъ у кого глазъ, то потчасъ велятъ подносить къ тому глазу кукишь, и говоритъ сѣи слова: ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишь, что хочешь, то купишь, купи себѣ толорокъ, сѣки себя полерегѣ, и увѣряютъ, что болѣзнь отъ того потчасъ пройдетъ безъ всякихъ лѣкарствъ.

К о н е ц ъ.

Погрѣшности.

Напечатано.

Стран: 128 стр: 10, 11.
нѣмъ всего жало не инако,
какъ погубле мснншъ на-
длеострога

Стран: 153 стр: 1
дою онъ военшъ,

Стран: 159 стр: 26, 27.
придавленной имъ ошу-
щаетъ его мохнашымъ,
то значипъ къ добру.
Передъ бѣдою.

Читай.

надлежало мспитъ не
инако, какъ погубленї-
емъ всего острога,

придавленной имъ ошу-
щаетъ его мохнашымъ,
то значипъ къ добру.
Передъ бѣдою

Рыболовы и дагѣ

Таш
Сер

ру
вѣ
ру

Полудниа Кири
Тернозъ итуса.

не
всѣ

пу-
вѣ,
пу-

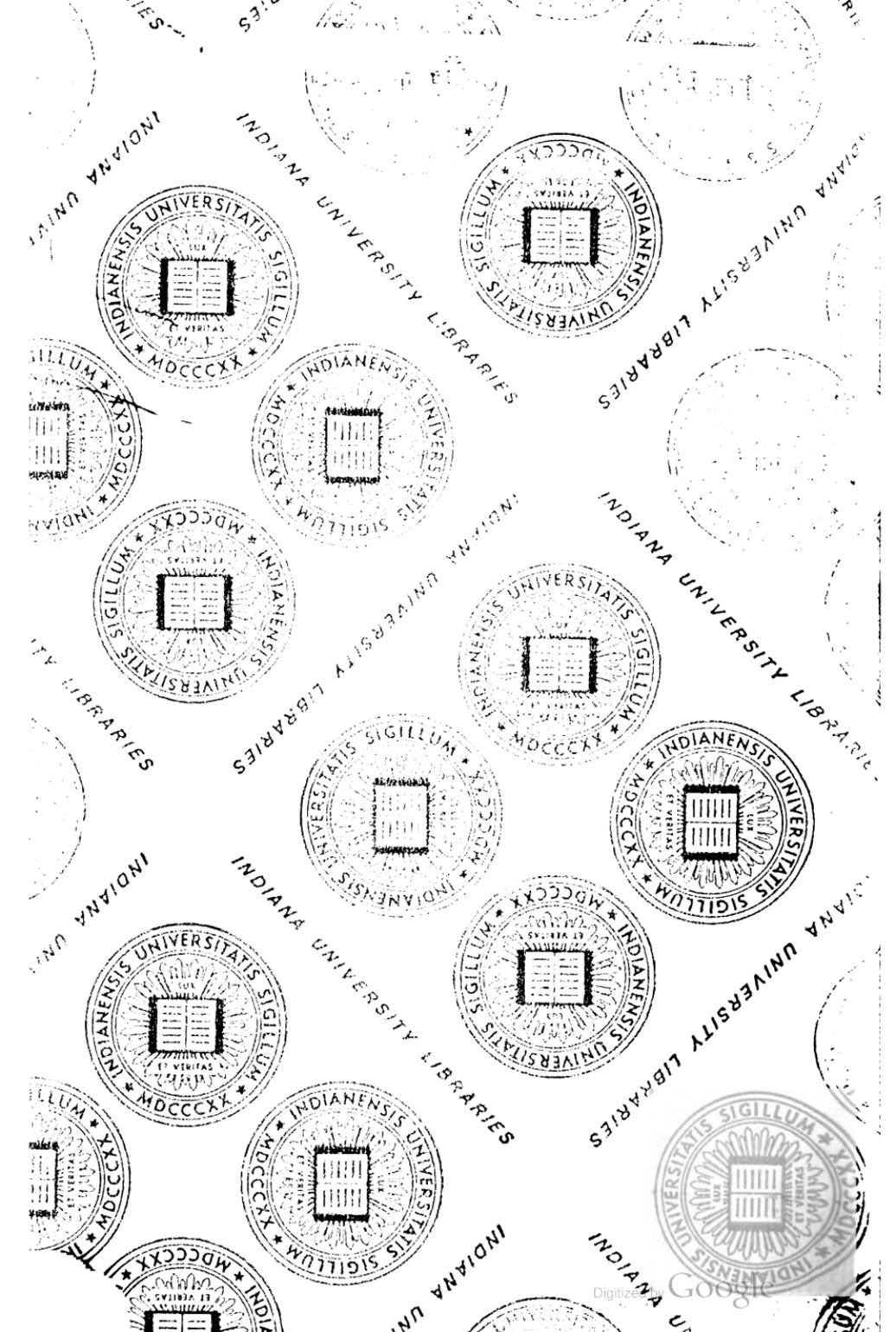
[Chulkov, Mikhail Dmitrievich:
Slovar' russkikh sloveŭ -
iv. V Sankt-peterburgie, 1782
TF June 18, 54.

GR 190

C 49

1782

Rare 13 1/2 Coll.

3 2000 007 285 747

FILED
SERVE

